

1941 **СОВСЕМ ДРУГАЯ ВОЙНА**

Алексей
Виктор
СУВОРОВ ИСАЕВ

**М. Барятинский, М. Мельтюхов,
С. Кремлёв, В. Бешанов,
А. Буровский, В. Савин, В. Рунов,
Д. Хмельницкий**

Александр Больных

**1941. Совсем другая
война (сборник)**

«Яуза»

2011

Больных А. Г.

1941. Совсем другая война (сборник) / А. Г. Больных — «Яуза», 2011

«История не знает сослагательного наклонения» – опровергая прописные истины, эта книга впервые поднимает изучение альтернативных вариантов прошлого на профессиональный уровень и превращает игру в «если» из досужей забавы писателей-фантастов в полноценное научное исследование. В этом издании ведущие военные историки противоположных взглядов и убеждений всерьез обсуждают альтернативы Великой Отечественной, отвечая на самые острые и болезненные вопросы: Собирался ли Сталин первым напасть на гитлеровскую Германию? Привел бы этот упреждающий удар к триумфу Красной Армии – или разгрому еще более страшному, чем в реальной истории? Мог ли Гитлер выиграть войну? Способен ли был Вермахт взять Москву и заставить Сталина капитулировать? Наконец, можно ли было летом 1941 года избежать военной катастрофы? Имелся ли шанс остановить немцев меньшей кровью, не допустив их до Москвы и Сталинграда? Существовали ли реальные альтернативы трагедии?

© Больных А. Г., 2011

© Яуза, 2011

Содержание

Первый удар Сталина. 1941	5
Алексей Исаев. Случайности и закономерности	5
Большая политика	5
«Могла бы произойти катастрофа...»	7
«Первый раунд. Разя огнем, сверкая блеском стали...»	12
Второй раунд. Тень «Барбароссы»	17
Оптимальный вариант	19
С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий. Если бы Сталин напал первым...	22
Михаил Барятинский. Малой кровью, могучим ударом	28
Михаил Мельтюхов. Германия в советском военном планировании в 1940–1941 гг	46
Примечания	75
Сергей Кремлёвю Если бы Сталин ударил...	81
Александр Больных. Тильзитский тупик	98
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Виктор Суворов, Алексей Исаев и другие 1941. Совсем другая война

Первый удар Сталина. 1941

Алексей Исаев. Случайности и закономерности

Весной и летом 1941 г. нарушения границы совсем не были из ряда вон выходящим происшествием в Генерал-губернаторстве. Однако обычно заблудившиеся красноармейцы стремились как можно быстрее покинуть территорию чужого государства. Этот же солдат со знаками различия Красной Армии, напротив, сразу же бросился навстречу немецкому патрулю. Он повторял только одно слово «Ангриф! Ангриф!» (наступление. – нем.). Солдат промок до нитки: было понятно, что он вплавь преодолел Буг. Перебежчика доставили в штаб. Добровольный помощник Вермахта с белой повязкой на руке, сбиваясь, торопливо переводил офицеру слова нежданного гостя из СССР. Однако при всех недостатках перевода основная мысль была понятна: Красная Армия скоро перейдет границу и ударит по Германии. Перебежчик был призван в недавно присоединенных к СССР западных областях Украины и отнюдь не горел желанием принимать участие в войне в рядах Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Еще до окончания допроса последовал звонок в вышестоящий штаб. Нельзя сказать, что там эти сведения вызвали удивление: донесения разведки в последние дни были все тревожнее. Однако в готовившихся к операции «Барбаросса» штабах эти доклады воспринимали лишь как вполне ожидаемые контрмеры Красной Армии перед лицом возможного нападения. Теперь же события принимали неожиданный оборот. Вскоре сотни тысяч людей пришли в движение. Солдаты и офицеры пехотных частей Вермахта занимали позиции в приграничных укреплениях. Томительное ожидание длилось недолго: буквально на следующее утро загрохотала артиллерийская подготовка. Война началась...

Я буду описывать такими вставками курсивом эпизоды войны, которой никогда не было: первого удара Красной Армии в 1941 г. Прошу не забывать, что реальные события были куда страшнее и трагичнее. Однако прошу отнестись к этому снисходительно: анализ альтернативных вариантов развития событий является одним из инструментов изучения истории. Это своего рода мысленный эксперимент, позволяющий нам понять узловые точки и оценить наиболее значимые факторы реальных событий. Лирические отступления с моделированием событий лишь призваны иллюстрировать анализ ситуации и вариантов развития боевых действий. Представьте, что это строки из книги по истории, которую написали бы по итогам альтернативного развития событий.

Большая политика

Удар по Гитлеру первыми традиционно негативно оценивается в отечественной литературе. Впрочем, нельзя сказать, что эта точка зрения является доминирующей. Тем не менее иногда даже звучат слова о том, что Сталин правильно сделал, что дождался нападения Гитлера и не стал нападать сам. Это якобы дало неоспоримые моральные преимущества. Однако это представляется попыткой сделать хорошую мину при плохой игре. Никакого перевешивающего все и вся морального преимущества этот факт не давал.

Германия себя уже достаточно дискредитировала и в достаточной мере сама проявила себя как агрессор. Поэтому вступление в войну против нее с большим трудом можно было бы интерпретировать как агрессию. Ситуация с Финляндией в 1939 г. была все же принципиально другой. Сомнения относительно адекватной оценки вступления СССР в войну ударом по Германии проистекают не в последнюю очередь ввиду демонизации Запада.

Однако демонизированный Запад имеет примерно такое же отношение к действительности, как и голливудский советский генерал, пьющий водку из samovar в промежутках между играми с дрессированным медведем. У Запада были свои интересы и уничтожение как «первого в мире государства рабочих и крестьян», так и России в том или ином виде никогда не было *idée fixe* западных стран.

Я веду здесь речь не об отдельных политиках, а об общих тенденциях европейской и англо-американской политики. Более жесткое разделение на два противоборствующих лагеря произошло только с началом «холодной» войны.

Политические и военные реалии 1941 г. все же принципиально отличались от реалий 1947 г. или 1950-1960-х гг. На внешнеполитическом фронте вступление СССР в войну с Гитлером в любом случае было бы воспринято как возвращение в клуб Сил Добра. Из которого он оказался исключен сначала ввиду пакта Молотова – Риббентропа (но это еще было полбеда), а затем ввиду нападения на Финляндию и силового присоединения прибалтийских государств.

К слову о Финляндии. Вполне возможно, что в случае первого удара Красной Армии Финляндия заморозила бы свои планы по вступлению в войну совместно с немцами. Впрочем, если бы даже финское руководство сохранило бы свой прежний курс, вряд ли бы это оказало немедленное воздействие на ход боевых действий.

С точки зрения внутренней пропаганды объяснение «почему мы начали первыми?» будет, разумеется, непростым делом. Однако в определенной степени это будет соответствовать слоганам предвоенной агитации о «малой крови» и «чужой территории» (в их поп-восприятии). Кроме того, лучшей пропагандой правильности выбранного курса всегда были военные успехи. Или же, скажем мягче, отсутствие крупных провалов. Потеря сначала вновь приобретенных в 1939–1940 гг. земель, а затем и Минска, Смоленска, Киева была куда более значимым ударом по общественному сознанию, чем гипотетические моральные терзания относительно бремени ответственности за первые выстрелы. Если положить на одну чашу весов удар первыми, а на другую – потерю большой территории и бомбежки городов в глубине страны, то вторая чаша однозначно перевешивает. Многие люди попросту теряли веру в победу, начинали сомневаться в целесообразности жертв. В концентрированном виде это выглядело примерно так: «Если мы все равно проиграем (проигрываем), то кому будет нужна моя гибель?» Также крупные и очевидные неудачи неизбежно порождали сомнения в эффективности высшего руководства страны. На всякий случай подчеркну: «крупные и очевидные неудачи». То есть те, которые невозможно скрыть средствами военной цензуры и которые придется признавать публично в прессе и на радио голосом Левитана. Провал масштаба окружения армии Самсонова в 1914 г. советская пропаганда смогла бы без труда скрыть от широкой общественности. В отличие от Николая Второго у Сталина не было в столице парламентского балагана, в котором малосведущие люди учили бы его, что делать, и морально осуждали его реальные и мнимые просчеты. Слухи и сплетни в армейской среде также можно было без труда подавлять средствами цензуры и нажимом со стороны политорганов.

На бытовом уровне люди все же понимали, что превентивный удар может быть вызван военной необходимостью. Несмотря на паузу с осени 1939 г. по весну 1941 г., «фашизм» (принятое в СССР наименование нацизма) был вполне успешно позиционирован как абсолютное зло. Превентивный удар по такому врагу был бы, несомненно, воспринят населением СССР в целом благожелательно. На фоне сообщений ровным голосом Левитана о боях в районе Ломжи, Перемышля, а то и Седлеца решение руководства ударить первыми получило бы поддержку

общества. В СССР чувствовали приближение войны, ее начало хотя и было неприятным известием, но, по большому счету, никого не удивило и не поразило как гром среди ясного неба.

Первые выстрелы быстро делят мир на своих и чужих. Слова известной песни «Киев бомбили» наверняка останутся на своем месте даже в случае «начинаем первыми». И Минск, и Киев, и многие другие города наверняка подвергнутся немецким бомбардировкам с воздуха вне зависимости от того, кто будет инициатором войны. Разрушенные здания, убитые мирные жители будут вызывать к мщению. Одним словом, на внутривойсковом фронте удар первыми был бы также воспринят скорее благожелательно, нежели однозначно отрицательно.

«Могла бы произойти катастрофа...»

Если с политическими последствиями и перспективами ситуация практически очевидная, то оценка возможностей Красной Армии в «первом ударе» является куда более сложным делом. Неудачи лета 1941 г. – это достаточно серьезный аргумент против возможности успешного ведения советскими войсками наступательных операций против германской армии. В сущности, когда мы рассуждаем о возможном исходе сражения полностью развернутой и отобомбленной РККА с Вермахтом, мы должны ранжировать причины поражений в реальном 1941 г. Что было главным в длинном списке причин неудач? Упреждение в развертывании и мобилизации? Низкие профессиональные качества командного состава? Неудовлетворительная тактическая выучка бойцов и младших командиров? Посредственные характеристики боевой техники?

Как многие, наверное, и так знают, я придерживаюсь мнения о преобладании стратегических причин неудач 1941 г. По моему мнению, по своей значимости и весу фактор «упреждение в мобилизации и развертывании» значительно превосходит все остальное. Причем дело не только в ближайших последствиях упреждения Красной Армии Вермахтом, но и в долгосрочных последствиях этого события. Разгром армий особых округов ухудшал условия вступления в бой для остальных соединений и объединений Красной Армии. Соотношение сил, в котором в бой вступали армии из внутренних округов, было заведомо хуже, чем в отсутствие разгрома многих дивизий и корпусов в Приграничном сражении. Соответственно, после разгрома армий внутренних округов новые формирования опять же вступали в бой в худшем соотношении сил с немцами, нежели в отсутствие поражения (и исключения из боевого состава Красной Армии) своих предшественников. Поэтому фактор «упреждение в развертывании» оказывается весьма значимым и «долгоиграющим». Фактически вся летне-осенняя кампания 1941 г. была для Красной Армии преодолением печальных последствий упреждения в мобилизации и развертывании.

Однако было бы непростительной ошибкой приравнять к нулю значимость и вес всех остальных факторов поражения советских войск. Серьезные проблемы с боевой подготовкой и отсутствие полноценных механизированных соединений тоже играли свою роль. Также будет влиять на исход многих сражений недостаточный опыт советских командиров и командующих. Разумеется, в варианте «Красная Армия начинает» все эти факторы сохранятся и будут влиять на развитие событий. Весь вопрос в том, насколько сильно будет это влияние? Приведет оно или нет к поражению советских войск в первой операции?

Надо сказать, что нам в какой-то мере повезло. Относительно перспектив такого сражения есть мнение, безусловно, авторитетного человека – маршала Г.К. Жукова. Причем он высказывался на эту тему даже дважды. В первый раз это был не опубликованный при жизни Георгия Константиновича отзыв на статью Василевского. В нем Жуков сформулировал свою мысль следующим образом:

«Думаю, что Советский Союз был бы разбит, если бы мы все свои силы развернули на границе... Хорошо, что этого не случилось, а если бы главные наши силы были бы разбиты в

районе государственной границы, тогда бы гитлеровские войска получили возможность успешнее вести войну, а Москва и Ленинград были бы заняты в 1941 году».

Формулировка, надо сказать, предельно жесткая. Вместе с тем следует отметить, что главные силы Красной Армии и так были разгромлены в первые недели войны. Произошло это, правда, последовательно, в Приграничном сражении и в боях на рубеже Западной Двины и Днепра. Жуков это прекрасно знал.

Через некоторое время он снова высказался на эту же тему в разговоре с историком В.А. Анфиловым о проекте «Соображений...» от 15 мая 1941 г. в 1965 г. Георгий Константинович тогда сказал: «Сейчас же я считаю: хорошо, что он не согласился тогда с нами. Иначе, при том состоянии наших войск, могла бы произойти катастрофа гораздо более крупная, чем та, которая постигла наши войска в мае 1942 года под Харьковом».

Обычно этими двумя фразами Жукова размахивают в качестве оценки возможностей Красной Армии противостоять Вермахту даже в самых благоприятных для нее условиях. Звучат грозные слова: «Вот и ответ тем, кто ныне считает, что напади Красная Армия первой в 1941 г., то она бы показала рейху «кузькину мать»...». Фактически здесь получается продолжение спора о роли различных факторов в поражении Красной Армии. С опорой на слова Жукова выдвигается тезис о доминировании такого фактора, как боевая подготовка войск и штабов в трагедии 1941 г.

Однако так ли очевидны и однозначны оценки советского военачальника? Должен сказать, что Георгий Константинович был человеком неглупым, а местами даже ехидным. В тех случаях, когда он не мог по цензурным соображениям высказаться прямо, он вполне успешно использовал эзопов язык, понятный посвященным. Человеку, знакомому со статистикой войны, в глаза сразу бросится сравнение с Харьковом 1942 г. Собственно, упомянутая Жуковым катастрофа Юго-Западного фронта была далеко не самым крупным поражением советских войск. Киевский «котел», поражение под Вязьмой и Брянском на начальном этапе битвы за Москву оставляют харьковский провал далеко позади. Тогда, в мае 1942 г., в окружение попали 250 тыс. человек. Под Киевом немцы окружили более 500 тыс. человек, окружение трех фронтов в октябре 1941 г. поглотило почти 600 тыс. человек. Харьков вполне уверенно занимает промежуточное положение между разгромами одной-двух армий (Умань, Мелитополь, Белосток, Смоленск) и окружением сразу целых фронтов.

Это означает, что два высказывания Жукова ни в коей мере не являются эквивалентными друг другу. В первом случае оценки предельно жесткие и перспективы мрачные, во втором – Жуков достаточно оптимистично оценивает масштабы возможной катастрофы. Это заставляет сделать вывод, что Георгий Константинович откорректировал свое мнение и значительно смягчил оценку ситуации. От «Москва и Ленинград были бы заняты» он пришел к сравнению с Харьковом мая 1942 г. Можно также предложить еще одну интерпретацию слов маршала. Как известно, выстоять в 1941 г. позволила «перманентная мобилизация», то есть формирование новых соединений вразрез с МП-41. В случае начала войны с главными силами Красной Армии на границе решение о новых формированиях могло быть принято с опозданием, а то и не принято вовсе. Это могло привести к печальным последствиям. Впрочем, скорее всего, Жуков просто изменил свое мнение и смягчил оценку ситуации.

Так или иначе, у нас есть только самая общая оценка перспектив первой операции войны без упреждения Красной Армии в мобилизации и развертывании. Что же можно сказать о ходе боевых действий? Хорошо известный многим английский публицист оценил перспективы советского наступления как радужные и даже блестящие. Он написал о «Войне, которой не было» так: «В августе 1941 года Второй стратегический эшелон завершил Висло-Одерскую операцию, захватив мосты и плацдармы на Одере. Оттуда начата новая операция на огромную глубину». То есть, по его расчетам, с 6 июля по август 1941 г. была бы пройдена вся территория

от новой границы до Вислы с захватом плацдармов, а в августе – повторен успех реального января 1945 г.

Одно можно сказать определенно: проецирование на «альтернативный 1941 г.» таких блистательных операций реальной войны, как Висло-Одерская, Львовско-Сандомирская, Яско-Кишиневская и «Багратион», совершенно безосновательно. Обстановка на земле и в воздухе в период проведения этих, безусловно, успешных операций была принципиально другой, чем та, которая могла возникнуть в альтернативном 1941 г. без упреждения в мобилизации и развертывании. Дело даже не в очевидных частностях, например в отправке в реальном декабре 1944 г. IV танкового корпуса СС в Венгрию. В альтернативном 1941 г. такое решение вряд ли будет принято. Просто ввиду того, что времени на прорыв к Будапешту просто не будет. В реальности к нему шли всю осень 1944 г. и даже большую часть декабря 1944 г. В альтернативе «Красная Армия бьет первой» берлинско-варшавское направление будет для немцев главным изначально, его ослабление представляется крайне маловероятным.

Каковы же перспективы наступления Красной Армии на запад в таких условиях? Прежде всего необходимо обратить внимание на общее соотношение сил противников на Восточном фронте. В период побед Красной Армии в 1944–1945 гг. оно было иным, нежели возможное соотношение сил в ходе гипотетического «первого удара». Так, на 1 июня 1944 г. Германия имела в составе действующей армии на Восточном фронте 2,62 млн человек против 6,7 млн человек в составе советских действующих фронтов и отдельных армий. Иногда называются даже меньшие цифры. По данным Мюллера-Гиллебранда, на 1 июля 1944 г. в действующей армии на востоке было 2,16 млн человек, включая полевые части Люфтваффе и войска СС. Это был достаточно низкий показатель. Для сравнения: на 1 июля 1943 г. на востоке было 3,14 млн человек, на 22 июня 1941 г. – 3,3 млн человек, не считая Люфтваффе. Соответственно летом 1943 г. немецким войскам противостояли 6,8 млн человек в составе действующих фронтов и отдельных армий. Неудивительно, что летом 1944 г. Красная Армия быстро и успешно наступала, а летом 1943 г. наступление шло с большим трудом и немалыми потерями, а на некоторых участках (Мгинские операции под Ленинградом, Изюм-Барвенковская операция и наступление Миус-фронта в июле 1943 г.) и вовсе оказывалось неуспешным. Одним словом, было бы странно думать, что победы 1944–1945 гг. не опирались на тяжелые бои 1942–1943 гг. Они были подготовлены в тех боях, разгром группы армий «Центр» был не в последнюю очередь следствием снятия с нее стружки в предыдущие годы войны.

Разумеется, в случае отсутствия упреждения в мобилизации и развертывании численность действующей армии Советского Союза будет иной, нежели в реальном 1941 г. Поэтому оперировать реальным соотношением сил летом 1941 г. в оценке возможного развития событий по сценарию «бьем первыми» будет грубой ошибкой. Отмобилизованная и развернутая Красная Армия сможет выставить против Вермахта куда более внушительные силы, чем слабосильные армии прикрытия особых округов. Согласно февральскому 1941 г. мобилизационному плану (известному также как МП-41) общая численность Красной Армии, не считая формирований гражданских наркоматов, должна была составить 8 682 827 чел. военнослужащих и 18 880 чел. по вольному найму. Это весьма близко к 9 млн общей численности Красной Армии к лету 1944 г. Если 9-миллионная армия 1944 г. выставила на фронт 6,7 млн человек, то 8,7-миллионная армия, поднятая по МП-41, должна выставить на фронт не менее 6,5 млн человек. Это приводит нас к реалистичной оценке общего соотношения сил для сценария «бьем первыми». Скорее всего, это будут 6,5 млн человек с советской стороны и 3,3 млн человек со стороны Германии.

Союзники Германии в этих расчетах, заметим, не учитываются. Однако использование союзных войск вряд ли будет выше уровня реального 1941 г. и реального 1944 г. Эту составляющую предлагаю сознательно вынести за скобки. Так называемая группа Антонеску на июнь 1941 г. насчитывала 326 тыс. человек. Летом 1944 г. Румыния достигла максимума мобилиза-

ционного напряжения, под ружье были поставлены свыше 1 млн человек. При этом моральное состояние румын после Сталинграда и разгрома в Крыму в мае 1944 г. было куда ниже, чем в 1941 г., что нивелировало увеличение численности. Венгерская армия заметно подросла от нескольких бригад 1941 г. Тем не менее качественного изменения ситуации учет войск союзников нам не даст.

С этой точки зрения соотношение сил в расчетном 1941 г. (без упреждения в мобилизации и развертывании) будет весьма далеко от реального июня 1944 г. Можно даже сказать больше: позади будет оставлен даже июль 1943 г. с его тяжелым преодолением «Цитадели». К сожалению, соотношение сил сторон будет для СССР даже хуже, чем летом 1942 г. Тогда 2,85 млн человек в германской действующей армии на востоке противостояли 5,7 млн человек в действующих фронтах и отдельных армиях Советского Союза. Как известно, при таком соотношении сил немцы смогли обрушить весь южный сектор советско-германского фронта, дойти до Волги и Кавказа. Ожидать при схожем соотношении сил стремительного проведения Висло-Одерской операции силами КВ-2 и Т-34 с Л-11, очевидно, не приходится. Конечно, Красная Армия летом 1942 г. страдала от нехватки вооружения и боеприпасов ввиду эвакуации промышленности. Однако и Вермахт был уже изрядно потрепан зимней кампанией 1941/42 г. К тому же большая часть истребительной авиации Люфтваффе уже была на Западе. В июле 1942 г. 29 групп немецких истребителей были на Западе и Средиземноморье, 20 – на Восточном фронте и 4 – в Норвегии.

Здесь, вспомнив об авиации, мы плавно переходим от общего соотношения сил к частностям. Еще одним принципиальным отличием реального июня 1944 г. и января 1945 г. от расчетного лета «первого удара» 1941 г. будет соотношение сил в воздухе. Причем как на количественном, так и на качественном уровне. На 31 мая 1944 г. из 4475 самолетов Люфтваффе на Восточном фронте в составе 1, 6 и 4-го воздушных флотов было 1693 самолета (317, 688 и 688 самолетов в соответствующих флотах). Меньше половины общей численности германских ВВС, как мы видим. Еще 193 самолета было в 5-м воздушном флоте в Финляндии и Норвегии, действовавшем на востоке и западе одновременно. Самым многочисленным был воздушный флот «Рейх», ответственный за ПВО Германии – 1348 самолетов. Из 1051 одномоторного истребителя в Люфтваффе в целом в воздушном флоте «рейх» было 444, в 6-м воздушном флоте, в центральном секторе советско-германского фронта, – всего 66. Пропишью: шестьдесят шесть. К началу «Багратиона» это количество даже снизилось и упало до 40 машин. Хотим мы этого или нет, но воздушное наступление англо-американских ВВС оттягивало значительные силы с Восточного фронта. В случае «первого удара» в 1941 г. такого жесткого прессинга с воздуха на западе, разумеется, не будет. Люфтваффе сможет без особого ущерба сосредоточить все свои силы для борьбы за небо на востоке. На 21 июня 1941 г. в Люфтваффе было 4882 боевых самолета, в том числе 1440 одномоторных истребителей. Нетрудно догадаться, какой воздушный флот будет самым многочисленным в случае «первого удара». Это будет один из воздушных флотов на Восточном фронте, скорее всего, на направлении главного удара Красной Армии – на Украине (точнее, в Южной Польше). Авиации Юго-Западного фронта будет противостоять отнюдь не 40 истребителей, как трем фронтам в «Багратионе», а куда большее их число.

С позиции ВВС Красной Армии ситуация также выглядит не блестящей. Боевых самолетов в советских ВВС в 1944 г. было все же больше, чем в июне 1941 г. Кроме того, в 1944 г. авиация объединялась в воздушные армии, позволявшие более гибко и эффективно ее использовать. На 22 июня 1941 г. фронтовая авиация, предназначенная для совместных действий с сухопутными войсками, была представлена собственно фронтовой, армейской и войсковой авиацией. В современном понимании этого термина к «фронтовой авиации» относятся все три группы. Поэтому целесообразнее называть фронтовую авиацию 1941 г. фронтовой группой авиации. Армейская авиация в составе смешанных авиационных дивизий подчинялась непо-

средственно армиям, точнее, командующим ВВС общевойсковых армий. Фронтовая группа авиации, состоявшая из истребительных и бомбардировочных авиационных дивизий, подчинялась командованию фронта. Войсковая авиация – это корректировочные эскадрильи и эскадрильи связи на самолетах У-2.

Подобная схема фактически распыляла силы ВВС фронта, размазывая половину боевых самолетов по армиям. Командование фронта не имело возможности осуществить массирование ВВС в своих руках на важнейшем направлении. В отражении удара противника или в наступлении могла принять участие авиация армии, в полосе которой происходили эти события, и авиация фронта. В это же время на более спокойных участках фронта подчиненная армиям авиация бездействовала или занималась решением малозначительных задач. От этого ушли только в мае 1942 г., когда были созданы воздушные армии. Они объединяли все авиадивизии фронта в одну организационную структуру и облегчали маневр авиацией и в наступлении, и в обороне. Командование фронта через штаб воздушной армии могло массировать усилия авиации на ключевом направлении. Это также улучшало качество управления авиацией. Отнюдь не все общевойсковые командующие были достаточно компетентны для правильной постановки задач ВВС. Армейская авиация в реальном 1941 г. далеко не всегда использовала свой потенциал именно по этой причине.

Развитие событий в воздухе над «первым ударом» в свете вышесказанного нетрудно спрогнозировать. Первый удар, скорее всего, будет достаточно результативным. Какое-то время советские летчики будут даже господствовать в воздухе. Однако вряд ли этот удачный дебют будет длиться бесконечно. Успешное наступление войск Красной Армии на том или ином направлении, словно магнит, будет притягивать к себе группы, и даже целые эскадры, немецких истребителей. Действующие в интересах наступающих механизированных и стрелковых корпусов советские бомбардировщики и штурмовики будут встречать плотные группы немецких истребителей. Собственно, будет повторяться сценарий атак на «механизированные колонны» лета 1941 г., только в несколько откорректированном виде. Ареной ожесточенных воздушных боев станут узловые пункты советского наступления.

Специфика организационной структуры ВВС КА сыграет здесь свою отрицательную роль. Авиация армий на направлении главного удара будет быстро перемолота в таких боях. Усилить ослабевшие армейские авиадивизии фронтовому командованию будет, строго говоря, нечем. Одновременно наступающие мехкорпуса подвергнутся ожесточенным бомбардировкам. Вообще говоря, я здесь даже не просчитываю некое гипотетическое развитие событий, а описываю в общем виде их реальный ход в некоторых советских операциях 1942–1943 гг. Точно так же, как массированные бомбардировки останавливали контрудары мехкорпусов в реальном 1941 г., а также 1942 г. и 1943 г., они будут останавливать наступление мехкорпусов «первого удара» в глубине немецкой обороны.

Если летом 1943 г. немецкая авиация остановила наступление 1-го танкового корпуса под Орлом, то что ей мешает останавливать мехкорпуса в «ударе первыми»? Заметим также, что в 1941 г. советские легкие танки были все же куда уязвимее к ударам с воздуха, чем летом 1943 г. Советские танковые командиры, участвовавшие в контрударе под Лепелем в июле 1941 г., едва ли не в один голос говорят о высоких потерях от авиации.

С тактической точки зрения ситуация будет практически одинаковой с контрударами реального 1941 г. Наступающий советский мехкорпус будет встречен наспех построенной обороной немецкого резерва где-то в глубине обороны. Сломать оборону этих резервов помешает авиация. Которая будет расчищать воздух от советских «мигов» и СБ, а также наносить удары по боевым порядкам мехкорпусов. Это будет повторение атак 6-го мехкорпуса под Гродно 25 июня или 8-го мехкорпуса под Берестечко 26 июня 1941 г. В обоих этих случаях советские танковые части были принуждены к отходу мощными авиаударами.

Однако на этом сравнение сил сторон можно пока завершить. Общее соотношение сил на земле и в воздухе, безусловно, важно, но в начальный период войны на него накладывается своя специфика. Войны еще нет, стороны еще только разворачивают свои вооруженные силы на общей границе. В реальном 1941 г. мы были упреждены в мобилизации и развертывании. Рассматривая альтернативные варианты, нужно, прежде всего, определиться с тем, в каком положении окажется Германия и ее Вооруженные силы. Она вполне может оказаться упрежденной в развертывании. В этом случае соотношение сил в Приграничном сражении может оказаться куда более выгодным для Красной Армии, чем рассчитанное выше, исходя из фактической численности и МП-41. Очень многое зависит от «градуса» упреждения, то есть от того, на каком этапе своего развертывания германская армия попадет под удар советских войск. Вышеприведенное соотношение сил – это количество войск, которое стороны могут выставить на общую границу в наилучшем для себя варианте. Другими словами, это численность войск на общей границе в случае, если и Вермахт, и Красная Армия успевают завершить развертывание. Такой вариант тоже нельзя исключать, хотя он представляется далеко не самым вероятным.

Наилучшим, с точки зрения соотношения сил, представляется вариант, когда Гитлер вовсе отказывается от проведения «Барбароссы» в 1941 г. Например, получив новые разведданные о численности советских вооруженных сил, количестве танков и самолетов в Красной Армии. Эти данные могли заставить пересмотреть наряд сил для проведения операции по выходу на линию Архангельск – Астрахань. Соответственно, подписание Директивы № 21 в декабре 1940 г. могло не состояться. Теоретически в этом случае к июню 1941 г. могла остаться неизменной группировка войск на границе с СССР по состоянию на начало года. Это, напомним, всего 26 дивизий. В этом случае Вермахт в «Генерал-губернаторстве» (оккупированной Польше) мог ждать действительно эпический разгром в стиле Висло-Одерской операции января 1945 г. Эти 26 были бы просто сметены советским ударом.

Однако сдвиг «Барбароссы» на 1942 г. ввиду осознания военной мощи Советского Союза, скорее всего, привел бы к наращиванию группировки на востоке в оборонительных целях. На 26 дивизий надеяться не приходится. Красную Армию встретила бы развитая система инженерных заграждений, севшие в плотную оборону 70–80 пехотных дивизий с двумя-тремя моторизованными корпусами во втором эшелоне. Учитывая проблемы с взаимодействием с инженерными частями, продемонстрированные Красной Армией в Финляндии, прогрызание такой обороны могло стать достаточно долгим делом. Это дало бы немцам время на переброску резервов из фатерлянда и с запада.

Наиболее вероятным представляется вариант, когда советский удар застанет германские войска на одном из завершающих этапов развертывания для «Барбароссы». Например, если советское руководство примет решение запустить процесс мобилизации и развертывания, а Вермахт будет задержан Балканской кампанией. В этом случае Красной Армии на западе будут противостоять от 70 до 90 немецких пехотных дивизий. Основные силы танковых групп, включенные, как известно, в последний эшелон для выдвижения к границе с СССР, будут еще в пути.

«Первый раунд. Разя огнем, сверкая блеском стали...»

Итак, предположим, что в начале июня 1941 г. Вермахт оказывается упрежден в развертывании. Танковые группы находятся на ранних стадиях перевозки на восток. Подвижные резервы трех групп армий сравнительно немногочисленны, и основным противником перешедшей в наступление Красной Армии становится пехота. Германская разведка вряд ли останется слепой и глухой, особенно в последние дни советских приготовлений. Поэтому вряд ли советские дивизии встретят на границе пустые позиции. Подготовленные для «Барбароссы»

соединения будут, скорее всего, в последние дни и часы подтянуты к границе и займут пограничные укрепления.

Однако пехотные соединения германской армии в 1941 г. были «крепким орешком». Это еще были девятибатальонные дивизии, то есть из девяти батальонов в трех пехотных полках. Переход на характерные для немцев во второй половине войны шестибатальонные пехотные дивизии (по два батальона в полку) намечался в 1942 г. и состоялся окончательно во второй половине 1943 г. Немецкая пехота июня 1941 г. была хорошо укомплектована, и взломать ее оборону было бы не так-то просто. Это, скорее всего, удастся Красной Армии лишь на направлениях, где имеется общее двойное-тройное численное превосходство над противником, с внушительным перевесом на направлении главного удара. Такое превосходство было у Красной Армии на Украине, на Юго-Западном фронте.

Целью перешедших в наступление войск Юго-Западного фронта были классические «канны» для немецких войск в Южной Польше. 5-я армия генерала Потапова из района Ковеля была на Люблин с востока. Ее эшелонам развития успеха были два мехкорпуса: 22-й Кондрусева и 9-й Рокоссовского. В них были в основном легкие танки, только во 2-м мехкорпусе был 31 неповоротливый КВ-2. 6-я армия генерала Музыченко перешла в наступление на Люблин с северного фланга львовского выступа. Ее танковый кулак был не в пример мощнее: 4-й и 15-й механизированные корпуса генералов Власова и Карпезо с сотнями новых танков. Первые потери они понесли уже при прорыве вражеской обороны – танковые части пришлось вводить в бой, а не в чистый прорыв. Однако, вырвавшись на оперативный простор, мехкорпуса Власова и Карпезо уверенно продвигались вперед, к Люблину. Казалось, что до замыкания кольца окружения остаются считанные часы. Центр «канн» образовывала 20-я армия Курочкина. Поворот на Люблин открывал левый фланг двух советских мехкорпусов. Однако это было предусмотрено планом. С «макушки» Львовского выступа через Перемышль на Тарное и далее к Висле прорывались войска 26-й армии Костенко. Ее главной ударной силой был 8-й механизированный корпус генерала Рябышева. За ним шел 16-й мехкорпус комдива Соколова. Под их ударами немецкие части отходили дальше на запад, к Висле. Тем самым дальше на запад сдвигалась угроза флангам 4-го и 15-го мехкорпусов. Поначалу настроение в частях было приподнятое. Однако по мере продвижения к Люблину новые КВ и Т-34 все чаще оставались на обочинах дорог. Горели фрикционы, ломались коробки передач, выходили из строя двигатели. Также все чаще над колоннами грузовиков стали появляться самолеты с крестами на крыльях. Поначалу их атаки успешно отражали остроносые «миги» 15-й авиадивизии. Но самолетов с крестами становилось все больше, а краснозвездных истребителей – все меньше. «Юнкерсы» и «хейнкели» все чаще атаковали колонны с горючим и боеприпасами. Нередко немецкие бомбардировщики появлялись над полем боя, обрушивая град бомб на артиллерийские позиции и даже атакующие танки и пехоту.

Какие контрмеры можно будет ожидать от немецкого командования? История войны дает нам обширный материал для построения возможной стратегии и тактики Вермахта в гипотетическом оборонительном сражении лета 1941 г. Типовым приемом германской армии в такого рода операциях было стягивание на опасное направление крупных сил авиации. Более того, чаще всего именно авиация прибывала к полю сражения первой и наносила первые удары по наступающим советским частям. Люфтваффе обладали достаточно гибкой структурой в лице воздушных флотов и авиакорпусов. Также немецкие командующие не стеснялись дробить даже такие структуры, как бомбардировочные и истребительные эскадры по группам (примерно по 40 самолетов). Одна группа могла защищать рейх в ПВО, другая действовать под Ленинградом, третья – под Курском.

Авиация Юго-Западного фронта в реальном июне 1941 г. насчитывала около 2 тыс. самолетов в 46 авиаполках. Истребительная авиация насчитывала 1166 боевых машин (159 МиГ-3, 64 Як-1, 450 И-16, 493 И-153). Как мы видим, истребителей новых типов было меньшинство, 20 % общей численности. Однако не следует думать, что в варианте «Красная Армия бьет первой» эта группировка будет неизменной. По «Соображениям...» от 15 мая 1941 г. Жуков широким жестом отписал юго-западному направлению 91 полк авиации. Разумеется, нужно учитывать, что этот наряд сил включает в себя полосу Одесского округа, позднее отданную Южному фронту. Тем не менее в бой Юго-Западный фронт должен был пойти не с 46 полками авиации, а с несколько большим их количеством. Нарастить группировку авиации фронта предполагалось за счет авиации внутренних округов. Вместе с армиями внутренних округов в штатном варианте прибывала также их авиация. На 1 июня 1941 г. внутренние округа (АрхВО, МВО, ПриВО, ОрВО, ХВО, СКВО, УрВО и СибВО) насчитывали 1856 боевых самолетов, в том числе 1613 исправных. Новые истребители были только в Московском округе, 67 МиГ-3 и 69 Як-1. По понятным причинам новые машины шли в первую очередь на укомплектование приграничных округов. Так что заметной качественной прибавки парка истребителей ожидать не приходится, только количественной. Однако отмобилизованный и развернутый Юго-Западный фронт пойдет в бой не менее чем с 2500–2700 самолетами.

Однако группировка ВВС противника также не останется неизменной. В реальном июне 1941 г. Украина не была для немцев точкой приложения основных усилий. Против ВВС Юго-Западного фронта действовала всего одна эскадра одномоторных истребителей – JG3 со 109 боеготовыми самолетами в трех группах на 21 июня 1941 г. Всего же в 4-м воздушном флоте в южном секторе советско-германского фронта было около 600 самолетов. Если же немцам придется реагировать на советский удар, то в Южную Польшу будут брошены куда большие силы. Скорее всего, на юг будет перенацелен VIII авиакорпус Вольфрама фон Рихтгоффена, в реальном 1941 г. действовавший в составе 2-го воздушного флота в Белоруссии. Помимо ударных «штук» в его составе также были одномоторные истребители в количестве трех групп (123 Bf109E/F). Наверняка этим дело не ограничится и на усиление 4-го воздушного флота будет направлено еще несколько групп «мессершмиттов».

Не будет большим преувеличением сказать, что германское командование уверенно соберет против авиации наступающего Юго-Западного фронта кулак из 1400–1600 самолетов всех типов (не считая авиации в Румынии). Соотношение сил 2500–2700 советских самолетов против 1400–1600 немецких отнюдь не обещает блистательных перспектив в воздушных боях для «сталинских соколов». В 4-м воздушном флоте будет около трех-четырёх сотен Me-109, в основном Bf109F. Это очень много, особенно с учетом высокой интенсивности использования своих самолетов немцами, до шести боевых вылетов в день. Даже если предположить, что самолеты 4-го воздушного флота будут летать всего в два раза чаще, количество самолето-вылетов германской авиации будет больше, чем у ВВС Ю-ЗФ. Соответственно больше будет влияние на оперативную обстановку.

В истории войны достаточно примеров для аналогии. Например, в операции «Цитадель» на северном и южном фасах Курской дуги в июле 1943 г. немцами было задействовано 339 одномоторных истребителей. Они, как известно, создали серьезные проблемы трем советским воздушным армиям, и ни о каком завоевании господства в воздухе речи тогда не было. При этом в июле 1943 г. в ВВС КА уже не было такого серьезного технического отставания, как в 1941 г. К тому же часть авиации Ю-ЗФ в разгар боев останется мертвым грузом в авиадивизиях армий на вспомогательных направлениях. Так что кулака из трехсот-четырехсот немецких истребителей более чем достаточно для разгрома воздушного «зонтика» над мехкорпусами Юго-Западного фронта в Южной Польше.

Отрицательно скажется на обстановке в воздухе над вырвавшимися вперед механизированными корпусами необходимость продвигать аэродромное хозяйство вслед за ушедшими

вперед войсками. С этим были серьезные проблемы даже в успешном 1945 г. Вырвавшиеся на излете Висло-Одерской операции вперед советские части говорили даже о господстве немцев в воздухе. И это конец января – начало февраля 1945 г. Впрочем, точно так же Люфтваффе не всегда поспевало за наступающими моторизованными корпусами. Одним словом, мехкорпуса ожидает град ударов с воздуха, замедляющий их продвижение вперед.

Разумеется, авиация станет не единственным аргументом германского Верховного командования. Против успешно наступающего Юго-Западного фронта наверняка были бы развернуты моторизованные корпуса сразу двух танковых групп – 1-й ТГр Клейста и 2-й ТГр Гудериана. Это шесть моторизованных корпусов, около 1800 танков и САУ. Однако танки были не единственным средством борьбы в составе танковых групп. Помимо танков они могли похвастаться многочисленной моторизованной артиллерией, вплоть до самой тяжелой. Также они обладали весьма внушительной общей численностью – 160–180 тыс. человек каждая. Для сравнения: советские механизированные корпуса даже по штату насчитывали всего по 30 тыс. человек. Поэтому превосходство мехкорпусов в числе танков было, пожалуй, их единственным преимуществом.

Столкновение со свежими силами немцев произошло неожиданно. Разведывательная авиация Юго-Западного фронта состояла всего из двух разведывательных авиаполков. Они не могли эффективно освещать обстановку. Кроме того, в первые дни боев они понесли тяжёлые потери от истребителей противника. Поэтому мехкорпуса двигались вперед почти вслепую. Вырвавшиеся вперед механизированные корпуса 5-й армии Потапова встретили упорное сопротивление. Они напоролась на немецкие танковые части. Танковый бой превратился в настоящее избиение Т-26 и БТ. Следующим ходом стал мощный контрудар во фланг. 1-я противотанковая бригада Москаленко сдержала первый удар «панцеров». На подбитых танках советские артиллеристы обнаружили белую литеру «G». Пленные сказали, что это означает «Гудериан» – так звали командующего их танковой группой. Вскоре на позиции противотанковой бригады обрушились пикирующие бомбардировщики. Они разбивали громоздкие зенитки, сжигали тягачи и автомашины. Противотанковая бригада дрогнула, и немецкие танки вышли к дороге, по которой осуществлялось снабжение мехкорпусов Кондрусева и Рокоссовского. Остаткам мехкорпусов пришлось отходить на восток.

Рокоссовский впоследствии написал в мемуарах:

«...на КП нашего корпуса прибыл пешком командир танковой дивизии 22 мк, насколько мне память не изменяет, генерал-майор Семенченко в весьма расстроенном состоянии, с забинтованной кистью правой руки. Он сообщил, что его дивизия полностью разбита. Ему же удалось вырваться, но, отстреливаясь из револьвера, он был настигнут немецким танком. Сумел увернуться, упал, при этом его рука попала под гусеницу танка.

Вскоре здесь оказался и один из комиссаров полка этого же корпуса, сообщивший о гибели генерала Кондрусева и о том, что их корпус разбит. Упаднический тон и растерянность комдива и комиссара полка вынудили меня довольно внушительно посоветовать им немедленно прекратить разглазольствования о гибели корпуса, приступить к розыску своих частей и присоединиться к ним»¹.

План окружения главных сил немецкой 6-й армии ударами по сходящимся направлениям на Люблин начал рассыпаться.

Тем временем замедлилось продвижение на Люблин 6-й армии. Переброшенные по железной дороге немецкие пехотные дивизии заняли оборону на широком фронте и при поддержке авиации сдержали натиск советских мехкорпусов. Они были вынуждены остановиться и

¹ Приведен с сокращениями фрагмент из настоящих мемуаров Рокоссовского.

ждать подхода стрелковых соединений. Однако повторного наступления на Люблин не состоялось. Авиационная разведка предупредила о сосредоточении крупных сил танков противника на флангах, но было уже поздно. Мощные удары в основание вбитого армией Музыченко в построение группы армий «Юг» клина быстро создали кризисную обстановку. Первой реакцией советского командования стало выдвижение к участкам прорыва противотанковых бригад. Но эта мера уже запоздала, оснащенные тягачами СТЗ-5 бригады просто не успели вовремя. Ясным летним днем немецкие танки с буквами «К» и «G» на броне встретились. Их встреча привела к отсечению и окружению обоих мехкорпусов и двух стрелковых корпусов 6-й армии. В окружении также оказался выехавший в передовые части член Военного совета Юго-Западного фронта Вашугин.

Командование Юго-Западного фронта было вынуждено принимать срочные контрмеры. Однако деблокирующие удары снятого с наступления на Тарное 8-го мехкорпуса результата не дали. Более того, часть сил корпуса Рябьшиева сама попала в окружение. Снабжение по воздуху не могло обеспечить почти 100-тысячную группировку, оказавшуюся в «котле». В этих условиях пришлось давать окруженным войскам приказ на прорыв. Лидерами прорыва стали остатки двух механизированных корпусов. Им удалось ненадолго пробить коридор к своим, через который вышла часть окруженных соединений. Большую часть своей техники окруженные мехкорпуса были вынуждены уничтожить или просто бросить. Оказавшись под угрозой плена, комиссар Вашугин застрелился.

После ликвидации «котла» под Люблином две германские танковые группы перешли в наступление против остатков 6-й армии, а также 26-й и 21-й армий. Ударом 1-й танковой группы в направлении Карпат был образован еще один «котел». Для деблокирования пришлось вводить в бой прибывшую из Забайкалья 16-ю армию и 5-й мехкорпус. Однако все попытки пробиться к окруженным частям были безуспешными. 5-й мехкорпус был пополнен Т-34 и КВ за счет свежего выпуска с заводов, но основную массу его техники составляли легкие танки. Все их атаки потерпели неудачу.

Отступление войск Юго-Западного фронта остановилось только на линии государственной границы. Не законченная постройкой линия Молотова дала опору отходящим войскам. Потрепанные дивизии стали полевым заполнением УРОВ. Несмотря на потери и окружение, плотность заполнения укреплений в полосе Юго-Западного фронта была достаточно высокой. Все атаки немцев на линию Молотова потерпели неудачу. Шаровые установки советских дотов легко выдерживали атаки с применением огнеметов. Установленные в дотах 76-мм казематные пушки Л-17 уверенно поражали немецкие танки. Однако возникший кризис был преодолен, и на фронте наступила оперативная пауза.

В то время как на фронте постепенно стихала канонада, постепенно сползая к вспыхивавшим то там то здесь перестрелкам, загремели громы и засверкали молнии в штабах. Командующий Юго-Западным фронтом генерал Кирпонос по требованию прибывшего на место погибшего Вашугина Мехлиса был отстранен от командования фронтом и арестован. Вскоре последовал суд, и генерал был расстрелян. Вместе с Кирпоносом был арестован и предан суду командующий 6-й армией Музыченко. С большим трудом Жукову удалось отстоять начальника штаба фронта Пуркаева. Новым командующим Юго-Западным фронтом стал маршал Тимошенко.

Таким образом, оценка Жукова относительно возможности повторения Харькова мая 1942 г. в увеличенном масштабе представляется достаточно обоснованной. Скорее всего, без окружения выдвинутой вперед ударной группировки не обошлось бы. Отметим, кстати, очень тонкий намек, сделанный Жуковым в разговоре с Анфиловым. Он не стал использовать в качестве аналогии окружение главных сил Западного фронта в районе Белостока и Новогрудка. По количеству окруженных оно было вполне сопоставимо с окружением под Харьковом в мае

1942 г. Однако Жуков взял для сравнения именно Харьков, указывая не только на количественную оценку масштабов возможной катастрофы, но и направление, где она произойдет, — Юго-Западный фронт.

Второй раунд. Тень «Барбароссы»

Острый вкус интриги в последующие события добавляет то, что оба противника выйдут из Приграничного сражения недовольные сами собой. Более того, и для Красной Армии, и для Вермахта станет холодным душем сила сопротивления противника. «Колосс на глиняных ногах», как его представляли себе немцы, внезапно оказался способен на сильные и энергичные удары. По другую сторону фронта неожиданностью станет эффективность авиации противника и быстрое перемалывание мехкорпусов немецкой обороной и контрударами. Если умеренная эффективность пехоты Красной Армии уже стала очевидна советскому руководству в ходе финской кампании, то противодействие финских ВВС было слабым. Напротив, в столкновении с Германией советские ВВС и наземные войска подвергнутся ударам многочисленного и хорошо подготовленного противника.

Что же станет почвой для продолжения боев? С одной стороны, обе армии явно не добьются решительного результата, с другой стороны, у них еще останутся силы на продолжение борьбы в летней кампании 1941 г. Отмобилизованные армии сторон, вступившие в бой с соединениями в штатах военного времени, имеют высокий запас прочности. Это не 5-7-тыс. советские дивизии лета 1943 г., быстро терявшие свои ударные возможности. То же самое можно, впрочем, сказать и о шестибатальонных дивизиях Вермахта. Вступив в Приграничное сражение в численности стрелковых дивизий около 14 тыс. человек, Красная Армия сохранит достаточный наступательный и оборонительный потенциал. Точно так же сохраняют потенциал для обороны и наступления пехотные дивизии противника, вступившие в бой в численности около 16 тыс. человек. Поэтому отражением советского наступления летняя кампания 1941 г. в варианте «Красная Армия начинает первой» явно не закончится. При этом на стороне Красной Армии будет фронт с нормальными плотностями и дивизии в штатах военного времени. На стороне Вермахта же будет преимущество в выборе направления удара — на быстрое возобновление наступления после цепочки неудач рассчитывать явно не приходится.

В то время как Юго-Западный фронт прорывался к Люблину, его северный сосед пытался взломать оборону противника на Варшавском направлении. Однако Западный фронт не преуспел на этом поприще. Взломать немецкую оборону на рубеже Буга севернее Бреста 4-й армии не удалось. Несколько захваченных плацдармов остались изолированными островками, пробиться с которых дальше на Запад не удалось. Гораздо успешнее для Красной Армии развивались события на правом фланге Западного фронта. Совместными усилиями 3-й армии Западного фронта и 11-й армии Северо-Западного фронта удалось срезать Сувалкский выступ. Окружения крупных сил немцев не произошло, они своевременно оттянули свои войска из выступа. Однако на общем фоне невыполнения планов первой операции это было несомненным успехом.

Благодаря удаче под Сувалками генерал Павлов не был даже отстранен от командования фронтом. Один из триумфаторов Су валок — командир 11-го мехкорпуса Мостовенко был назначен командующим конно-механизированной группой из 6-го механизированного и 6-го кавалерийского корпусов. Командующий 4-й армией Коробков был также отстранен от командования, и его место занял еще один герой сражения за Сувалки — ранее командовавший 3-й армией генерал Кузнецов. В целом, несмотря на скромные результаты наступления, Западный фронт оказался в более выгодном положении. Масштабных маневренных боев в его полосе не было. Поэтому после немецких контрударов сотни танков Западного фронта

не остались навечно стоять в полях и на обочинах дорог «Генерал-губернаторства». Срезание Сувалкского выступа стоило больших потерь, но подбитые танки в итоге остались на контролируемой советскими войсками территории. Большинство подбитых машин, особенно новых типов, было благополучно эвакуировано с поля боя. Исключение составляли только выгоравшие дотла «бэтэшки». В ходе оперативной паузы Павловым были предприняты титанические усилия по восстановлению подбитых машин и по обучению экипажей правильному вождению и тактическому применению Т-34 и КВ. Через три недели его конно-механизированная группа практически полностью восстановила силы.

Однако восстановление сил и подготовка к новым боям происходили и по другую сторону фронта. Германское командование решило в несколько измененном виде повторить «Барбароссу». Однако ввиду неудач на юге от наступления на Украине было решено отказаться. Группа армий «Юг» перешла к жесткой обороне. В полосе Северо-Западного фронта были сосредоточены две танковые группы – 3-я и 4-я ТГр. 2-я танковая группа Гудериана была усилена XLVIII моторизованным корпусом из 1-й танковой группы Клейста и сосредоточилась к востоку от Варшавы. Немецкие подбитые танки остались на контролируемой Вермахтом территории, и их восстановление шло достаточно быстро.

Перегруппировка коснулась также воздушных сил. Из 4-го воздушного флота во 2-й воздушный флот были переданы авиасоединения, действовавшие на Юго-Западном фронте. Теперь почти 1500 немецких самолетов были собраны против Западного фронта. Одновременно немцами была реанимирована идея удара по аэродромам, заложенная в «Барбароссу». Данные высотных разведчиков «команды Ровеля» были существенно уточнены и дополнены в ходе Приграничного сражения. Система базирования авиации Западного фронта была в целом вскрыта. Скрытности первого удара способствовало выдвижение аэродромов вперед, ближе к границе. Это было сделано командующим ВВС ЗФ Копцом на основе опыта Испании. В Приграничном сражении аэродромы Западного фронта авиаударам практически не подвергались. Главные силы Люфтваффе были задействованы против Юго-Западного фронта и советских войск на поле боя.

Как ни странно, но советскому командованию показали уголок нового плана. В атаках против плацдармов на Буге были задействованы пикировщики и танки с белыми буквами «G» на броне. Удар по плацдарму севернее Бреста был сильным и неожиданным. Быстрый прорыв немецких танков вслед за шквалом бомб «штук» к переправам заставил спешно эвакуировать плацдарм. Однако до отхода советские части успели не только зафиксировать характерные опознавательные знаки танков противника, но и солдатские книжки вражеских танкистов и пехотинцев. Это подтвердило принадлежность введенных в бой частей к тем же дивизиям, что фиксировались ранее в полосе Юго-Западного фронта. Павлов доказывал, что появление танковых соединений, ранее действовавших против соседнего фронта, однозначно свидетельствует в пользу версии о смене планов противника. Однако Ставка ВГК продолжала считать, что Украина станет главной целью следующего наступления противника. Поэтому усиливались в первую очередь потрепанные дивизии фронта Тимошенко. Выпады против плацдармов на Западном фронте были сочтены отвлекающим маневром.

На аэродромы в Белостокском выступе обрушился конвейер ударов немецкой авиации. ВВС Западного фронта оказались не готовы к такому развитию событий. ПВО аэродромов была слабой, самолеты располагались скудно. Все это привело к большим потерям на аэродромах. Люфтваффе в Белоруссии завоевало если не господство, то ощутимое преимущество в воздухе. Мощные удары по войскам Северо-Западного фронта также стали неприятной неожиданностью. Две танковые группы сравнительно быстро пробились через оборону 8-й и 11-й армий и устремились к Западной Двине и Минску. В районе Бреста на укрепления «линии Молотова» обрушилась авиация и тяжелая артиллерия. Буг был преодолен танками подводного хода. Под шквалом ударов оборона потрепанной неудачными наступательными боями

4-й армии дрогнула. Тем не менее командарм Кузнецов твердо держал управление войсками в своих руках.

Командующий фронтом Павлов, помня об атаках на плацдармы в районе Бреста, развернул на это направление конно-механизированную группу Мостовенко. Она достаточно успешно сдерживала наступление 2-й танковой группы вдоль шоссе Брест – Минск. Однако глубокий обход войск Западного фронта с севера и уверенное продвижение танков противника к Минску вынуждали думать об отходе. Павлов несколько раз настойчиво требовал разрешить его войскам отход на старую советско-польскую границу. Москва такой отход не разрешала, приказывая держаться любой ценой.

Но не следует думать, что Ставка полностью игнорировала угрозу Белоруссии. С Украины началась перевозка находившихся в резерве армий. Однако промедление с приказом на отход вскоре привело к трагедии. Не добившись успеха в продвижении вдоль Минского шоссе, Гудериан развернул один из своих корпусов от Слонима на север, в междуречье рек Щара и Зельвянка в направлении на Лиду. Это быстро привело к перехвату коммуникаций советских частей, находившихся в Белостокском выступе. Павлов немедленно дал приказ на отход. Войскам 13-й и 10-й армий пришлось пробиваться на восток вдоль Немана. Отходящие колонны подвергались непрерывным ударам с воздуха. Отходящие части понесли тяжелые потери, обочины дорог были густо усеяны брошенной и сожженной техникой.

Стремительное развитие событий в Белоруссии заставило Ставку вместо приказов «немедленно восстановить положение» – отдать приказ на отвод войск к старой границе. Отошедшие из Белостока остатки 13-й и 10-й армий заняли позиции на Минском У Р. 4-я армия отошла через Барановичи к Слуцкому УР. Ее отход успешно прикрывала конно-механизированная группа Мостовенко. Армии Западного фронта были усилены за счет перебросенных с Юго-Западного фронта соединений. Немецкие танковые дивизии понесли чувствительные потери. На фронте вновь наступила пауза. Ставкой ВГК были отданы первые приказы на формирование новых соединений вразрез с довоенным мобилизационным планом.

Оптимальный вариант

Анализ возможных сценариев развития событий неизбежно заставляет задуматься о выборе оптимального варианта. Нельзя сказать, что различные «летние» варианты, то есть альтернативы, привязанные к маю – июню – июлю 1941 г., внушают оптимизм. Нет, они, конечно, не так плохи, но все равно остается червячок сомнения: «А можно ли добиться лучшего результата?» Если сформулировать искомый ответ в общем виде, то он будет звучать примерно так: лучший для нас вариант – это максимально возможное упреждение Германии в развертывании. Этот тезис быстро приводит нас к зиме 1940/41 г., когда на границе с СССР у Германии было всего 26 дивизий. А почему нет? Красная Армия в ходе войны традиционно действовала зимой лучше, чем летом. Крупные успехи, такие как контрнаступления под Москвой и Сталинградом, Корсунь-Шевченковский «котел» и Висло-Одерская операция, проводились в зимнее время.

Представим себе, какова могла быть цепочка решений, приводящих к этому варианту. Итак, Сталин летом 1940 г., после разгрома Франции и эвакуации английского экспедиционного корпуса из Дюнкерка, принимает решение атаковать Германию первым в ближайшее время, то есть зимой 1940/41 г. Советский военный план, то есть так называемые «Соображения об основах стратегического развертывания», к реальному сентябрю 1940 г. уже существовал. Он уже был подготовлен Б.М. Шапошниковым применительно к новому профилю границы. Этот план был вполне пригоден для ввода в действие для решения политической задачи удара по Германии.

Допустим, решение напасть принято. Последним прощупыванием политической обстановки становится поездка Молотова в Берлин в ноябре 1940 г. Молотов, как известно, вернулся ни с чем. После этого начинается обратный отсчет до начала советского наступления, назначенного на январь 1941 г. Наиболее сложной задачей является отмотилизование войск. Задача в какой-то мере облегчается тем, что летом 1940 г. Красная Армия достигает одного из максимумов своей численности на отрезке времени 1939–1941 гг. На 1 июня РККА насчитывала 4 млн человек. Если не проводить демобилизацию после советизации Прибалтики и Бессарабии и Буковины, то можно сохранить некий резерв для проведения мобилизации.

Проведения общей мобилизации с доведением численности Красной Армии до 8,6 млн человек в случае проведения операции только против Германии, по большому счету, не требуется. Вполне достаточно отмотилизования западных округов: АрхВО, ЛВО, ПриОВО, ЗапОВО, КОВО, ОдВО, МВО, ОрВО, ХВО, СКВО, ПриВО, УрВО. Их численность будет составлять 6 503 223 человека при общей численности РККА около 8 млн человек. Этого будет вполне достаточно для первого удара, а с началом боевых действий можно будет уже открыто объявлять мобилизацию. Проведение мобилизации до первых выстрелов возможно будет только в скрытом виде, без ее открытого объявления. Частично она может быть прикрыта учебными сборами, проводящимися под лозунгом усвоения опыта, полученного в финской войне.

Одним из важных преимуществ «зимнего» варианта является снижение эффекта от воздействия Люфтваффе. Реальной зимой 1944/45 г. плохая погода существенно сдерживала активность советской авиации. Поэтому наступление в Восточной Пруссии было не таким успешным, как «Багратион» – разгрома отходящих немецких колонн с воздуха не произошло. В тех реалиях, с которыми бы пришлось столкнуться Красной Армии в 1941 г., нелетная погода была бы скорее союзником, нежели противником. Она бы уменьшила эффект от ударов с воздуха по наступающим советским войскам, а также снизила бы темпы выбивания СБ и ДБ-3 в воздушных боях.

Еще одним важным преимуществом наступления в январе – феврале 1941 г. представляется более сбалансированная структура советских танковых войск. Реорганизация с формированием 30(29) механизированных корпусов началась весной 1941 г. До этого существовали девять мехкорпусов и отдельные танковые бригады, которые могли использоваться для непосредственной поддержки пехоты. Такая структура была более жизнеспособной и в отсутствие упреждения в мобилизации и развертывании обеспечила бы лучшую выживаемость танков на поле боя. Практически все Т-26 действовали бы в боевых порядках пехоты, увеличивая ее пробивную силу. Соответственно, по крайней мере восемь механизированных корпусов были бы уже в мирное время достаточно хорошо укомплектованы для действий в качестве самостоятельных соединений.

Здесь самое время задать сакраментальный вопрос: «А как же Т-34 и КВ?» Действительно, к началу 1941 г. их было немного, причем это были машины ранних серий, пораженные «детскими болезнями». Погоды бы они действительно не сделали. Ситуация реального июня 1941 г. была принципиально лучше: новых танков было уже довольно много для влияния на ход боевых действий. Отказываться от такого козыря действительно сложно. Тем не менее у зимнего варианта вполне достаточно достоинств, чтобы ради них пожертвовать полутора тысячами новых танков.

Серьезным преимуществом зимнего наступления является возможность реализации так называемого «северного» варианта стратегического развертывания. Он, напомним, предусматривал сосредоточение основных сил к северу от Бреста и Припятских болот. Авторы советских «Соображений...» справедливо указывали: «Разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и прежде всего политическое значение для Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией». Дей-

ствительно, Восточная Пруссия была осиным гнездом, из которого в реальном 1941 г. наступали две танковые группы, добившиеся наибольших успехов. Поэтому изоляция Восточной Пруссии быстрым ударом действительно серьезно меняла обстановку на советско-германском фронте. Кроме того, «северный» вариант был более быстрым, для него быстрее собиралась группировка войск ввиду лучшего развития дорожной сети на западном направлении.

В этом случае возможно повторение (в некоторой степени) Висло-Одерской и Восточно-Прусской операций 1945 г. После первой схватки наступило бы традиционное затишье на период весенней распутицы. Следующая проба сил последовала бы в начале лета. Тогда бы и понадобились полторы тысячи КВ и Т-34.

В заключение хочется сказать, что вариант «мы в 1941 г. мобилизуемся, развертываемся и бьем первыми» представляется куда более выигрышным, нежели реальное лето 1941 г. Хорошо известные сегодня и даже очевидные недостатки Красной Армии, разумеется, оказывали бы свое влияние на ход боевых действий. Однако в условиях нормальных плотностей построения войск (близких к уставным) и своевременного отмотивирования армии ситуация выглядит гораздо лучше реального лета 1941 г. Громких успехов от Красной Армии ожидать не приходится, однако была бы сохранена территория, спасена от эвакуации промышленность, да и потери были бы заметно меньше.

С Виктором Суворовым беседует Дмитрий Хмельницкий. Если бы Сталин напал первым...

Виктор, как, на ваш взгляд, могла сложиться ситуация в Европе, если бы Сталину удалось первым ударить по Германии летом 1941 г.?

– Ответ достаточно простой. Смотрите, Гитлер напал – и для него сложилась самая благоприятная ситуация, которую только можно себе представить. Красная Армия бежит, люди воевать не хотят... И вот эта благоприятнейшая ситуация все-таки закончилась самоубийством Гитлера и поражением Германии. Давайте зададим себе вопрос, что было бы, если бы ситуация для Гитлера была менее благоприятной.

Для Сталина в 1941 г. сложилась самая катастрофическая ситуация из всех возможных. И тем не менее, потеряв 85 % военной промышленности, потеряв кадровую армию, Сталин все равно закончил войну в Берлине, Кёнигсберге, Вене, Праге, Бухаресте, Будапеште, Порт-Артуре, Пекине и т. д. Вот ответ на этот вопрос. Считаю, что мои критики, утверждающие, что если бы Сталин вступил в войну первым в 1941 г., то до Берлина он не дошел бы, неправы. Я этой логики не понимаю. Если бы Сталин не дошел до Берлина, то сейчас мы могли бы спорить, мог бы он дойти или не мог... Но он дошел. Какой смысл при этом – доказывать, что хотя он до Берлина дошел, но дойти бы не смог, если бы не потерпел поражение в 1941 г.? То есть он дошел. И разгромил, но вообще-то дойти и разгромить не мог...

Что было бы, если бы он напал первым? На этот счет есть свидетельства немцев. Например, летчик Рудель, совершивший в мировой истории больше всех боевых вылетов, свидетельствует о том, что после немецкого удара все дороги, ведущие к границе, в три-четыре ряда были забиты танками, стоявшими бок о бок и готовыми к нападению на Германию.

Именно готовность к нападению оборачивалась неготовностью к обороне. Вот стоит на дороге советский мехкорпус. Что такое мехкорпус? Это тысяча танков, тысяча мотоциклов и 5-6 тыс. автомобилей. Это 50 тыс. человек. Боеприпасы, по три боекомплекта, цистерны с бензином.... Все собрано огромной кучей. Попастъ туда бомбой очень легко, даже не надо целиться.

Как рассказывает Рудель, первый вылет в четыре утра. Взлетели, отбомбились – очень легко бомбить, потому что цели неподвижные, колонны впритык стоят вдоль дорог. Возвращаются, пока самолеты заправляют и вешают на них новые бомбы, летчики валяются на траву, спят. Потом взлетают, бомбят, возвращаются, взлетают, бомбят... Последний вылет в 10 вечера, в три утра подъем и снова вылеты.

И вот этот человек пишет, что если бы советские войска, которые они бомбили, двинулись, если бы перешли границу, то остановить их было бы невозможно.

То же самое говорит генерал-полковник Гальдер, начальник штаба германских сухопутных войск. Буквально теми же словами, независимо от Руделя. В секретном дневнике, к публикации не предназначенном, он пишет, что, если бы Красная Армия ударила первой, немецкая армия удержать бы это наступление не смогла. Это запись от июня 1941 г.

В апреле 1942 г. Гитлер говорил приблизительно то же самое. Если бы мы проморгали наступление Красной Армии, то остановить ее мы бы не смогли. Как видите, диапазон мнений – от простого летчика до Гитлера.

– Так вот, что было бы, если бы Красная Армия напала первой?

– Дело в том, что германские войска, как и советские, были собраны мощными группировками. Склады находились у границ. Тысячи тонн боеприпасов, уложенных на автомашины, стояли у самой границы и ждали приказа ее перейти, так же как цистерны с топливом и колоссальные массы войск.

У Сталина было два стратегических эшелона, 17 армий в первом эшелоне и семь – во втором. Оба тайно выдвигались к границам.

Гитлер, неожиданно напав, разгромил первый стратегический эшелон, но за ним внезапно появился второй, о существовании которого германская разведка не знала.

Немцы разгромили и второй стратегический эшелон, но за то время, пока погибали первый и второй эшелоны, Сталин успел сформировать третий стратегический эшелон и провести мобилизацию. А в Германии стратегический эшелон был один. И мобилизация была проведена. Все, кого можно было мобилизовать, уже находились у границ. Это идеальная ситуация для нападения, но крайне невыгодная для обороны.

Танковый корпус наносит удар, прорывается на 20 километров вперед, там противника уже нет. Поворачивай влево, вправо, встречайся с таким же корпусом, который наносит удар на соседнем направлении, – и будет тебе сталинградское окружение где-нибудь в районе Белостока.

Далее. Советский план был гораздо лучше, чем германский. Германия была гораздо уязвимее, чем Советский Союз. У Сталина необъятная территория, которую даже теоретически захватить невозможно. Если режим выживает, он отходит за Волгу. Там, в Жигулях, Куйбышеве, уже были готовы командные пункты. У Гитлера даже не было плана переходить Волгу. План «Барбаросса» предусматривал выход на линию Архангельск – Астрахань, линию А – А.

А за Волгой – хлебные районы. За Волгой у Сталина уральские заводы. И Уралмаш, и артиллерийская Мотовилиха...

– Гитлер планировал отогнать Сталина за Урал и все?

– Нет, отогнать за Урал он даже не планировал. Он планировал выйти на Волгу. Немцы и к Москве-то вышли на последнем дыхании. И это в условиях, когда Красная Армия не желала воевать...

– Красная Армия была разбита и потому не желала воевать?

– Если бы Сталин первым нанес удар, то все были бы за Сталина. Красная Армия вступает на вражескую территорию, тут и часы можно снять, и велосипед угнать, и в пивную завалиться... Красная Армия воевала бы за товарища Сталина очень и очень успешно. А как только товарищ Сталин попал в неприятную ситуацию, начался развал. И все посыпалось. Впрочем, и в этой ситуации Сталин завершил войну в Берлине.

Так вот, Гитлер изначально находился в гораздо более уязвимой ситуации, чем Сталин. Например, он был зависим от древесины Финляндии и Швеции. В Германии добывалось много угля, но проходка шахт в то время была невозможна без древесины, из которой изготовлялись крепления шахт.

Воевать без никеля невозможно. Никель поступал из Финляндии. Воевать без железной руды – невозможно. Руда поступала из Швеции. Снабжение всем этим стратегическим сырьем находилось под угрозой советского Балтийского флота. В Балтике у Гитлера флота большого не было, а у Сталина был колоссальный флот – два линкора, крейсера, авиация, куча подводных лодок...

Сталин наносит первый удар, Германия теряет снабжение никелем, древесиной и железной рудой, после чего война продолжается очень и очень недолго.

Когда немцы напали, они просто выставили минные заграждения в Балтийском море, и Балтийский флот оказался заперт.

Теперь самое главное – Германия сильно зависела от румынской нефти. А до Плоешти от советских позиций – 180 километров. Никто эти месторождения не защищал. То есть удар Красной Армии в Румынию был бы для Гитлера смертельным.

Получается, что Сталину, собственно, даже не надо драться со всей германской армией, достаточно ударов по флангам.

И вот ситуация – ваши самолеты не могут летать, ваши подводные лодки остаются на базах, крейсера – там же, танки остановились... Без нефти воевать нельзя.

Идем дальше. С юга на север текут две реки – Висла и Одер.

А в предгорьях Карпат, в районе Львова, была сосредоточена мощная группировка советских войск, самая мощная в истории человечества. И если наносить оттуда удар на запад с последующим поворотом на север, то возникает вот такая ситуация. С юга мы защищены горами Чехословакии. С правого фланга мы защищены Вислой, с левого фланга – Одером. В этом коридоре между Вислой и Одером никого нет. И Красная Армия, ее лучшие части наступают к Балтийскому морю. А вся германская армия находится восточнее Вислы, между советской границей и Вислой. Если бы советской группировке удалось нанести удар, то германской армии для отражения этого удара пришлось бы развернуться назад и форсировать Вислу у себя в тылу. Германии эта ситуация не сулила ничего хорошего.

У Сталина же, номер один – совершенно колоссальная территория, номер два – необъятные ресурсы. И номер три (может быть, самое главное) – Сталин уже заключил тайный союз с Америкой. А Британия и так постоянно уговаривала, уламывала Сталина напасть на Германию, даже грозила и шантажировала его. Сталин заранее окружил себя стратегическими партнерами, которым было очень невыгодно поражение Советского Союза и которым было очень выгодно поражение Германии. На стороне Сталина были Соединенные Штаты Америки, Великобритания, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Индия... и, если хотите, весь мир. Все ресурсы мира.

Кроме того, на стороне Сталина находилась вся оккупированная немцами Европа – Франция, Бельгия, Голландия, Польша, Чехия, Словакия, Греция, Норвегия и так далее, и так далее. То есть Гитлер находился в ситуации, в которой выиграть было, мягко говоря, проблематично.

– Как мог выглядеть стратегический план Сталина? Ведь его цель была не Германия как таковая, цель была – Европа...

– Да, конечно. В своей последней книге я привожу мнение американского адмирала Ричардсона о том, что если Советский Союз нанесет удар первым, то через пару месяцев он будет на Гибралтаре. А если Гитлер нанесет первым, то он завязнет на просторах России и Сталину потребуются очень много времени, чтобы его оттуда выбить. Это совершенно невероятное предсказание мая 1941 г. Как в воду смотрел.

– Понятно, почему архивы Генштаба еще более секретны, чем архивы КГБ. Там должны лежать варианты именно этого плана, плана-максимум. Как можно себе представить конечные цели внешней политики Сталина конца 1930-х гг.?

– Конечные цели ни для кого не являются секретом. Вот передо мной монета 1991 года. На одной стороне написано «СССР» и «20 копеек». А на другой стороне – земной шар, на который наложен серп и молот. Вот вам конечная цель, которая не изменялась никогда.

Конкретно это могло выглядеть так. Наносим мы удар и Германию подминаем под себя. Германия становится коммунистической. Коммунистическая Германия была бы страшнее Германии нацистской.

Вспомним январь 1933 г. Победил Гитлер. И немедленно количество штурмовиков на улицах возросло в 10 раз. Все надели коричневые рубахи. Если бы победили коммунисты, то возросло бы число коммунистов.

Меня однажды пригласили в штаб Штази в Берлине. Я там целый день провел. Посмотрел на то, как работала берлинская госбезопасность, и ужаснулся. Дело в том, что работали они

более эффективно, чем советские карательные органы. Немецкий порядок страшнее нашего разгильдяйства. Потому что даже в наших лагерях это разгильдяйство помогало человеку выжить. У немцев его не было.

Так вот, Германской Демократической Республикой стала бы тогда вся Германия. Со страшной госбезопасностью, очень мощной военной промышленностью и очень мощной армией. Тогда бы к нам потянулись и все остальные. Плюс на минус меняется мгновенно. Помните, как в фашистской Венгрии после войны образовался жесткий тоталитарный советский строй, с сильной армией и жутким карательным аппаратом?

Германия, Венгрия и советская армия с НКВД вполне могли бы быть той силой, которая удержала бы и остальные восточноевропейские страны, ту же Чехословакию.

А тут у нас еще и югославские коммунистические партизаны. Югославия быстро стала бы мощной коммунистической державой. Итальянские коммунисты нам бы помогли, французские, и так далее.

Европа очень быстро превратилась бы в тоталитарный материк. Это очень хорошо почувствовал Джордж Оруэлл, который в гениальном романе «1984» описал наше будущее. Те нации, которые этой болезнью не переболели, считают, что у них есть иммунитет. Но иммунитета нет ни у кого.

Та же Франция во времена якобинцев была жутким тоталитарным государством. И если бы Красная Армия туда пришла и снова занесла вирус тоталитаризма, то никто бы ему противостоять не смог.

В Париже на здании гестапо висела бронзовая табличка о том, что доносы не принимаются. Когда немцы пришли туда, французы завалили их доносами. Где-то какие-то партизаны были, но Франция жила мирной жизнью. Такой бы она была и при Советах.

В Испании половина страны воевала за тоталитаризм в 1936–1938 гг. Если бы туда пришла Красная Армия, то все недобитые коммунисты тут же вышли бы из подполья и надели бы красные галстуки.

– Это картина захваченной Европы. А как бы развивалась стратегическая ситуация в те два месяца, которые понадобились бы Сталину, чтобы дойти до Гибралтара?

– В случае нападения Красной Армии германская армия оказывается парализованной, без нефти. И она зажата между советской границей и рекой Вислой. А Красная Армия идет победным маршем, и никто ее остановить не может. «Даешь Варшаву, даешь Берлин, уж врезались мы в Крым...»

Тысячи танков врываются на германские автобаны, вытягиваются в невероятной длины колонны, и эти колонны, никем не останавливаемые, идут вперед. Так произошло в январе 1945 г.

Мне танковую тактику преподавал подполковник Одинокое. Он рассказывал, как вырвалась Первая гвардейская танковая армия на автобаны и поперла вперед. И никто ее остановить не мог. В 1945 г. был хотя бы фольксштурм из пацанов и стариков, а в 1941 г. никакого фольксштурма не было.

Далее. Вперед выбрасываются воздушно-десантные корпуса, которые захватывают мосты через Рейн, и Красная Армия переправляется туда. Где-то какие-то стычки, какое-то сопротивление, но это выглядело бы примерно так, как «освободительный поход» Красной Армии в Польшу в 1939 г. Что-то не стыкуется, где-то стоят без горячего, где-то наших разгромили, но общее поступательное движение остановить было бы невозможно.

– Как должна была выглядеть последовательность захвата Европы?

– Наносится удар из района Львова на запад, в направлении Кракова, а потом поворот на север, в междуречье Одера и Вислы. Затем мехкорпуса разворачиваются на восток и становятся обороной на восток на берегу Вислы. Немецкую армию бьют со всех сторон и загоняют в мешки. Через пару месяцев остатки берут в плен.

Одновременно наносится удар в Румынию, захватываются нефтяные месторождения. Далее поворот на северо-запад в направлении к Венгрии, вдоль Дуная, к Вене... Распространяется наступление в Болгарию, которая встретила бы Красную Армию с развернутыми знаменами, как это произошло в сентябре 1944 г.

Далее последовал бы ввод в действие второго стратегического эшелона, укомплектованного голодными зэками, готовыми грабить кого угодно. Они движутся вперед. За ними третий стратегический эшелон, три армии НКВД.

Возникали бы восстания, их бы давили, но думаю, что к декабрю 1941 г. континентальную Европу как-нибудь замирили бы.

– **Включая Испанию?**

– Может быть, да, может быть, нет. Все-таки Пиренеи надо переходить...

– **Немного отыграем назад. Значит, взяли Берлин.**

– Дальше прямой бросок на Францию, и Франция встречает цветами. Дальше – бросок к Ла-Маншу.

– **Дальше удар на север, в Скандинавию?**

– Я думаю, что кампания 1941 г. – это Германия, Франция и Восточная Европа. Этого бы на 1941 г. хватило. Дальше товарищу Сталину следовало бы остановиться и отдышаться. Ну а потом, скорее всего в Испании, подняли бы восстание коммунисты, в Италии – тоже. И так далее.

– **А Скандинавия?**

– Разгром Финляндии был возможен уже в 1941 г. Линия Маннергейма была прорвана в 1940 г., но Сталин остановился. Как если бы бандиты прокопали подземный ход под банк и остановились, ждут воскресенья, когда служащие по домам разойдутся. Финляндия была уже разоружена с точки зрения обороны, и в любой момент можно было продолжать наступление. При благоприятных обстоятельствах наступление развивалось бы дальше, при неблагоприятных можно было бы и остановиться, передохнуть.

Потом можно было бы формировать немецкие экспедиционные части и отправлять их воевать в Норвегию, Швецию и так далее. Как кубинцев отправляли воевать в Анголу.

– **Было еще одно стратегическое направление, которое активно обсуждалось перед немецким нападением, – Турция, проливы.**

– Да, конечно. Со стратегической точки зрения наносить удар растопыренными пальцами очень нехорошо. Но мы видим, как в августе 1941 г. Сталин вместе с англичанами оккупировал Иран. Никто ему слова не сказал, никто не сопротивлялся. Турция стала бы такой же жертвой Великобритании и Советского Союза, разделили бы ее пополам.

Когда Сталин прилетел в 1943 г. на конференцию в Тегеран, кто-то из молотовской команды обратился к иранскому шаху для того, чтобы организовать встречу со Сталиным. Сталин дал этому товарищу по шапке и сам обратился к шаху примерно с таким вопросом: «Когда бы Ваше величество смогло бы меня принять?» Хитрый был, как змей. У Сталина не только кнуты были, были и пряники. И с Турцией тоже могло получиться нечто подобное.

Оккупируем Турцию, но уважаем все ваши традиции, и кто у вас тут главный, и можно ли его посетить, поклониться шкурой медведя и бочкой меда...

– **Дальше возникает патовая ситуация, когда Сталин выходит к Ла-Маншу.**

– Я не думаю, чтобы он туда полез. Следовало сделать очень мощную передышку и переварить Европу. Этот питон заглотил слишком большого кабана. После этого можно было разбираться с Великобританией.

Вот что еще можно было делать – это освободить Африку и все колониальные народы. Это стало бы мощным подспорьем в смысле сырья. Там бы возникли какие-нибудь узбекистанские режимы со своими царьками, с серпами и молотками на красных знаменах. Тут проблем не было бы вообще никаких – это же были колонии.

Но остается Америка. С одной стороны, США были очень сильно заражены коммунизмом. Товарищ Маккарти не зря очень сильно чистил Америку от левых.

Изоляционизм был тоже очень силен. У нас с одной стороны океан, с другой стороны океан – и гори все ясным пламенем.

Товарищ Сталин тоже думал об Америке, и очень много. Ее следовало разложить изнутри. С американской экономикой Сталин справиться не смог бы. У Оруэлла описана ситуация с тремя суперконтинентами, которые между собой бесконечно воюют. Вот это патовая ситуация.

– **Но ведь американцы все равно сделали бы атомную бомбу к тому же 1945 г., не раньше и не позже. И дальше пришлось бы Сталина выкуривать из Европы уже с ее помощью. Тем более Англия продолжала бы сопротивляться.**

– В Англии вполне могли бы победить какие-нибудь левые силы и склонить голову перед товарищем Сталиным. Сказали бы, что вот, великий Советский Союз разгромил Гитлера, а мы воюем против Советского Союза, нехорошо... Тем более если бы Сталин начал туда возить бананы из Африки. Без кофе и бананов Британия жить не может.

– **Получается, что тот вариант истории, который разыгрался, был все-таки лучшим? Иначе жертв было бы неизмеримо больше?**

– Да, конечно. Я высказываю крамольную мысль – Гитлер все-таки своим нападением спас Европу. Советский коммунизм был гораздо более опасен, гораздо более привлекателен, чем нацизм, оттого что он интернационален. Он вбирал в себя всю пакость любой страны. Есть, скажем, несгибаемая Финляндия, а в ней – мерзавец Куусинен. Сталинский назначенец. Он набрал бы себе столько палачей, сколько нужно. Любые страны выделили бы достаточно палачей, и служили бы они Сталину верой и правдой.

Гитлер был национален, поэтому его режим не мог быть привлекателен для окружающих. Сталин был интернационален, поэтому побеждал идеологически, побеждал пропагандой.

Вспомните, эмблемой СС были черепа. Это ж каким дураком надо быть, чтоб такое придумать! А у НКВД – колосочки. И солнце восходящее на рукаве.

– **Парадокс в том, что к началу мировой войны на счету у нацистов не было и тысячной доли тех преступлений, которые были на счету у Сталина и советского коммунизма. Нацистская пропаганда находилась в идеальном положении, она ничего про СССР не должна была придумывать, хватало правды. И все равно нацисты проиграли. А Сталин, несмотря на свою чудовищную репутацию, пропагандистскую войну выиграл.**

– Да, и до сих пор продолжает выигрывать. И через 70 лет он живет и процветает.

Михаил Барятинский. Малой кровью, могучим ударом

История, как известно, это «публичная девка мирового империализма». А стало быть, нет ничего удивительного в том, что исторические факты сплошь и рядом подвергались, подвергаются и будут подвергаться сомнению. В этом, собственно, нет ничего предосудительного – в конце концов, человеку свойственно сомневаться. Ни в чем не сомневающиеся люди, как правило, глупы от природы. Однако у любого сомнения есть предел, после которого начинается банальное искажение исторических фактов, а попросту – переписывание истории. Последнее занятие всегда было очень популярным, но своего расцвета достигло в последние два десятилетия и за рубежом, и у нас в стране. Новый импульс этому процессу дали развал социалистического лагеря и Советского Союза. Процесс национальной самоидентификации, захвативший вновь образованные на территории последнего государства, довел отдельных политических деятелей до состояния душевнобольных. С их точки зрения, чем абсурднее трактовка того или иного события, тем лучше. В полной мере это относится и к истории Второй мировой войны.

Последняя новация в этом плане – обвинения в развязывании мирового конфликта, выдвинутые «братьями»-поляками в адрес СССР. Вот так, ни больше ни меньше. Скоро договорятся до того, что и Мюнхенский пакт подписывался под контролем Советского Союза. Ну как же, ведь и Чемберлен, и Даладье, да и сам Гитлер были штатными сотрудниками НКВД! Причем, как водится, громче всех кричат «держи вора» те, у кого рыльце в пуху. Роль той же Польши в разделе Чехословакии общеизвестна. Что же тогда возмущаться, что спустя год поделили уже саму Польшу! Впрочем, речь не об этом.

В рамках процесса переписывания истории довольно популярной является версия о якобы превентивном немецком ударе по Советскому Союзу. Суть идеи заключается в том, что Сталин вот-вот собирался напасть, а Гитлер его просто упредил. Раскрутка этого «проекта» началась давно – в первый же день Великой Отечественной войны. Так, в заявлении, переданном советскому правительству германским послом Ф. Шуленбургом через полтора часа после начала немецкого вторжения, утверждалось, что немецкая сторона была вынуждена встать на путь превентивной войны против СССР, поскольку он якобы не выполнял своих обязательств по советско-германскому договору и готовился к нападению на Германию. В том же духе был составлен и меморандум, врученный Риббентропом 22 июня советскому послу в Берлине. В нем утверждалось, что советское правительство стремится взорвать Германию изнутри и готово в любое время осуществить агрессию против нее. Столь «опасное положение» будто бы и вынудило нацистское правительство начать войну. В тот же день Риббентроп устроил пресс-конференцию для представителей иностранной и немецкой печати, на которой заявил, что Германия была вынуждена предпринять наступление на Советский Союз, чтобы опередить советское наступление.

Версия о превентивной войне со стороны Германии была полностью разоблачена на Нюрнбергском процессе над главными немецкими военными преступниками. Доказательства по разделу «Агрессия против СССР», показания обвиняемых и свидетелей неопровержимо подтвердили, что нападение на СССР было задумано и спланировано преднамеренно, без какого-либо повода к тому с его стороны. В частности, бывший руководитель германской прессы и радиовещания Г. Фриче в своих показаниях заявил, что он «организовал широкую кампанию антисоветской пропаганды, пытаясь убедить общественность в том, что в этой войне повинна не Германия, а Советский Союз... Никаких оснований к тому, чтобы обвинять СССР в подготовке военного нападения на Германию, у нас не было».

В приговоре Нюрнбергского трибунала по этому поводу говорится: «22 июня 1941 года без объявления войны Германия вторглась на советскую территорию в соответствии с заранее подготовленными планами. Доказательства, представленные Трибуналу, подтверждают, что

Германия имела тщательно разработанные планы сокрушить СССР как политическую и военную силу для того, чтобы расчистить путь для экспансии Германии на Восток в соответствии с ее стремлениями». И далее: «Планы экономической эксплуатации СССР, массового угона населения, убийства комиссаров и политических руководителей являются частью тщательно разработанного плана, выполнение которого началось 22 июня без какого-либо предупреждения и без тени законного оправдания. Это была явная агрессия».

Тут, как говорится, ни прибавить, ни убавить. Все остальное – досужие домыслы. Однако с точки зрения альтернативной истории тема эта представляет несомненный интерес. Попробуем и мы ответить на вопрос, что было бы, если бы не...?

Итак, предположим, что Германия – белая и пушистая, а кровавая большевистская Россия готовит нападение. Прежде чем начать выстраивать более или менее достоверную версию событий, необходимо договориться о базовых условиях для рассуждений.

Первое базовое условие – время. Действительно, если Германия напала в июне 1941 года, а по первоначальным срокам операция «Барбаросса» должна была начаться 15 мая (срок перенесен из-за отвлечения части сил Вермахта на Балканскую кампанию), то когда, собственно, немцы ожидали наступления русских? Сторонники теории первого советского удара считают, что приграничная группировка Красной Армии создавалась именно для наступления. Причем продолжала наращиваться. В подтверждение такой точки зрения приводится факт выдвижения из тыловых военных округов на запад семи общевойсковых армий и одного стрелкового корпуса.

Действительно, из Уральского военного округа в район Идрица, Себеж, Витебск выдвигалась 22-я армия, из Забайкальского округа в район Бердичев, Проскуров – 16-я армия, из Северо-Кавказского округа в район Черкассы, Белая Церковь – 19-я армия, из Приволжского округа в район Чернигов, Конотоп – 21-я армия. Харьковский округ выдвигал на запад 25-й стрелковый корпус. Одновременно готовились к передислокации войска 20, 24 и 28-й армий. Эти семь армий (16, 19, 20, 21, 22, 24 и 28-я) составляли второй стратегический эшелон. При этом три последние армии планировалось сосредоточить в районе Москвы. К началу войны только несколько соединений 19-й армии успели сосредоточиться в намеченных районах, большинство же находилось в пути или пунктах прежней дислокации.

Если допустить, что Красная Армия готовилась к наступлению и армии второго стратегического эшелона предназначались для развития успеха, то выбор районов их сосредоточения не может не вызвать удивления. От госграницы и от войск первого стратегического эшелона их отделяло от 450 до 600 км! Но нам можно все, предположим, что эти армии сосредотачивались для наступления, и именно этот процесс лимитировал для немцев время принятия решения. Исходя из имеющихся данных, с уверенностью можно утверждать, что сосредоточение этих объединений в новых районах дислокации затянулось бы до глубокой осени. С учетом печального опыта финской войны, вряд ли советское командование пошло бы на еще одну зимнюю кампанию. А значит, первого удара русских немцы могли ждать не раньше весны – лета 1942 года. Никакого спланированного советского наступления в 1941 году просто быть не могло. Применительно к этому периоду времени можно говорить лишь о достаточно спонтанном превентивном ударе: советское командование узнало о сосредоточении немецких войск вдоль границы СССР и нанесло упреждающий удар, дабы разгромить войска противника, еще не завершившие оперативно-стратегического развертывания. Надо сказать, что идея такого удара была вполне реальной. Именно о нем шла речь в проекте «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке», подписанном 15 мая 1941 года заместителем начальника оперативного управления Генерального штаба А. Василевским. В этом документе отмечалось, что Германия держит свою армию отобилизованной, с развернутыми тылами и имеет возможность нанести внезапный удар. Для предотвращения этого предлагалось атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет нахо-

даться в стадии развертывания и не сумеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск. Для защиты от внезапного удара противника и прикрытия сосредоточения и развертывания наших войск предполагалось организовать прочную оборону и прикрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, предназначенную для действий на западе. В резерве Главного командования планировалось иметь пять армий.

Однако, несмотря на частые заявления в печати о том, что проект оперативного плана от 15 мая был подписан И. Сталиным, С. Тимошенко и Г. Жуковым или принят к исполнению на основании их устного распоряжения, документальных подтверждений этому нет. На документе, подписанном А. Василевским, нет никаких резолюций или пометок, сделанных Сталиным, Тимошенко или Жуковым. Нет даже подтверждений того, что эта разработка представлялась на рассмотрение правительству или лично Сталину. В том виде, в каком этот документ дошел до нас – рукописный текст с многочисленными исправлениями и вставками, – он вряд ли мог быть представлен руководителям страны. Не стоит забывать и о том, что до 1948 года он хранился в личном сейфе А. Василевского, а не вместе с другими документами Генштаба, в бумагах Сталина или Тимошенко и оттуда был передан в архив. Так что эта записка, скорее всего, была не чем иным, как черновым рабочим документом, а не реально принятым оперативным планом.

Тем не менее мы возьмем эту идею за основу и будем говорить о наступательной операции Красной Армии в мае – июне 1941 года. Резонен вопрос – а почему только в мае, а не в апреле? Ведь в этом месяце немецкая группировка была еще более недоразвернутой. Вспомним: по плану «Барбаросса» Советский Союз планировалось разгромить за 5 месяцев, начав операцию не позднее июня. То есть завершить ее предполагалось до наступления зимы. Но почему в мае, а не в апреле? Дело в том, что, в отличие от Западной Европы, в Европе Восточной сеть дорог с твердым покрытием была невелика, а в СССР ее местами вообще не было. Волей-неволей немцам приходилось ждать, когда просохнут дороги. Банально, но факт. Пришлось бы ждать этого и советскому командованию. Словом, со временем начала советского наступления мы определились: если предположить, что проект А. Василевского утвержден и месяц положен на подготовку, то речь идет о воскресенье 15 июня 1941 года.

Второе базовое условие – это силы и средства. Надо же знать, чем оперировать при моделировании ситуации. В случае с 1941 годом решение этого вопроса напрашивается само собой – реальные силы и средства сторон. Стоп, скажет здесь читатель, как же так, ведь совершенно очевидно, что группировка советских войск совершенно не годилась для наступления. Да, действительно, в этом отношении силы были, мягко говоря, неравны. Немецкое командование развернуло в первом эшелоне 103 дивизии, в том числе 12 танковых, в то время как в первом эшелоне советских армий прикрытия границы имелись только 54 стрелковые и две кавалерийские дивизии, то есть в два раза меньше. При этом дивизии противника были полностью укомплектованы личным составом, вооружением и боевой техникой, транспортными средствами. Они не только имели общее количественное превосходство в силах и боевых средствах, но и обладали более высокой подвижностью и маневренностью.

Однако если рассуждать о советском упреждающем ударе, то совершенно очевидно, что к нему привлекались бы не только и не столько дивизии первого эшелона, но и соединения второго. В последнем, в свою очередь, находилось 11 стрелковых, 24 танковых, 12 моторизованных и 4 кавалерийские дивизии. Кроме того, в резерве командования округов находилось еще 45 дивизий. В случае подготовки и нанесения первого удара все они, безусловно, приняли бы в нем участие. Скорее всего, за месяц с момента гипотетического утверждения плана А. Василевского до начала наступления все эти соединения были бы пополнены личным составом. Причем даже без объявления мобилизации. В реальности в апреле – мае 1941 года, учитывая нарастающую напряженность на западной границе СССР, Наркомат обороны и Генеральный штаб с согласия правительства начали проводить скрытый призыв военнообязанных

запаса под прикрытием «больших учебных сборов». Всего таким образом было призвано, по разным данным, от 750 до 850 тыс. человек. Полностью решить проблему укомплектования частей и соединений личным составом это не могло, но тем не менее позволило довести 21 дивизию западных приграничных округов до полного штата военного времени (14 тыс. человек), 72 дивизии – до численности в 12 тыс. и 6 дивизий – до 11 тыс. человек. Хуже обстояло бы дело с техникой.

Что касается боевых машин, например в механизированных корпусах, то каким-либо кардинальным образом увеличить их численность и довести ее до штата по понятным причинам было нельзя. Другое дело – автомобили. Как известно, на 15 июня 1941 года в Красной Армии имелось 272 600 автомобилей всех типов, что составляло 36 % от численности штата военного времени.

Основу автопарка Красной Армии накануне Великой Отечественной войны составляли грузовые автомобили ГАЗ-АА и ГАЗ-ААА грузоподъемностью в 1,5–2 т, ЗИС-5 и ЗИС-6 грузоподъемностью в 3–4 т. В небольших количествах имелись пятитонные автомобили Яг-4 и Яг-6 и восьмитонные Яг-10. Все эти машины являлись грузовиками коммерческого типа и использовались в армии в таком же виде, как и в народном хозяйстве без каких-либо конструктивных изменений. Поэтому по своим характеристикам они мало подходили для эксплуатации в войсках, особенно в условиях военного времени. В отличие от германского Вермахта, к началу войны Красная Армия практически не имела автомобилей повышенной проходимости. Последние были представлены полугусеничными вездеходами ГАЗ-60 (В) и ЗИС-22 (ВЗ), созданными на базе все тех же ГАЗ и ЗИС. Однако количество их было невелико, а технические характеристики оставляли желать лучшего.

Такая же ситуация сложилась и с легковыми автомобилями. В Красной Армии имелись машины трех типов: ГАЗ-А, ГАЗ М-1 и ЗИС-101. Наиболее массовыми были знаменитые «эмки» – ГАЗ М-1, семиместные ЗИСы использовались для перевозки высшего комсостава (корпус, армия, округ). Все эти автомобили не были приспособлены для эксплуатации в армии и обладали низкой проходимостью. Исключение составляли автомобили ГАЗ-61. Это был полноприводный (4х4) вариант «эмки», созданный специально для армии. Однако количество изготовленных машин было очень небольшим.

Еще больше проблем было со специальными машинами – бензо- и водомаслозаправщиками, автоцистернами, ремонтными летучками (походными мастерскими на шасси автомобилей). Производство таких машин на заводах промышленности было очень небольшим – например, в 1940 году при плане в 2 тыс. бензозаправщиков на шасси ЗИС-5 и 150 водомаслозаправщиков на шасси ЗИС-6 было изготовлено всего 155 и одна (!) машина соответственно. Поэтому обеспеченность, например, механизированных корпусов заправщиками колебалась в пределах 7–40 %. По Западному Особому военному округу средняя укомплектованность танковых частей водомасло- и бензозаправщиками составляла 15 %.

Считалось, что весь этот огромный некомплект в случае начала военных действий будет восполнен за счет поступления автомашин из народного хозяйства, то есть по мобилизации. Правда, не совсем понятно, как это собирались сделать. Дело в том, что потребность Красной Армии составляла 755 тыс. автомобилей. Для достижения такой комплектности было необходимо практически обнулить весь автомобильный парк страны, изъяв из народного хозяйства почти все. Как в таких условиях продолжало бы функционировать это самое народное хозяйство, остается загадкой. В действительности же в 1941–1942 годах из народного хозяйства по мобилизации армия получила около 270 тыс. автомобилей различных типов. Вряд ли в течение рассматриваемого нами месяца следовало бы ожидать заметного увеличения автопарка Красной Армии, как и изменения ее технической оснащенности в целом. И в реальности, и в моделируемой нами ситуации советские войска были одними и теми же. С таким же личным

составом, пушками и танками, такой же системой материально-технического снабжения, связью и т. д.

Несомненно, что ведущую роль в превентивном ударе сыграли бы механизированные корпуса второго эшелона войск прикрытия. По замыслу оргштатная структура мехкорпуса должна была обеспечить ему возможность ведения самостоятельных боевых действий в отрыве от общевойсковых армий. Совершенно очевидно, что в нашем случае все, или почти все, эти соединения получили бы самостоятельные задачи. Вот и попробуем разобраться, что из этого бы вышло.

Рассмотреть возможные действия всех мехкорпусов в превентивном наступлении Красной Армии довольно сложно, главным образом по причине ограниченного объема данной статьи. По сути, такой обзор представляет альтернативную историю начального периода Великой Отечественной войны. Поэтому имеет смысл сосредоточиться на какой-то одной операции с участием одного-двух механизированных соединений и на примере их действий оценить, насколько успешным был бы первый советский удар в целом. Поскольку никакой подобной операции в реальности не проводилось, то ее надо придумать. Вот, например – «Люблинская наступательная операция». Чем плохо? В целом же наш «разбор полетов» можно озаглавить: «Действия 4-го и 6-го механизированных корпусов в Люблинской наступательной операции 15–22 июня 1941 года».

Надо сказать, что в качестве цели нашей операции Люблин выбран не случайно. Дело в том, что этот город и в реальной действительности был целью советского контрудара в соответствии с директивой № 3. Эта директива была направлена в войска вечером 22 июня 1941 года и указывала военным советам фронтов на необходимость организации решительных контрударов с целью разгрома вклинившихся группировок противника. Войска Юго-Западного фронта должны были силами двух общевойсковых армий и не менее пяти механизированных корпусов при поддержке фронтовой и дальнебомбардировочной авиации нанести удары по сходящимся направлениям на Люблин, окружить и уничтожить вражескую группировку, наступавшую на фронте Владимир-Волынский, Крыстынополь, и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина.

Как видим, планировалась фронтовая наступательная операция, в случае успешного завершения которой в окружение попали бы все силы 6-й немецкой полевой армии и 1-й танковой группы. Здесь, конечно, можно возразить, что директива эта не учитывала реальную обстановку и возможности войск. Но если руководство вооруженных сил и страны не учитывало, а попросту – не знало их в действительности, то почему оно должно учитывать их в нашем случае? К вечеру первого дня реальной войны, не имея практически никакой объективной информации ни о противнике, ни о собственных войсках, командование поставило фронтам задачу по переходу в наступление и разгрому всех сил врага в течение двух суток! Тем более можно допустить, что в случае нанесения удара первыми задачи были бы еще глобальнее. В нашем случае речь идет о наступлении двух фронтов – Западного и Юго-Западного – из Белостокского выступа и из района Львова по сходящимся направлениям на Люблин. Цель – окружение и, разумеется, уничтожение сразу двух (а чего мелочиться?) немецких танковых групп. Для выполнения этой задачи в первую очередь привлекались силы 4-го и 8-го мехкорпусов Юго-Западного фронта и 6-го и 13-го мехкорпусов Западного фронта. Главную роль предстояло сыграть 4-му и 6-му мехкорпусам. На них имеет смысл остановиться подробнее.

4-й механизированный корпус (командир – генерал-майор А. Власов) начал формироваться в июле 1940 года на территории Западной Украины. Управление корпуса и корпусные части формировались на базе управления и корпусных частей 49-го стрелкового корпуса. 3-й мотоциклетный полк – на базе 53-го и 146-го кавалерийских полков 16-й кавалерийской дивизии. В состав корпуса вошли 8-я и 32-я танковые и 81-я моторизованная дивизии.

8-я танковая дивизия была сформирована на базе 24-й легкотанковой бригады. Кроме того, на формирование танковых полков дивизии были обращены 51-й и 54-й танковые бата-

льоны 10-й танковой бригады. Артполк и мотострелковый полк формировались из 220-го гаубичного артполка 7-й стрелковой дивизии и 608-го стрелкового полка 146-й стрелковой дивизии соответственно. В сентябре 1940 года 8-й гаубичный артиллерийский полк получил новую матчасть – 152-мм гаубицы обр. 1938 года, на замену тракторам ЧТЗ «Сталинец-65» прибыли СТЗ-5. Полк полностью перешел на мехтягу. 20 января 1941 года в полк поступили 122-мм гаубицы обр. 1910-1930-гг.

Первоначально в состав корпуса входила 10-я танковая дивизия, но в феврале 1941 года она была передана в состав вновь формируемого 15-го мехкорпуса, а взамен ее во Львове началось формирование новой 32-й танковой дивизии (на базе 30-й легкотанковой бригады). 32-я танковая дивизия не успела получить к началу войны всю положенную ей артиллерию. Ее гаубичный полк имел только один артиллерийский дивизион 152-мм орудий. Но из-за нехватки артиллерийских тягачей даже такое количество гаубиц артполка перевозилось двумя рейсами. 32-й отдельный зенитно-артиллерийский дивизион имел три батареи, но лишь одна из них имела материальную часть в виде 4 орудий.

В состав корпуса была включена 81-я моторизованная дивизия, преобразованная в январе 1940 года из 81-й стрелковой Калужской дивизии. 11 июня 1940 года дивизия выступила из Львова в район Заблотова в составе 12-й армии, участвовала в присоединении Бессарабии и Буковины. В июле 1940 года 81-я моторизованная дивизия возвратилась во Львов и вошла в состав формирующегося 4-го механизированного корпуса.

Формированию корпуса, находившегося на важнейшем операционном направлении, высшим командованием Красной Армии придавалось особое значение. Повышенное внимание придавалось как укомплектованию корпуса боевой техникой, в том числе новейших конструкций, так и боевой подготовке. Так, уже в августе 1940 года состоялось первое командно-штабное учение по вводу мехкорпуса в прорыв, под руководством командующего Киевским Особым военным округом генерала армии Г. Жукова. Отрабатывались вопросы взаимодействия 4-го механизированного корпуса с другими родами войск. По результатам учения были выявлены серьезные недостатки в управлении войсками. Тогда же, в августе 1940 года, было проведено и первое войсковое учение корпуса с привлечением авиации. Тема – «Ввод мехкорпуса в прорыв». Жуков и командир корпуса М. Потапов (А. Власов вступил в командование корпусом 17 января 1941 года) прорабатывали вопросы выбора места сосредоточения корпуса по тревоге, рубеж ввода соединения в прорыв и порядок выдвижения к рубежу войск. Было решено вводить корпус в прорыв в походных колоннах по двум параллельным маршрутам. Подобное учение проводилось впервые в Красной Армии, и его результатами организаторы остались довольны.

Тема второго войскового учения, проведенного уже в середине августа 1940 года, являлась логическим продолжением темы предыдущего: «Действие механизированного корпуса в глубине оперативной обороны противника». Отрабатывались темпы движения, обход и захват опорных пунктов, проведение встречных боев с резервами противника и прорыв его тыловых оборонительных рубежей. В конце сентября 1940 года состоялось итоговое командно-штабное учение 6-й армии, в оперативном подчинении которой находился 4-й мехкорпус: «Наступление армии и ввод механизированного корпуса в прорыв». На этом учении присутствовала практически вся верхушка РККА: Мерецков, Тимошенко, Жуков и другие. Не менее ценное командно-штабное учение в 4-м мехкорпусе прошло и 16 октября 1940 года: «Марш и встречный бой мехкорпуса». В нем участвовали штабы 8-й танковой и 81-й моторизованной дивизий. Его целью являлись проверка возможности подготовки и проведения марша в сжатые сроки, а также отработка вопросов доведения до подчиненных решения комкора о резком повороте в ходе марша на новые маршруты в готовности к встречному бою. Результаты учения высоко оценил генерал армии Г. Жуков. Руководящий состав корпуса получил ценные подарки от

командования округа. Отработанные в ходе учения документы были доведены в письменной форме до командного состава всех механизированных корпусов РККА.

К середине июня 1941 года в составе 4-го мехкорпуса насчитывалось 990 танков, из них 412 Т-34 и КВ.

В соответствии с замыслом Генштаба войска 6-го стрелкового и 15-го механизированного корпусов должны были прорвать фронт в полосе 4-го немецкого армейского корпуса, обеспечив тем самым ввод в прорыв 4-го мехкорпуса уже в середине первого дня операции. Все части и соединения заблаговременно покинули районы постоянной дислокации и к вечеру 14 июня выдвинулись на исходные рубежи.

Что касается 6-го механизированного корпуса (командир – генерал-майор М. Хацкилевич), то он начал формироваться 15 июля 1940 года на базе управления 3-го кавалерийского корпуса. В его состав входили 4-я и 7-я танковые и 29-я моторизованная дивизии.

Танковые полки 4-й дивизии создавались из многих частей и подразделений – танковых батальонов 21-й тяжелой, 6-й легкой и 30-й химической танковых бригад, 2, 6, 13, 50-й стрелковых дивизий, 632-го автотранспортного батальона 46-й автотранспортной бригады. В связи с тем, что тяжелой танковой бригаде не были положены по штату свои мотострелковые и артиллерийские подразделения, в гаубичный артиллерийский и моторизованный полки 4-й танковой дивизии были реорганизованы соответствующие полки 29-й стрелковой дивизии.

7-я танковая дивизия формировалась в Волковыске на базе 11-й кавалерийской трижды орденоносной дивизии имени Морозова. Кроме того, на укомплектование танковых полков дивизии прибыли танковый батальон 21-й тяжелой танковой бригады, два танковых батальона стрелковых дивизий (33-й и 125-й), подразделения 6-й легкотанковой и 43-й автотранспортной бригад. Мотострелковый полк был сформирован из 100-го и 117-го кавалерийских полков, гаубичный артиллерийский полк – из 17-го конного артиллерийского дивизиона 11-й кавдивизии.

29-я моторизованная дивизия была сформирована на основе 29-й стрелковой дивизии, а 4-й корпусной мотоциклетный полк – на базе 6-го кавалерийского Краснознаменного полка 11-й кавалерийской дивизии. Также на его укомплектование прибыла рота из мотоциклетного батальона округа.

Формирование корпуса завершено 30 июля 1940 года, а 5 августа части и подразделения приступили к нормальной боевой подготовке.

6-й мехкорпус был наиболее сильным из всех мехкорпусов Красной Армии – по бронетанковой технике он был укомплектован полностью по штату (1022 танка) и имел наибольшее количество танков Т-34 и КВ (452 единицы); по командно-начальствующему составу процент укомплектованности составлял 60–80 %, по младшему комсоставу – 70–92 %, по рядовому составу – 94–105 %!

В интересах наступления 6-го мехкорпуса должны были действовать 5-й стрелковый и 13-й механизированный корпуса. Именно им предстояло к полудню 15 июня сломить оборону немцев и обеспечить ввод в прорыв дивизий 6-го мехкорпуса на стыке 9-го и 43-го армейских корпусов Вермахта. Воздушное прикрытие действий 6-го мехкорпуса возлагалось на 9-ю и 43-ю смешанные и 12-ю бомбардировочную авиадивизии ВВС фронта.

Следует подчеркнуть, что точно так же, как немцам накануне вторжения не удалось вскрыть всю группировку советских войск в приграничных районах, так и группировку немецких войск не удалось вскрыть советской разведке. Будем считать, что наше командование имело представление только о первом и частично втором эшелонах вражеских войск.

Боевые действия начались утром 15 июня 1941 года с мощной артиллерийской и авиационной подготовки. Артиллерийский и авиационный удар наносился на всю оперативную глубину, захватывая как первые эшелоны немецких войск, так и возможные зоны расположения вторых. Кроме того, авиаудары наносились по всем достойным целям в зоне действия совет-

ской авиации, начиная с полевых аэродромов и заканчивая железнодорожным мостом в Варшаве.

Примерно в 4.30 утра батальоны 159-й стрелковой дивизии, поддерживаемые танками 37-й танковой дивизии, перешли государственную границу СССР. Однако огня по ним никто не открыл. Оборона противника отсутствовала, ни окопов, ни блиндажей – Вермахт явно не собирался обороняться. Уже спустя несколько минут были захвачены первые пленные – секрет 71-й пехотной дивизии, двое ошалевших от происходящего солдат. В полутора километрах от границы среди разметанного разрывами снарядов палаточного лагеря цепи красноармейцев были обстреляны противником. Впрочем, спорадическое сопротивление немцев было быстро подавлено огнем танковых пушек. Повсюду ощущался разгром, результат артподготовки и бомбежки, – разбросанные палатки, брошенные повозки и разбитые автомашины. Повсюду валялись мертвые тела немецких солдат в исподнем – обстрел застал их во время сна. Судя по всему, советское наступление стало для противника полной неожиданностью.

Организованное сопротивление противник попытался оказать только в 5 км от границы, кое-как окопавшись и развернув противотанковую артиллерию. Однако уже подходили полки 10-й танковой дивизии. Дивизия подходила мощно, широким фронтом с тяжелыми танками впереди. Танки КВ и Т-34 вели огонь с ходу осколочно-фугасными снарядами. Собственно, никаких других снарядов в боекомплектах этих танков не было, о чем командир дивизии генерал-майор С. Огурцов докладывал командованию еще за три дня до начала операции. К счастью, немецкие танки пока не попадались, а сильно пострадавшие от артогня 71-я и 295-я немецкие пехотные дивизии были буквально смяты решительной атакой советских танков и пехоты.

Поскольку уже к 12.00 продвижение советских войск составило около 6 км, можно было считать, что первая полоса обороны прорвана. Находившийся на КП 6-й армии в г. Немиров командующий Юго-Западным фронтом генерал-полковник М. Кирпонос отдал приказ 4-му мехкорпусу входить в прорыв.

Корпус пошел в прорыв по двум маршрутам, как это и отрабатывалось на довоенных командно-штабных учениях. При этом его боевые порядки должны были растянуться примерно на 80 км в глубину, что и начало происходить на деле. В то время как головная застава – разведбат 8-й танковой дивизии вошел в городок Юзефув, большая часть подразделений корпуса еще не покинула исходные районы сосредоточения. Последнее обстоятельство, правда, мало беспокоило как командование корпуса, так и штаб фронта. Тут вообще царило приподнятое, почти праздничное настроение. Наступление развивалось успешно, точно по графику. На направлении главного удара обозначался явный успех, противник оказывал лишь слабое сопротивление. Дабы недостаток автотранспорта не тормозил продвижение 4-го мехкорпуса, командующий фронтом распорядился передать ему почти все автомашины из 15-го мехкорпуса, выполнявшего второстепенную задачу. Это решение, позволившее «поднять» почти всю 81-ю мотодивизию, вскоре обернулось бедой для 15-го мехкорпуса.

К концу первого дня наступления головные части 4-го механизированного корпуса продвинулись более чем на 30 км! С наступлением темноты движение было приостановлено. Ночью вперед ушел только разведбат 8-й танковой дивизии. Впрочем, личному составу остальных частей тоже не удалось отдохнуть – подошли топливозаправщики. Было решено пополнить запасы топлива впрок, как будет складываться ситуация в дальнейшем, никто не знал. А поскольку специализированных машин не хватало, большую часть топлива перевозили в бочках в кузовах грузовиков, что существенно осложняло процесс заправки боевых машин, с которой в итоге провозились до рассвета.

Не спали и немцы. Всю короткую летнюю ночь в штабах оценивали ситуацию и отдавали приказы на перегруппировку сил. С учетом того, что фронт в полосе 6-й полевой армии прочно удерживался, командующий группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал фон Рундштедт при-

нял решение нанести удар во фланг прорвавшейся советской группировке силами 48-го моторизованного корпуса и отрезать ее. Завершить разгром предстояло 3-му и 14-му моторизованным корпусам.

С рассветом 16 июня 4-й мехкорпус возобновил продвижение. Командир ушедшего далеко вперед 8-го разведывательного батальона доложил о разгроме вражеского аэродрома в окрестностях городка Янув-Любельский, а также о том, что вступил в бой с мотопехотой противника, подошедшей с севера. Впрочем, и без этого сообщения активность немцев обозначалась все больше. Впервые с начала наступления колонны корпуса бомбила немецкая авиация. Истребители прикрытия еще не подошли, а эффективность зенитного огня снижалась практически полным отсутствием 37-мм снарядов. Тем не менее к середине дня основные силы корпуса – танковые полки 8-й и 32-й дивизий – подошли к Януву.

Тем временем продвижение 41-й стрелковой дивизии, обеспечивавшей правый фланг ударной группировки, замедлилось из-за ожесточенного сопротивления 296-й немецкой пехотной дивизии. Последняя находилась во втором эшелоне и заметно меньше, чем другие соединения 4-го армейского корпуса, пострадала от ударов советской авиации. Вскоре разведка, в том числе и воздушная, донесла о немецких танках,двигающихся на юго-запад. Навстречу им командование развернуло 10-ю танковую дивизию, которая после ночного марша своим передовым отрядом заняла Томашув. Одновременно к городу подошла боевая группа 11-й немецкой танковой дивизии.

Ворвавшись в город, немецкие танки столкнулись на его улицах с передовым отрядом 10-й танковой дивизии и после непродолжительного боя заставили его отступить. По советским данным, немцы потеряли в этом бою 20 танков и 16 противотанковых орудий. Потери передового отряда 10-й танковой дивизии составили 20 танков БТ и 6 Т-34. Последние были подбиты на окраинах города огнем 88-мм зениток. Немецкие танки, проскочив город, к юго-западу от него столкнулись с основными силами 10-й танковой дивизии русских.

В 15 ч. 20-й танковый и 10-й мотострелковый полки дивизии С. Огурцова без артиллерийской и авиационной поддержки вновь атаковали Томашув. Местность для атаки была неблагоприятной. Советским танкам было необходимо преодолевать вытянутый холм, за обратным скатом которого находились немцы. Воздушная разведка противника обнаружила советские танки еще на подходе, а танкисты и артиллеристы 11-й танковой дивизии успели подготовиться к встрече. Избиение советских танков, которые по воле командования продолжали атаковать без поддержки артиллерии и пехоты, продолжалось до вечера. С наступлением темноты остатки 10-й танковой дивизии отошли на исходные позиции, а боевая группа 11-й немецкой танковой дивизии двинулась дальше на юго-запад, остановившись в 23.00 на привал.

В бою у Томашува с советской стороны действовали сравнительно крупные массы танков, поддержанные незначительным количеством пехоты и начисто лишенные поддержки артиллерии. Лишенный достаточного количества тягачей, артиллерийский полк 10-й танковой дивизии еще находился на марше. Не участвовала в бою также 37-я танковая дивизия, спешившая на выручку мотострелковому и гаубичному полкам 32-й дивизии 4-го мехкорпуса, из-за отсутствия транспорта следовавшим за своим соединением с большим опозданием. В районе Юзефува они были атакованы 16-й немецкой танковой дивизией. В то же время еще одна дивизия 48-го немецкого корпуса – 16-я моторизованная, – нащупав разрыв в растянувшихся порядках 4-го мехкорпуса, нанесла по ним рассекающий удар.

К вечеру стало ясно, что стрелковые соединения 6-й армии не успевают следовать за быстро уходящими вперед танковыми дивизиями 4-го мехкорпуса. Положение усугублялось вводом противником в бой резервов – 97-й и 99-й легкопехотных дивизий. В этой ситуации напрашивался удар силами 8-го мехкорпуса во фланг 48-му моторизованному корпусу немцев. Но командующий фронтом медлил, ожидая сообщений от командира 4-го мехкорпуса, с которым начиная с 16.00 не было связи. Наладить связь не удалось до утра 17 июня. Посланный в

расположение штаба А. Власова связной самолет благополучно приземлился, но на обратном пути был сбит немецкими истребителями. В этой ситуации М. Кирпонос решил не рисковать еще одним мехкорпусом на третий день войны и санкционировал ввод в сражение 37-го стрелкового корпуса. Предполагалось, что, нарастив усилия, пехота совместно с дивизиями 15-го мехкорпуса сумеет пробиться к 4-му. Однако этого не произошло. Части 15-го мехкорпуса, участвовавшие в непрерывных боях с самого начала операции, понесли серьезные потери. Часть танков, кроме того, вышла из строя, исчерпав моторесурс. Ну а без поддержки танков все усилия пехоты оказались тщетны. Немцам удалось закрыть брешь.

Уже к утру 17 июня 4-й механизированный корпус оказался в окружении. Причем по частям. Обе его танковые дивизии были заперты в треугольнике Янув-Любельский, Красник, Туробин. Что же касается 81-й мотодивизии, то она была отрезана от основных сил корпуса еще раньше и вела бой юго-восточнее. По понятным причинам в танковых батальонах начал ощущаться недостаток топлива. Примерно из трети танков его слили, обеспечив горючим остальные. Командир корпуса генерал-майор А. Власов решил продолжить продвижение к Люблину, рассчитывая соединиться там с войсками Западного фронта. Но это было уже невозможно – 3-й и 14-й моторизованные корпуса Вермахта сжимали кольцо. Все попытки атаковать в различных направлениях наталкивались на огонь 88-мм зениток. Положение усугублялось тем, что танковые полки попали в окружение отдельно от пехоты. Кроме того, на третий день боев положение в воздухе выравнивалось, а с сухопутными войсками немецкая авиация взаимодействовала лучше. Наши же самолеты бомбили наугад, часто накрывая свои войска.

4-й механизированный корпус вел организованные бои в окружении еще трое суток. Из-за малочисленного состава частей, нехватки топлива и боеприпасов оборона велась отрядами на отдельных направлениях. Немцам вскоре удалось раздробить «котел» на отдельные очаги сопротивления. К 21 июня несколько танков и несколько десятков человек сконцентрировались вокруг остатков штаба корпуса в лесу у селения Батож. В ночь на 22 июня командир корпуса приказал слить остатки горючего в свой КВ. В последний раз танкисты видели танк своего командира, когда, смяв березки на опушке леса, он двинулся в сторону немецких позиций. Над его башней развевался белый флаг.

Ну а что же 6-й механизированный корпус? Может быть, ему сопутствовал успех в Люблинской операции?

На рассвете 15 июня батальоны 113-й и 86-й стрелковых дивизий на десантных лодках переправились через Буг. Их сопровождали 17 плавающих танков Т-40 из состава 13-го механизированного корпуса. Разгром, произведенный советской артиллерией, позволил пехоте почти беспрепятственно продвинуться на 3 км в глубь польской территории. Пользуясь отсутствием немецкой авиации, саперы начали собирать паромы и наводить мост. Вместо предполагавшихся (и положенных) двух часов они провозились целых восемь. Все это время переправа пехоты, противотанковых и полковых пушек велась с помощью десантных лодок, а легких танков Т-26 – 25-й танковой дивизии с помощью паромов. Переправа основных сил 13-го механизированного корпуса и артиллерии началась только после полудня.

Несмотря на то что дивизии 9-го армейского корпуса располагались в один эшелон, прорвать их оборону в первый день операции не удалось. Главным образом из-за медленного накапливания сил на левом берегу Буга. Не удалось этого сделать и на следующий день. Войскам 5-го и 47-го стрелковых корпусов удалось оттеснить немцев еще на пару километров. Время шло, в полосу 9-го армейского немцы выдвигали 13-й армейский корпус. Поэтому командующий Западным фронтом генерал армии Д. Павлов принял решение вводить в бой 6-й механизированный корпус, не дожидаясь прорыва главной полосы обороны противника. Выполнение этой задачи облегчалось наличием уже нескольких понтонных мостов через Буг.

В течение всей ночи и первой половины дня 17 июня соединения 6-го мехкорпуса под командованием генерал-майора М. Хацкилевича, выполняя поставленную задачу, выдвигались

к Бугу и переправлялись на его левый берег. Движение большой массы танков было немедленно обнаружено авиацией противника, которая начала наносить бомбовые удары по боевым порядкам частей и переправам. Несколько раз они подверглись воздушным ударам, при этом части корпуса несли потери в личном составе и боевой технике. Только одна 7-я танковая дивизия за день потеряла 63 танка.

К 17.00 части 6-го мехкорпуса развернулись в боевой порядок и перешли в наступление и практически сразу же натолкнулись на сильное противодействие немецкой противотанковой артиллерии. Кроме того, для отражения наступления 6-го мехкорпуса противник привлек 8-й авиакорпус пикирующих бомбардировщиков. Немецкие самолеты ожесточенно атаковали советские танки, причем, кроме бомб, применялась специальная фосфорная смесь. Командир корпуса генерал-майор Хацкилевич вынужден был выводить части из-под ударов авиации.

Утром 18 июня 6-й мехкорпус возобновил наступление. Из-за отставания артиллерии артиллерийская подготовка перед атакой и сопровождение огнем наступающих танков не производились. Противотанковая оборона противника уничтожалась танками, которые несли при этом большие потери. Практически не применялись обходные маневры немецких опорных пунктов, а атаки в лоб успеха не приносили. 29-я моторизованная дивизия своим правофланговым 128-м полком в районе Лосице вступила в бой с подошедшей 292-й пехотной дивизией противника. Не выдержав немецкой пехотной атаки с артиллерией, полк попятился. Правее моторизованной дивизии вел бой 13-й танковый полк 7-й танковой дивизии генерал-майора С. Борзилова. В районе с. Морды пытался атаковать 14-й танковый полк этой же дивизии. Имея всего четверть заправки топлива, соединение к исходу дня перешло к обороне. Пополнить запасы топлива и боеприпасов удалось только к утру. Командир корпуса собрал все боеспособные танки в кулак и утром 19 июня прорвался в Седльце. Но было уже поздно. Под ударами подошедших резервов противника (46-й моторизованный корпус) 6-й мехкорпус был вынужден оставить город. Командир 6-го мехкорпуса генерал-майор М. Хацкилевич в тот же день погиб в боевых порядках своих войск. После его гибели управление частями и соединениями корпуса нарушилось.

Командование 6-го мехкорпуса получило приказ на отход в 17.25 20 июня, но выполнить его уже было не в состоянии: противник перешел к активным действиям, пытаясь охватить части корпуса с флангов. Танкисты, израсходовав боеприпасы и горючее, принялись уничтожать уцелевшие танки и бронеавтомобили. К концу дня корпус прекратил свое существование как механизированное соединение. Личный состав пробился на соединение с частями 47-го стрелкового корпуса и вместе с ними 22 июня отошел за Буг.

Необходимо подчеркнуть, что предложенная читателю версия событий, безусловно, схематична и поверхностна. При этом, однако, она содержит реальные факты и описания боевых действий, имевших место в действительности именно с этими соединениями летом 1941 года. Просто они перенесены в пространстве и во времени. Объединяет их одно – конечный результат. Как же так? – возмутится читатель. – В реальной действительности было немецкое внезапное нападение, а в моделируемом нами случае – советское. А результат – тот же? Да, тот же! Только последствия у него разные. В первом случае разгром советских механизированных корпусов состоялся на фоне общего поражения Красной Армии в Приграничном сражении, во втором – никакого общего поражения нет, а разгром мехкорпусов – лишь результат неудачи частных наступательных операций. Да и само Пограничное сражение происходит по ту сторону границы.

Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что нанести решительное поражение Вермахту летом 1941 года ни по эту, ни по ту сторону границы Красная Армия не могла. Нет смысла вдаваться в подробности и анализировать вопросы организационной структуры, вооружения, технического оснащения и уровня боевой подготовки обеих сторон. На основании всех серьезных современных исследований можно утверждать, что Красная Армия была объек-

тивно слабее Вермахта. В первую очередь эта слабость выражалась в ее неготовности вести современную войну. То есть ту войну, какую немцы вели уже два года. В связи с этим закономерен вопрос – зачем тогда был нужен превентивный удар, заведомо обреченный на неудачу? Ну, во-первых, знали бы, где упадем, подстелили бы рогожку. А во-вторых, в наших рассуждениях смоделирована неудача тактическая, а не стратегическая. Попробуем разобраться, что упреждающий удар давал Советскому Союзу.

Итак, в построенной нами модели событий мы задействуем в наступлении войска приграничных военных округов – первые и вторые эшелоны, а также резервы, развернутые по большей части до штатов военного времени. Больших сил за отведенный нами месяц на подготовку операции сосредоточить бы не удалось. Основную ударную силу составляют мехкорпуса, перед которыми ставится задача рассеять и окружить вражеские ударные группировки. Задача вполне логичная (она ставилась перед мехкорпусами и в первые дни реальной войны), но крайне трудно выполнимая. Вне всякого сомнения, советским войскам первоначально сопутствовал бы успех. Причин этому несколько: внезапность нападения (во всяком случае, мы так условились, но и в реальности добиваться абсолютной секретности у нас умели) и отсутствие у противника оборонительных позиций (Вермахт расположился вдоль советской границы в летних лагерях и на квартирах), да и вообще какого-либо внятного плана на оборону. Последнее обстоятельство, кстати, является еще одним явным свидетельством того, что никакого нападения со стороны СССР в 1941 году Германия не ждала.

Вполне вероятно, что уже в первые два дня операции механизированным корпусам удалось бы прорвать немецкую оборону. Выполнение этой задачи облегчалось как расположением немецких войск на ряде участков в один эшелон, так и уже упоминавшимся отсутствием обороны как таковой. Однако успех был бы кратковременным. Красная Армия образца 1941 года вряд ли смогла бы эффективно нарастить успех. Сделать это не позволяла как ограниченная мобильность (влияние этого фактора на ход боевых действий весьма ощутимо в реальных операциях Красной Армии в 1941–1942 годах), так и несовершенная организационная структура войск. Неизбежно сразу проявились бы все те недостатки организации и оснащения армии, какие в реальности проявились летом 1941 года, в первую очередь – перебои в связи и управлении, а также в материально-техническом снабжении наступающих частей и соединений.

Вермахт, напротив, после преодоления первоначального шока среагировал бы на возникшие обстоятельства достаточно быстро, что и смоделировано в наших примерах. С учетом большей мобильности немецких войск и лучшего управления можно предположить, что маневр моторизованными и танковыми соединениями был бы эффективнее, чем у Красной Армии. Эффективнее была организационная структура Вермахта, способы применения и взаимодействия войск.

Затрагивая тему взаимодействия, несколько слов хотелось бы сказать об авиации. В приведенном выше описании возможных боевых действий авиация как бы отсутствует, ее влияние на ход операции минимально. Сделано это намеренно, так сказать, для чистоты картины. Однако, вероятнее всего, в воздухе установился бы некий паритет: некоторое качественное превосходство Люфтваффе против количественного превосходства советских ВВС. Опять-таки, не будем выяснять, сколько и у кого было больше самолетов «новых типов», а сколько «старых». Это не суть важно. В нашем случае важно, что советская авиация не застигнута на «мирно спящих аэродромах», а поднята в воздух и действует. Потери Люфтваффе от первого советского удара, впрочем, тоже не будем переоценивать. Вряд ли они были бы слишком велики. Все основные немецкие аэродромы находились существенно дальше от границы, чем советские, их было больше, они были лучше оборудованы и защищены. С точки зрения эффективности немецкая зенитная артиллерия, располагавшая большим числом автоматических пушек, была лучше советской. Словом, в результате первого удара господства в воздухе советская авиация бы не добилась.

При этом общем равенстве у немцев было некоторое преимущество в организации взаимодействия авиации и сухопутных войск. Система заявок сухопутных частей на авиационную поддержку в Красной Армии была громоздкой. Между вызовом авиации и ее появлением над полем боя проходило много времени, обстановка зачастую менялась, и авиаудар порой наносился уже по пустому месту. У немцев же имелись авианаводчики непосредственно в сухопутных частях, которые руководили действиями авиации прямо с переднего края.

Что же мы имеем, так сказать, в сухом остатке? Советские войска переходят границу и оттесняют части Вермахта. Несколько механизированных корпусов входят в прорыв с далеко идущими целями, но немцы, быстро совершив маневр подвижными соединениями, отрезают их и уничтожают. Что же дальше? В чем же стратегический выигрыш? Да во времени, конечно!

Первый советский удар не мог пройти для Вермахта бесследно – только в смоделированном нами примере как минимум пять-шесть пехотных дивизий разбиты полностью, а еще несколько понесли тяжелые потери. Неизбежно понесли бы потери танковые и моторизованные соединения, принимавшие участие в боях с нашими мехкорпусами. На восполнение потерь и приведение войск в порядок нужно время, как нужно и на восстановление разрушенных русскими объектов военной и транспортной инфраструктуры (взорванные и сожженные склады, разрушенные мосты, аэродромы и т. д.). Заметим, что все это зализывание боков происходит на фоне идущей войны. Да, да, ведь с первым упреждающим ударом 15 июня 1941 года началась война между СССР и Германией. Трудно сказать, как она бы называлась – Великой Отечественной или как-то иначе, но это была бы большая война. И главный вопрос для Гитлера – что делать дальше? Совершенно очевидно, что план «Барбаросса» не просто трещит по швам, его можно выбросить на помойку. Ситуация кардинально изменилась. Немецкий план войны разгадан русскими. Теперь перед немцами не мирно спящая страна, а ошестинившийся штыками и орудийными стволами фронт, который нужно прорывать по всем правилам. К тому же выяснилось, что вопреки ожиданиям у Красной Армии много танков и самолетов. Словом, нужен новый план войны, соответствующий новым реалиям. Например, реалиям того, что на южном фланге румынские войска отступают под ударами Красной Армии, и лишь присутствие там нескольких немецких дивизий позволило остановить русских на рубеже р. Серет. Разброд в стане союзников – под вопросом участие Финляндии и Венгрии. А время идет. На разработку нового плана кампании, перегруппировку сил и средств у Германии неизбежно ушло бы не менее двух месяцев. А тут и осень, завершить Восточный поход до зимы явно не удастся, война неизбежно переходит в затяжную позиционную фазу. Проведение крупного наступления на Восточном фронте, скорее всего, придется отложить до весны 1942 года.

Но ведь это значит, что Вторая мировая война пошла бы по совсем другому сценарию. Это значит, что Советский Союз провел бы мобилизацию, перевел бы экономику на «военные рельсы», причем не под бомбежкой и не в процессе эвакуации. Это значит, что Ленинград не в блокаде, а Киев не сдан. Это значит, что нет миллионов погибших и пленных и урожай зерновых на Украине собираем мы, а не немцы. Это означает совсем другую реальность, со значительно более благоприятным для Советского Союза развитием событий. Во всяком случае, до 1942 года. Что будет в 1942-м, фантазировать не будем, не будем подсчитывать, сколько вооружения произведет советская промышленность, а сколько – немецкая, как будут развиваться взаимоотношения с союзниками у СССР и Германии, и т. д. Все это – тема отдельного разговора.

Впрочем, упреждающим ударом Красной Армии в 1941 году тема возможного нападения СССР на Германию не исчерпывается. В связи с этим было бы любопытно рассмотреть и другие возможные даты этого события.

Наименее вероятным можно считать 1942 год. Не совсем ясно, по каким причинам Гитлер мог отсрочить нападение на год. Что могло ему помешать? Советский превентивный удар? Но тогда это уже не нападение. Пожалуй, отменить операцию «Барбаросса» Гитлера могли

заставить только какие-либо решительные действия советского руководства, например открытое объявление в СССР мобилизации где-нибудь 1 июня 1941 года, приведение в полную боевую готовность и развертывание войск у границы и т. д. Конечно, эти меры позволили бы немецкому руководству обвинить СССР в подготовке к войне, но одновременно могли зародить и сомнение в успехе своих планов. Перенос операции «Барбаросса» на год означает, что и смоделированная нами ситуация могла произойти уже в 1942 году. Детально разбирать ее мы не будем, скажем только, что Красная Армия была бы несколько иной. Правда, и Вермахт был бы посильнее, в конце концов, целый год работала бы не только советская промышленность, но и германская.

Значительно интереснее рассмотреть возможность советского превентивного удара не в 1942 году, и даже не в 1941-м, а в 1940-м! Сразу напрашивается вопрос – почему в 1940-м, а не в 1939 году? Ведь в сентябре 1939 года Красная Армия уже двигалась на запад, занимая Западные Украину и Белоруссию. Войны на два фронта не предвиделось – боевые действия в Монголии к тому времени были успешно завершены. То, что «освободительный поход» осуществлялся ограниченными силами, ровным счетом ничего не значит. В нем было задействовано столько войск (21 стрелковая и 13 кавалерийских дивизий, 16 танковых и 2 мотострелковых бригады – 700 тыс. человек, 6 тыс. орудий, 4,5 тыс. танков, 4 тыс. самолетов), сколько было необходимо для решения поставленной задачи. При этом, уступая в общей численности войск Вермахту, наступающая советская группировка была сопоставима или же превосходила противостоящие немецкие войска по танкам, артиллерии и авиации. Однако в случае необходимости она могла быть значительно больше. Например, годом раньше, когда СССР был готов пойти на открытое вооруженное столкновение с Германией из-за Чехословакии, в боевую готовность были приведены 60 стрелковых и 16 кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 22 отдельные танковые бригады, 17 авиационных бригад и т. д. В августе 1939 года в ходе переговоров с английской и французской миссиями в Москве советская сторона заявила о своей готовности выставить против Германии 120 пехотных и 16 кавалерийских дивизий, 5 тыс. тяжелых орудий, 9-10 тыс. танков, от 5 до 5,5 тыс. боевых самолетов. Так что силы для удара по немецким войскам в Польше нашлись бы. Другой вопрос, насколько целесообразно было делать это именно в сентябре 1939 года? Насколько необходимо было вступать в лобовое столкновение с Вермахтом именно тогда, когда этого хотели Франция и Англия. Следует подчеркнуть, что общеполитическая ситуация к осени 1939 года была для таких действий СССР неблагоприятна. Развитие событий могло привести к заключению пакта между Германией и западными державами и вступлению их в войну против СССР. Ведь собирались же Англия и Франция, уже находясь в состоянии войны с Германией, посылать войска в Финляндию! Советское наступление на Германию в 1939 году могло реально привести к «крестовому походу» против СССР. Иное дело – в 1940-м!

Главное условие при подготовке такого удара – правильно выбрать время. Общую подготовку следовало бы начать сразу после завершения войны с Финляндией, а конкретнее определиться позже. Планов Германии советское руководство, разумеется, не знало, с планом «Гельб» ознакомлено не было, но начало боевых действий на Западе 10 мая 1940 года давало своего рода отмашку. Да и вообще, к маю все должно было быть готово. Наиболее же подходящее время для наступления Красной Армии – 1 июня.

Действительно, к этому времени вся германская действующая армия находилась на Западе. Причем не просто находилась, она вела боевые действия, требовавшие колоссального напряжения сил. Все танки и самолеты были на Западном фронте. Немцы выгребли практически все людские резервы. Достаточно сказать, что в распоряжении командования на Востоке, в генерал-губернаторстве (оккупированная немцами часть Польши) и 1-м корпусном округе (Восточная Пруссия) находилось всего 7 пехотных дивизий. Причем это были отнюдь не отборные соединения, а дивизии ландвера, укомплектованные призывниками старших возрастов, и

дивизии по охране тыла, находившиеся еще в стадии формирования. Все эти соединения были вооружены устаревшим или трофейным польским оружием, имели ограниченное количество артиллерии (от дивизиона до батареи на дивизию) и транспорта.

Сильно задерживалось и фортификационное строительство на Востоке (противотанковый ров вдоль границы и полевые укрепления). Для этого просто не хватало сил и средств. Их тоже забирал Западный фронт. В дневнике начальника Генерального штаба сухопутных войск генерал-полковника Ф. Гальдера, например, 8 апреля 1940 года была сделана следующая запись: «Бронекупола, предназначенные для Восточной Пруссии, пока держать в готовности для использования на Западе».

Таким образом, можно констатировать, что с востока Германия была практически беззащитна.

Ну а какие же силы могла привлечь для наступления Красная Армия? Да все, какие были! Нет смысла в связи с этим подсчитывать, сколько и каких войск имелось в Киевском и Белорусском Особых военных округах. Тем более что по состоянию на 1 июня 1940 года приграничными являлись также Калининский и Ленинградский военные округа (Прибалтийского военного округа еще не существовало). К подобной операции могли быть привлечены и соединения, дислоцировавшиеся в непограничных Московском, Орловском и Харьковском военных округах. Безусловно, отягчающим фактором при подготовке такой операции стали последствия советско-финской войны. Потребовалась бы определенная передислокация частей и соединений, принимавших в ней участие. Однако такая передислокация в действительности все равно производилась в связи с подготовкой операции в Прибалтике. Кроме того, часть соединений, участвовавших в боях с финнами, уже к лету 1940 года была возвращена в места постоянной дислокации. Так что ничего невозможного в этом не было.

Впрочем, в известном смысле понесли потери и войска, не участвовавшие в боевых действиях. В наибольшей степени это коснулось танковых частей. Так, например, в ряде танковых бригад нескольких военных округов были сформированы и отправлены на финский фронт семь сводных танковых полков. Причем после окончания войны не все из них вернулись в свои части. К сожалению, полные данные по военным округам на весну 1940 года отсутствуют, но кое-что собрать все-таки удалось. Возьмем хотя бы информацию по танковым бригадам.

На 17 сентября 1939 года в составе Белорусского фронта насчитывалось 8 танковых бригад. По состоянию на май 1940 года их оставалось 6 – 2-я легкотанковая бригада с осени 1939 года находилась в Литве, а 29-я легкотанковая, принимавшая участие в советско-финской войне, обратно в округ не вернулась. В оставшихся шести бригадах насчитывалось около 1100 танков (ни одна из бригад не была укомплектована до штатной численности). В войсках Украинского фронта на начало «освободительного похода» также насчитывалось 8 танковых бригад. К лету 1940 года их осталось столько же. 4-я легкотанковая бригада была передана в состав Одесского военного округа. Формально в его состав была передана и 23-я легкотанковая бригада, но весной 1940 года она еще продолжала дислоцироваться на территории Киевского Особого военного округа в г. Стрый. Кроме того, округ пополнился 49-й легкотанковой бригадой. В общей сложности в бригадах Киевского округа насчитывалось около 1300 танков. Таким образом, только в танковых бригадах двух округов имелось около 2400 танков. Но помимо танковых бригад на их территории дислоцировались 1-я Московская мотострелковая и 81-я моторизованная дивизии, в составе которых тоже имелись танки. Сколько – сказать трудно. По штату в моторизованной дивизии полагалось иметь 257 танков. С некоторой уверенностью можно утверждать, что до штата была укомплектована 1-я мотострелковая дивизия, прибывшая в Белоруссию из Московского военного округа. По 81-й моторизованной дивизии данных нет. Танковые полки (64 танка БТ) имелись в составе 10 кавалерийских дивизий обоих округов, а в составе 44 стрелковых дивизий – танковые батальоны численностью от 30 до 52 танков

Т-26 каждый. В итоге общая численность танковых частей и соединений Киевского и Белорусского военных округов составляла не менее 5 тыс. единиц.

После окончания советско-финской войны на территории Ленинградского военного округа находилось 7 танковых бригад, три из которых находились в составе войск, введенных в июне 1940 года в Прибалтику. В этих 7 бригадах насчитывалось около 1200 танков, всего в войсках округа не менее 2 тыс. боевых машин.

Общеизвестно, что значительная часть советских танков, особенно изготовленных до 1935 года, была технически неисправна. Но даже если принять количество неисправных машин равным 50 %, можно говорить о не менее чем 3 тыс. боеготовых танков. По другим родам войск картина была не хуже, если не лучше.

Что касается Вермахта, то к началу французской кампании 10 мая 1940 года он располагал 3620 танками, из которых боеготовыми были 2597 машин. Но на принятую нами дату – 1 июня – это число было меньше. Насколько – сказать трудно. Безвозвратные потери Панцерваффе в ходе боев на Западе составили 812 танков. Если считать, что к 1 июня была подбита половина (на самом деле большую часть танков Вермахт потерял в мае), то число боеготовых немецких танков составляет примерно 2100 единиц. Но это на Западе, на Востоке не было ничего.

1 июня 1940 года Красная Армия вошла бы в Польшу и Восточную Пруссию как нож в масло. Для этого, правда, пришлось бы отказаться от операции в Прибалтике. Впрочем, она все равно никуда бы от нас не делась. Кстати, вторжение в Восточную Пруссию лучше всего было осуществлять через территорию Литвы. В ней уже стояла танковая бригада и стрелковая дивизия Красной Армии. Две танковые бригады находились под Вильно, еще две – под Псковом. В сумме это свыше 900 танков!

Если учесть незначительное количество немецких войск на востоке, то можно предположить, что продвижение частей Красной Армии осуществлялось бы темпами, близкими к темпам «освободительного похода». А может быть, даже более высокими, учитывая лучшую дорожную сеть в Центральной Польше и уж тем более в Восточной Пруссии. Даже если советские войска продвигались бы с такими же издержками, как и в 1939 году, то в сутки подвижные соединения должны были проходить никак не менее 50 км. Первые части Вермахта, снятые с Западного фронта, могли появиться на Востоке не ранее чем через 5 дней. Такой вывод сделан на основе информации о переброске войск с Востока на Запад, почерпнутой из военного дневника Ф. Гальдера. За это время Красная Армия вышла бы на линию Краков, Лодзь, Данциг. Остановить же продвижение советских войск, перебросив с Запада достаточное количество войск, немцы смогли только у границ рейха. Таким образом, за 7–8 дней Германия могла потерять все завоеванное в 1939 году, да еще и Восточную Пруссию в придачу. Вот уж действительно, «малой кровью, могучим ударом»!

И что же дальше? Можно предположить, что столь решительное вступление СССР в войну могло стимулировать желание Франции продолжать сопротивление. Тем более что немцам пришлось бы как минимум уполовинить свои войска на Западе. А это означало бы самый страшный немецкий кошмар – войну на два фронта! Была ли Германия способна вести такую войну в 1940-м? Возможно, особенно с учетом меньшей длины линии фронта, чем, например, в реальном 1944-м. Но ход этой войны был бы совершенно иным. Во-первых, потому, что территория Германии находилась бы под ударом уже в 1940 году. Во-вторых, потому, что, скорее всего, Германия осталась бы без союзников – как-то трудно представить, что Словакия, Венгрия, Румыния и Финляндия ввязались бы в войну при таком раскладе. Италия же, потерпев неизбежное поражение от англичан в Африке, серьезно умерила бы свой пыл. В-третьих, противники Германии, в первую очередь СССР, находились бы в значительно более выгодных условиях. Советский Союз вообще вел бы боевые действия исключительно на чужой территории. Как долго могла Германия вести войну без ресурсов всей Европы (без румынской нефти,

например), можно только гадать. Думается, однако, что настроения в самой Германии претерпели бы серьезные изменения.

Ну а если бы Франция все-таки прекратила сопротивление? Что ж, ситуация для СССР стала бы сложнее, так как немцы могли направить на Восточный фронт значительно большее количество войск. Но тем не менее боевые действия все равно велись бы не на нашей территории и совсем при других условиях – без внезапного немецкого нападения. Даже в случае отступления Красной Армии, в пределы СССР война пришла бы не скоро, если бы вообще пришла. А уж об отступлении до Волги не приходится и говорить.

Кстати, в предложенном варианте развития событий, в том случае если европейские державы – Франция, Великобритания и СССР – разбираются с Германией самостоятельно, есть и одно далеко идущее следствие – несколько иная, значительно более скромная, роль США в послевоенном устройстве мира. Даже в том случае, если бы Советский Союз вел войну в одиночку и в нее вступили бы США, то стоит задуматься, где бы Красная Армия встретилась с союзниками, если бы они тянули с высадкой до 1944 года. Да и продолжалась бы война до 1944 года?

Рассматривая вариант 1940 года, необходимо упомянуть еще один сценарий первого советского удара – превентивное наступление осенью, например в сентябре – октябре. Строго говоря, именно оно полностью соответствует определению такого рода действий – упреждению противника в оперативно-стратегическом развертывании. В варианте 1941 года такое развертывание уже было завершено Германией, а в июне 1940 года – еще не было начато. Для Советского Союза ситуация осени 1940 года менее выигрышна, так как боевые действия на Западе уже завершились и некоторая часть соединений Вермахта была переброшена на Восток. Тем не менее советский превентивный удар мог оказаться достаточно эффективным, во всяком случае по сравнению с аналогичным ударом в 1941 году, главным образом потому, что немецкие войска еще не завершили развертывания, а в Красной Армии еще не дошла до абсурда реформа, в особенности в танковых войсках. Опять-таки в этой ситуации было бы спорным участие в войне Румынии и Финляндии. Взаимоотношения Румынии и Германии, например, в 1940 году были сложными (Германия поддержала СССР в его притязаниях на Бессарабию и Северную Буковину), и немцы всерьез рассматривали план вторжения в Румынию и взятия под свой контроль нефтепромыслов.

В любом случае развязывание войны Советским Союзом осенью 1940 года не привело бы к трагическому для нашей страны развитию событий по образцу 1941 года. Даже при относительном неуспехе первого удара война на какое-то время неизбежно переходила бы в позиционную фазу, в ходе которой обе стороны накапливали бы силы. Нанести ответный удар немцы смогли бы не раньше мая 1941 года. А к этому можно было и подготовиться, при наличии мозгов, конечно.

У читателя, возможно, возникнет вопрос: как же так, ведь во всех рассмотренных вариантах предполагается циничное нарушение Советским Союзом пакта о ненападении с Германией! Как это выглядит с этической точки зрения? Что можно сказать по этому поводу? Политика и этика, вообще-то, плохо сочетаются. Политика, как известно, дело грязное, а война, как ее продолжение, – еще грязнее. Да и чего, собственно, стесняться, после того как в августе 1939 года СССР и Германия цинично распределили зоны оккупации в Восточной Европе? Кто сильнее – тот и прав! К тому же пакт о ненападении был нужнее немцам, чем нам. Принято считать, что мы получили передышку. Какую, позвольте спросить? Мы получили войну в 1941 году, на которую, как выяснилось, совсем не рассчитывали. А вот хитрюга Гитлер, благодаря высокоэтичному выполнению Сталиным условий пакта, обезопасил себя с тыла в 1940-м! За что спустя год и поблагодарил! Нет, надо было дать ему пинка в июне 1940 года, а потом разбираться, кто прав, а кто виноват в Силезии, а не под Москвой.

Что можно сказать в заключение? Получается, что на фоне реального нападения Германии на Советский Союз 22 июня 1941 года просматриваются как минимум три возможных сценария развития событий. Причем все они связаны с возможным нанесением Красной Армией упреждающего удара. При всех возможных отличиях эти сценарии объединяет одно – гораздо более мягкие последствия для СССР. Но, увы, состоялось то, что состоялось. Политик из товарища Сталина был никудышный. С точки зрения способности плести аппаратные интриги он, безусловно, был вне конкуренции, а вот во всем остальном... Даром предвидения, способностью просчитать ситуацию вперед и принять оптимальное решение он явно не обладал, что наглядно подтверждает рассматриваемый нами случай. Из возможных вариантов вступления Советского Союза во Вторую мировую войну он выбрал наихудший!

Михаил Мельтюхов. Германия в советском военном планировании в 1940–1941 гг

В конкретных военных приготовлениях СССР ключевое место занимала деятельность Генерального штаба по военному планированию, до сих пор содержащая, к сожалению, значительное количество «белых пятен», что связано с сохранением секретности соответствующих документов 1939–1941 гг. Ныне отечественная историография располагает довольно цельной картиной хода выработки документов военного планирования на стратегическом уровне, однако их содержание, а также связь с планированием на уровне военных округов все еще остаются слабо изученными. Содержание советских военных планов традиционно излагается в отечественной литературе по устоявшейся схеме: планы разрабатывались в ответ на рост германской угрозы и предусматривали отражение вражеского нападения, нанесение ответных контрударов и общий переход в наступление для разгрома противника. В соответствии с этим замыслом армиям прикрытия ставилась задача в течение 10–15 дней обороняться на линии госграницы, не допуская вторжения противника на советскую территорию, и готовиться к переходу в наступление вместе с армиями второго стратегического эшелона¹.

Введенные в последние годы в научный оборот советские дипломатические и военные документы 1939–1941 гг. показывают, что никакие внешнеполитические зигзаги не мешали советскому руководству рассматривать Германию в качестве вероятного противника и тщательно готовиться к войне. С возникновением советско-германской границы в октябре 1939 г. Генеральный штаб Красной Армии начал разработку плана на случай войны с Германией². Особую интенсивность этот процесс приобрел со второй половины марта 1940 г., и в 1940–1941 гг. было разработано пять вариантов плана оперативного использования Красной Армии в случае войны. Это, конечно, не исключает наличия и других рабочих вариантов, которые все еще не доступны для исследователей, что затрудняет анализ хода выработки этих документов.

Вместе с тем не следует забывать, что опубликованные документы хотя и играли ключевую роль в советском военном планировании, но не исчерпывали его. Во-первых, к этим документам имелся ряд приложений графического и текстуального характера, детализировавших их содержание. Во-вторых, кроме того, имелись: записка о порядке стратегического развертывания вооруженных сил (задачи фронтов и флотов) с приложением карты и сводной таблицы распределения войсковых соединений, авиации и частей РГК по фронтам и армиям; план стратегических перевозок для сосредоточения вооруженных сил на ТВД; планы прикрытия стратегического развертывания; план устройства тыла и материального обеспечения действующей армии; планы по связи, военным сообщениям, ПВО и другие документы. Комплексное исследование всех этих материалов, в совокупности составлявших советский оперативный план, обеспечивающий организованное развертывание и вступление в боевые действия Красной Армии в соответствии с целями и задачами первых стратегических операций³, все еще остается, к сожалению, неосуществимым. Пока же мы вынуждены ограничиться рассмотрением доступных текстов четырех докладных записок на имя И.В. Сталина и В.М. Молотова, содержащих основные идеи военных планов⁴. Непосредственной разработкой этих документов занимались заместители начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майоры А.М. Василевский (Северное, Северо-Западное и Западное направления) и А.Ф. Анисов (Юго-Западное и Южное направления)⁵.

Прежде чем переходить к анализу этих документов, следует хотя бы кратко остановиться на хронологии процесса их разработки. Первый вариант документа под условным названием «Соображения об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940–1941 гг.» был подготовлен к концу июля 1940 г. Относи-

тельно его судьбы в литературе имеются две дополняющие друг друга версии. Одни авторы считают, что изменение западных границ СССР в августе 1940 г. и формирование новых соединений Красной Армии потребовало существенной доработки документа. По мнению же других, этот план был доложен наркому обороны Маршалу Советского Союза С.К. Тимошенко, который не одобрил его, поскольку считал, что в нем чрезмерное значение придается группировке противника, расположенной севернее Варшавы и в Восточной Пруссии, и настаивал на более тщательной проработке варианта, когда основные силы противника развернулись бы южнее Варшавы⁶.

Как бы то ни было, к 18 сентября был подготовлен новый вариант плана, который учитывал возможность использования главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки на Северо-Западном или Юго-Западном направлениях. Именно эти варианты развертывания советских войск именуются в историографии соответственно «северным» и «южным». Подобная особенность планирования была своеобразной традицией советского Генштаба, поскольку в 1921–1939 гг. Западный театр военных действий (ТВД) разделялся почти точно посередине бассейном реки Припять. С сентября 1939 г. эта река полностью протекала по территории СССР, но по привычке именно эта линия, экстраполированная далее на запад, делила ТВД на два основных направления. 5 октября 1940 г. этот вариант плана был доложен Сталину и Молотову. В ходе обсуждения Генштабу было поручено доработать план с учетом развертывания еще более сильной главной группировки на Юго-Западном направлении. В результате было предусмотрено увеличить численность войск Юго-Западного фронта на 31,25 % – по дивизиям, на 300 % – по танковым бригадам и на 59 % – по авиаполкам⁷.

14 октября доработанный «южный» вариант плана был **утвержден в качестве основного**, но при этом было решено «иметь разработанным» и «северный» вариант. Разработку обоих вариантов на местах планировалось закончить к 1 мая 1941 г. Тем самым советские вооруженные силы получили **действующий документ**, на основе которого велось более детальное военное планирование. В Генеральный штаб вызывались командующие войсками, члены Военных советов и начальники штабов военных округов для разработки оперативных документов, которые сразу же утверждались наркомом обороны. Кроме этого документа, советскому руководству докладывались планы боевых действий против Финляндии, Румынии и Турции, что, по мнению их разработчиков, придавало всему оперативному плану необходимую полноту и гибкость, давало возможность действовать в зависимости от конкретной военнополитической обстановки⁸. К сожалению, практически все эти документы остаются секретными, и вряд ли историки в скором времени смогут исследовать их.

Однако разработка военных планов на этом не завершилась. Военное руководство стремилось всесторонне оценить оба варианта действий Красной Армии, заложенных в оперативный план. Для отработки «северного» и «южного» вариантов 2–6 и 8–11 января 1941 г. в Генштабе проводились две оперативно-стратегические игры. В первой игре разыгрывались наступательные действия Красной Армии на Северо-Западном направлении (Восточная Пруссия), а во второй – на Юго-Западном (Южная Польша, Венгрия и Румыния). Оборонительные операции начального периода войны на играх вообще не проигрывались, для сохранения в тайне основного замысла плана в заданиях сторон просто отмечалось, что «синие» напали, но их отбросили к границе, а на Юго-Западном направлении даже к линии рек Вислы и Дунайца на территории Польши и с этих рубежей уже шла игра. На территории Восточной Пруссии наступление «красных» захлебнулось, а на Юго-Западе они добились значительных успехов, что и привело к отказу от «северного» варианта действий Красной Армии. Тем самым главным направлением советского наступления была определена Южная Польша⁹.

Переработку документов оперативного плана с учетом опыта январских игр возглавил новый начальник Генштаба генерал армии Г.К. Жуков. Согласно «Плану разработки оператив-

ных планов» требовалось уточнить документы по «южному» варианту к 22 марта, а по «северному» варианту – к 8 марта 1941 г. К сожалению, не ясно, была ли выполнена эта задача, ибо подготовленный к 11 марта 1941 г. новый вариант плана окончательно закрепил отказ от «северного» варианта и переориентировал основные усилия войск на Юго-Западное направление¹⁰.

Судьба этого варианта плана вызывает в литературе разногласия. Так, Б.Н. Петров отмечает, что 10 апреля 1941 г. была подготовлена директива на разработку плана оперативного развертывания войск приграничных округов, исходившая из идей, заложенных в плане от 11 марта¹¹. Ю.А. Горьков же указывает, что «по данному варианту плана были подготовлены уточняющие директивы в западные приграничные округа и наркому ВМФ, но адресатам их не отправили»¹². Однако, как указывает А.М. Василевский, в данном случае вновь применялась вышеотмеченная практика вызова в Москву командующих войсками и начальников штабов округов, которые получили все необходимые указания¹³. Поэтому вывод Ю.А. Горькова, что «уточненному в марте 1941 года плану не был дан ход»¹⁴, без анализа все еще секретных документов военного планирования округов представляется преждевременным.

Как бы то ни было, работа над уточнением оперативного плана продолжалась, и к 15 мая 1941 г. был разработан еще один вариант. Вокруг этого документа в отечественной историографии развернулась дискуссия по вопросу, был ли он утвержден советским политическим руководством. Документальные данные, которые давали бы однозначный ответ на этот вопрос, неизвестны, поэтому основные аргументы дискутирующих сторон опираются на косвенные сведения. Некоторые авторы ссылаются на то, что на этом документе отсутствуют подписи наркома обороны и начальника Генштаба¹⁵. Действительно, отсутствие подписей военных руководителей объяснить трудно, но Ю.А. Горьков отмечает, что «после 1938 г. все оперативные планы, разработанные Генштабом, не имеют подписей наркома и начальника Генштаба (кроме сентябрьского плана 1940 г., подписанного Тимошенко и Мерецковым)»¹⁶. То есть оформление документа от 15 мая 1941 г. вовсе не является чем-то экстраординарным. Можно предположить, что уточнения утвержденного в октябре 1940 г. плана стратегического развертывания оформлялись в рабочем порядке. Сомнения в том, что Сталин был знаком с этим планом, основываются, вероятно, на том факте, что на нем отсутствует какая-либо его резолюция. Но сведения, сообщаемые А.М. Василевским о порядке рассмотрения подобных документов советским руководством, подтверждают, что все указания Сталин давал устно¹⁷.

Основным аргументом сторонников традиционной версии об оборонительных намерениях СССР стали материалы бесед Г.К. Жукова с некоторыми военными историками в 1960-е гг. По свидетельству В.А. Анфилова, в 1965 г. Жуков рассказал ему следующее: «Идея предупредить нападение Германии появилась у нас с Тимошенко в связи с речью Сталина 5 мая 1941 г. перед выпускниками военных академий, в которой он говорил о возможности действовать наступательным образом. Это выступление в обстановке, когда враг сосредоточивал силы у наших границ, убедило нас в необходимости разработать директиву, предусматривавшую предупредительный удар. Конкретная задача была поставлена А.М. Василевскому. 15 мая он доложил проект директивы наркому и мне. Однако мы этот документ не подписали, решили предварительно доложить его Сталину. Но он прямо-таки закипел, услышав о предупредительном ударе по немецким войскам. «Вы что, с ума сошли, немцев хотите спровоцировать?» – раздраженно бросил Сталин. Мы сослались на складывающуюся у границ СССР обстановку, на идеи, содержащиеся в его выступлении 5 мая... «Так я сказал это, чтобы подбодрить присутствующих, чтобы они думали о победе, а не о непобедимости немецкой армии, о чем трубят газеты всего мира», – прорычал Сталин. Так была похоронена наша идея о предупредительном ударе...»¹⁸

В 1966 г. Жуков рассказывал сотруднику военно-исторического журнала Н.А. Светлишину, что «свою докладную я передал Сталину через его личного секретаря Поскребышева. Мне до сих пор не известны ни дальнейшая судьба этой записки, ни принятое по ней решение Сталина. А преподанный по этому поводу мне урок запомнился навсегда. На следующий день Н.А. Поскребышев, встретивший меня в приемной Сталина, сообщил его реакцию на мою записку. Он сказал, что Сталин был сильно разгневан моей докладной и поручил ему передать мне, чтобы я впредь таких записок «для прокурора» больше не писал, что председатель Совнаркома больше осведомлен о перспективах наших взаимоотношений с Германией, чем начальник Генштаба, что Советский Союз имеет еще достаточно времени для подготовки решительной схватки с фашизмом. А реализация моих предложений была бы только на руку врагам Советской власти»¹⁹.

Трудно не заметить полное различие обеих версий, что очень странно: ведь их автором, если верить публикаторам, был один и тот же человек, участник описываемых событий. Особо неправдоподобной выглядит версия Светлишина. Прежде всего не ясно, почему Жуков передает совершенно секретный, особой важности документ не самому Сталину, а его секретарю. Мало того, что подобная практика не подтверждается другими материалами, она была прямо запрещена «Инструкцией по разработке, пользованию, учету и хранению совершенно секретных документов особой важности в центральных управлениях Наркомата обороны и в штабах военных округов и армий», введенной в действие приказом наркома обороны № 0023 от 12 апреля 1941 г. Согласно инструкции «совершенно секретными документами особой важности являются оперативные документы, относящиеся к планам оперативного развертывания войск Красной Армии», что подтверждается наличием на документе от 15 мая 1941 г. грифов «совершенно секретно/особой важности». В инструкции было четко указано, что «передача документов на подпись, на доклад и т. п. через третьих лиц (секретарей, адъютантов и т. п.) запрещается. Документы должны передаваться соответствующим должностным лицам из рук в руки»²⁰. Не ясно также, почему Сталин не мог лично сказать Жукову все то, что он якобы передал через Поскребышева, который сообщил генералу об этом в приемной (!) Сталина.

Более правдоподобна версия Анфилова, но и в ней содержатся явно фальсифицированные сведения. Во-первых, идея предупредить нападение Германии возникла задолго до мая 1941 г. и составляла основу советского военного планирования в 1940–1941 гг. Хотя не исключено, что именно речь Сталина от 5 мая 1941 г. подтолкнула военных подготовить уточняющий документ. Во-вторых, ответ Сталина на это предложение выглядит совершенно ни к месту – при чем тут «провоцирование»? В-третьих, вряд ли стоит сводить смысл речи Сталина к опровержению утверждений зарубежной прессы, которую в СССР явно не читали. Теперь эта речь опубликована²¹, и каждый сам может убедиться в полном расхождении ее содержания и приведенной версии. Единственно, в чем сходятся обе версии, это в отказе Сталина от утверждения этого документа. Думается, что именно это и было целью рассказов Жукова, являвшегося одним из тех, кто был заинтересован в сокрытии правды о неудавшемся нападении на Германию. К тому же Жуков был не в том положении, чтобы позволить себе сказать правду, хотя бы в силу подписки о неразглашении государственной тайны.

Ю.А. Горьков выдвигает несколько иную версию в обоснование того, что «Советский Союз не готовился к агрессии против Германии в 1941 г.», ссылаясь на «отсутствие решения на начало войны со стороны советского политического руководства и правительства... До настоящего времени документов, подтверждающих наличие такого политического решения, не выявлено»²². К сожалению, авторы, любящие порассуждать о «политическом решении» о начале войны, не спешат точно определить, какой именно документ является «политическим решением». Причем разногласия существуют даже в отношении действий германского руководства. Одни авторы считают, что Гитлер принял политическое решение о начале войны с СССР в

июне – июле 1940 г., когда отдал приказ о начале ее планирования, а другие утверждают, что в декабре 1940 г., когда подписал директиву № 21 «План «Барбаросса». Однако известно, что даже приказ Вермахту о нападении на СССР от 10 июня 1941 г. предполагал возможность его отмены, и лишь днем 21 июня войска получили окончательное подтверждение намеченной операции²³. Или, например, действия англофранцузского руководства, которое планировало вмешательство в советско-финляндскую войну и удары по Баку и Батуми, но, несмотря на значительную подготовку к осуществлению этих планов, Лондон и Париж так и не приняли «политического решения» начать их реализацию²⁴.

Как справедливо указывает П.Н. Бобылев, «следует различать решение о подготовке к войне и решение о ее начале. Первое могло быть принято задолго до второго»²⁵. Кстати сказать, опыт действий Красной Армии против Польши, Финляндии, стран Прибалтики и Румынии показывает, что первоначально войска получали приказ, содержащий их боевые задачи и указания о сроке сосредоточения на границе. Конкретная же дата перехода в наступление сообщалась отдельным приказом в последние часы перед его осуществлением. Тем самым у советского руководства буквально до последнего момента оставалась возможность учесть вероятное изменение политической ситуации и не доводить дело до войны. Таким образом, «политическим решением» о **начале войны** может считаться лишь приказ войскам осуществить вторжение. Естественно, что до 22 июня 1941 г. советское военно-политическое руководство не отдавало и не могло отдать Красной Армии такого приказа, а поэтому вся дискуссия по этому вопросу безосновательна.

Наиболее серьезным аргументом в пользу утверждения документа от 15 мая 1941 г., по мнению В.Н. Киселева, В.Д. Данилова и П.Н. Бобылева²⁶, является процесс стратегического сосредоточения и развертывания Красной Армии в соответствии с этим планом и его последующими уточнениями, развернувшийся в апреле – июне 1941 г. Эти события явно говорят в пользу того, что план был утвержден. Правда, момент его утверждения остается неизвестным. Не исключено, что это могло произойти 19 мая 1941 г., когда на приеме у Сталина одновременно были Молотов, Тимошенко, Жуков и его первый заместитель – генерал-лейтенант Н.Ф. Ватутин²⁷. Ю.А. Горьков, первым опубликовавший этот документ в российской научной периодике, тоже считает, что план был утвержден и «в начальном периоде войны действия советских войск на советско-германском фронте определялись стратегическим замыслом оперативного плана, разработанного в мае 1941 года»²⁸. В другой своей публикации он прямо пишет, что этот план был 15 мая 1941 г. одобрен «политическим руководством государства»²⁹.

Для обсуждения сложившейся обстановки и задач войск западных приграничных округов, вытекавших из этого плана, 24 мая 1941 г. в Кремле состоялось совещание Сталина и Молотова с Тимошенко, Жуковым, Ватутиным, начальником Главного управления ВВС генерал-лейтенантом П.Ф. Жигаревым, командующими войсками, членами военных советов и командующими ВВС Прибалтийского (ПриОВО), Западного (ЗапОВО), Киевского (КОВО) Особых, Ленинградского (ЛВО) и Одесского (ОдВО) округов. В июне уточнение этого документа продолжалось. 13 июня первый заместитель начальника Генштаба генерал-лейтенант Ватутин подготовил справку о развертывании Вооруженных Сил СССР на Западном ТВД, уточнявшую состав войск и их распределение по фронтам. В это же время прорабатывалась идея о создании еще одного фронта – Южного, который был образован согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 21 июня 1941 г.³⁰.

Такова обобщенная картина хода советского стратегического планирования 1939–1941 гг. Теперь следует обратиться непосредственно к анализу содержания доступных материалов.

Первые части документов были посвящены оценке вооруженных сил и возможных действий вероятных противников³¹. В качестве таковых фигурировали Германия, Италия, Финляндия, Венгрия, Румыния, Турция и Япония, то есть практически все соседи СССР. Разработчики документов предполагали, что против западных границ Советского Союза Германия, Финляндия, Венгрия и Румыния смогут развернуть от 236 до 270 дивизий, более 10 тыс. танков и от 12 до 15 тыс. самолетов. В документе от 15 мая 1941 г. эта часть содержит сведения только по Германии, которая могла развернуть для войны с СССР до 180 дивизий. Вероятно, подобное сокращение связано с тем, что этот документ содержит план боевых действий в основном только против Германии. Для подготовки этой части документов использовались оценочные данные Разведуправления Генштаба, которые были значительно завышенными, поскольку в действительности к 22 июня 1941 г. для войны с СССР были выделены намного меньшие силы (см. таблицу 1).

Таблица 1

Оценка численности вероятной группировки противника и реальные данные на 22 июня 1941 г.

		Июль 1940	Сентябрь 1940	Март 1941	22 июня 1941
Германия	Дивизии	173	173	200	153
	Танки	10 000	10 000	10 000	4 408
	Самолеты	12 000	13 000	10 000	3 909
Финляндия	Дивизии	15	15–18	18	17,5
	Танки	—	—	60	86
	Самолеты	400	400	500	307
Венгрия	Дивизии	15	17	20	2
	Танки	300	300	350	160
	Самолеты	600	600	500	100
Румыния	Дивизии	33	33	33	17,5
	Танки	250	250	400	60
	Самолеты	900	1100	600	423
Всего	Дивизии	236	238–241	271	190
	Танки	10 550	10 550	10 810	4714
	Самолеты	13 900	15 100	11 600	4739

Излагая «вероятные оперативные планы противников», разработчики документов постоянно подчеркивали, что «документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб Красной Армии не располагает»³². И далее речь идет лишь о наиболее вероятных предположениях на этот счет.

Намерения Германии оценивались в июльском плане 1940 г. следующим образом. Развернув основные силы к северу от устья реки Сан, она из Восточной Пруссии нанесет «главный удар на Ригу, на Ковно [Каунас], Вильно [Вильнюс] и далее на Минск». Одновременно в Белоруссии наносятся удары на Барановичи и Минск, а также на Дубно и Броды с целью овладения Западной Украиной. Согласно этому варианту, для нанесения главного удара будет сосредоточено до 130 дивизий, а остальные 50 будут действовать на юге. Однако не исключался и обратный вариант, когда главный удар будет наноситься на Украине, а севернее развернутся вспомогательные действия. В этом случае Вермахт будет развернут в обратной пропорции. Предполагались наступательные действия с территории Румынии на Жмеринку и из Финляндии на Карельском перешейке, а позднее на Кандалакшу и Петрозаводск.

Изложив оба варианта действий Германии, авторы документа делали следующий вывод: «Основным наиболее политически выгодным для Германии, а следовательно, и наиболее вероятным является 1-й вариант ее действий, то есть с развертыванием главных сил немецкой армии к северу от устья р. Сан»³³.

В ходе дальнейшей переработки этой части документа в текст вносились лишь частные изменения относительно направлений развития германских наступательных операций и развертываемых сил. Гораздо более важным являются изменения в оценке основного варианта

действий Вооруженных сил Германии. Если в плане от 18 сентября 1940 г. он оставался без изменений, то в плане от 11 марта 1941 г. считалось, что главный удар Вермахта будет нанесен по Украине, а на севере будут наноситься вспомогательные удары на Ригу, Двинск [Даугавпилс], Волковыск и Барановичи, правда, и северный вариант полностью не исключался. Документ от 15 мая 1941 г. исходит уже из вероятности только южного направления главного удара Вермахта³⁴.

Таким образом, оценка намерений противника, за исключением возможного направления главного удара, не претерпела существенных изменений. Вместе с тем нельзя не отметить, что в условиях отсутствия конкретных данных о действительных планах Германии подобные оценки исходили лишь из конфигурации советско-германской границы. По мнению А.В. Шубина, разработчики документов полностью исключали вариант нанесения главного удара Вермахта в Белоруссии, так как предполагали, что Германия готовится к затяжной войне с СССР, на первом этапе которой она будет стремиться захватить Прибалтику и Украину, а уже затем наступать на Москву. «То, что главный удар будет нанесен в центре, казалось стратегическим нонсенсом – ведь тогда придется вести всю кампанию в один сезон, да еще по расходящимся направлениям. Это казалось невероятным»³⁵. Однако прямого документального подтверждения этой довольно логичной версии на сегодня нет, как и ответа на вопрос, на каком основании авторы документов делали вывод о северном или южном направлении главного удара противника. При анализе этих разделов документов постоянно возникает ощущение, что их авторы занимаются простым гаданием. Более того, А.М. Василевский указывает на отсутствие у разработчиков «прямого ответа на основной вопрос – о вероятности нападения на нас фашистской Германии, не говоря уже об определении хотя бы примерных сроков этого нападения»³⁶, что прямо опровергает официальную версию о разработке планов отражения германской агрессии.

Планируя оперативное использование Красной Армии, авторы документов тщательно отработали вопросы ее стратегического развертывания. Документы военного планирования позволяют проследить динамику усиления Западного ТВД, на который предполагалось выделить основные силы советских войск. Согласно июльскому плану 1940 г. для действий на Западе выделялось 68,7 % наличных сил сухопутных войск; по сентябрьскому плану – 68,9 %; мартовский план 1941 г. предполагал выделение 83,5 %, майский – 85,1 %, а июньские документы – 79,2 % (см. таблицу 2)³⁷. Документы от июля, 18 сентября 1940 г., 15 мая и 13 июня 1941 г. позволяют проследить динамику изменения распределения войск по фронтам (см. таблицу 4).

Таблица 2

Планируемая группировка Красной Армии на Западном ТВД

Дивизии	Июль 1940 г.		Сентябрь 1940 г.		Март 1941 г.		Май 1941 г.		Июнь 1941 г.	
	Всего	Запад	Всего	Запад	Всего	Запад	Всего	Запад	Всего	Запад
Стрелковые	177	143	177	143	205	171	198	163	198	157
Танковые	18	18	18	16	61	54	61	58	61	51
Моторизованные	11	8	11	7	31	27	31	30	31	25
Кавалерийские	20	10	20	10	13	7	13	7	13	7
Всего	226	179	226	176	310	259	303	258	303	240
Танковые бригады	24	14	25	15	—	—	—	—	—	—
Авиаполки	237	172	228	159	333	253	218	165	218	159

Таблица 3

Варианты распределения советских войск по направлениям³⁸

	Июль 1940 г.	Сентябрь 1940 г.		Май 1941 г.	Июнь 1941 г.
		«Север- ный»	«Юж- ный»		
Северо-Западное направление					
Дивизии (%)	106 (63,5)	104 (63)	68 (48)	76 (34,2)	76 (38,2)
Танковые бригады (%)	7 (63,6)	7 (63,6)	6 (54,5)	—	—
Авиаполки (%)	94 (61,8)	96 (69,8)	59 (40,1)	34 (27,2)	34 (28,6)
Юго-Западное направление					
Дивизии (%)	61 (36,5)	61 (37)	96 (52)	146 (65,2)	123 (61,8)
Танковые бригады (%)	4 (36,4)	4 (36,4)	5 (45,5)	—	—
Авиаполки (%)	58 (38,2)	58 (39,2)	88 (59,9)	91 (72,8)	85 (71,4)

Таблица 4

Планируемая группировка фронтов на Западном ТВД

Фронты	Дивизии	Июль 1940 г.	Сентябрь 1940 г.		Май 1941 г.	Июнь 1941 г.
			«Северный»	«Южный»		
Северный фронт	Стрелковые	12	14	14	15	16
	Танковые	—	—	—	4	4
	Моторизованные	—	—	—	2	2
	Всего	12	14	14	21	22
	Танковые бригады	3	3	3	—	—
Северо-Западный фронт*	Стрелковые	31	30	17	17	17
	Танковые	4	4	4	4	4
	Моторизованные	2	2	2	2	2
	Всего	37	36	23	23	23
	Танковые бригады	3	3	2	—	—
Западный фронт*	Стрелковые	56	55	38	35	30
	Танковые	7	7	3	10	14
	Моторизованные	3	3	1	6	7
	Кавалерийские	3	3	3	2	2
	Всего	69	68	45	53	53
	Танковые бригады	4	5	4	—	—
	Всего	69	68	45	53	53
Юго-Западный фронт*	Стрелковые	44	44	76	88	81
	Танковые	7	7	9	34	25
	Моторизованные	3	3	4	19	12
	Кавалерийские	7	7	7	5	5
	Всего	61	61	96	146	123
	Танковые бригады	4	4	5	—	—

*С учетом резерва Главного командования в тылу фронтов, но без учета центральных армий резерва ГК по документам от 15.05 и 13.06.41 г.

Основная группировка советских войск должна была развернуться в полосе от Балтийского до Черного моря. Динамика изменения в распределении сил по двум стратегическим направлениям представлена в таблице 3, из которой видно, что основная группировка развевывалась на Юго-Западном направлении. В отечественной литературе стало общим местом утверждение, что это произошло в силу неправильного определения советским военно-политическим руководством направления будущего главного удара противника. Однако, как справедливо указал М.А. Гареев, «направление сосредоточения основных усилий советским командованием выбиралось не в интересах стратегической оборонительной операции (такая операция просто не предусматривалась и не планировалась – ив этом главная ошибка), а применительно совсем к другим способам действий». Однако в случае советского наступления «упомянутый вариант выбора направления сосредоточения основных усилий на Юго-Западном направлении был вполне обоснован и более выгоден, чем на Западном направлении», поскольку «проле-

гал на более выгодной местности, отрезал Германию от основных союзников, нефти, выводил наши войска во фланг и тыл главной группировки противника», тогда как «главный удар на Западном направлении приводил к лобовому столкновению с основными силами германской армии, требовал прорыва укрепленных районов на очень сложной местности»³⁹. «И совсем другие условия, а следовательно, и соображения могли возникать, если бы стратегическим замыслом предусматривалось проведение в начале войны оборонительных операций по отражению агрессии. В этом случае, безусловно, было выгоднее основные усилия иметь в полосе Западного фронта. Но такой способ стратегических действий тогда не предполагался»⁴⁰.

Какие же задачи возлагались на все эти войска? Согласно документу от июля 1940 г. «основной задачей наших войск является нанесение поражения германским силам, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии и в районе Варшавы; вспомогательным ударом нанести поражение группировкам противника в районе Ивангород [Демблин], Люблин, Грубешов, Томашув, Сандомир». Соответственно войскам Северо-Западного фронта (8-я, 11-я армии, 37 дивизий и 2 бригады) ставилась задача – «по сосредоточении атаковать противника с конечной целью совместно с Западным фронтом нанести поражение его группировке в Восточной Пруссии и овладеть последней».

Западный фронт (3, 10, 13, 4-я армии, 51 дивизия и 4 бригады) должен был «ударом севернее р. Буг, в общем направлении на Алленштейн, совместно с армиями Северо-Западного фронта нанести решительное поражение германской армии, сосредоточивающейся в Восточной Пруссии, овладеть последней и выйти на нижнее течение р. Висла. Одновременно ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин], совместно с армиями Юго-Западного фронта нанести поражение Ивангород-Люблинской группировке противника и также выйти на р. Висла».

Перед войсками Юго-Западного фронта (5, 6, 12, 18, 9-я армии, конно-механизированная группа, 57 дивизий и 4 бригады) ставилась задача «активной обороной в Карпатах и по границе с Румынией прикрыть Западную Украину и Бессарабию, одновременно, ударом с фронта Мосты Великие, Рава-Русска, Сенява в общем направлении на Люблин, совместно с левофланговой армией Западного фронта нанести поражение ивангород-люблинской группировке противника, выйти и закрепиться на среднем течении р. Висла»⁴¹.

Согласно плану от 18 сентября 1940 г. «главные силы Красной Армии на Западе, в зависимости от обстановки, могут быть развернуты или к югу от Брест-Литовска, с тем чтобы мощным ударом в направлении Люблин и Краков и далее на Бреслау (Братислав) (так в тексте. – М.М.) в первый же этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне; или к северу от Брест-Литовска с задачей нанести поражение главным силам германской армии в пределах Восточной Пруссии и овладеть последней».

Надо отметить, что, излагая два варианта использования Красной Армии, авторы документа подчеркивают, что именно «южный» вариант является основным. Интересно также обоснование этого вывода: «Удар наших сил в направлении Краков – Братислава, отрезая Германию от Балканских стран, приобретает исключительное политическое значение. Кроме того, удар в этом направлении будет проходить по слабо еще подготовленной в оборонном отношении территории бывшей Польши».

Общая задача Красной Армии на Западе была сформулирована следующим образом: «1) активной обороной прочно прикрыть наши границы в период сосредоточения войск; 2) во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта силами Юго-Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в общем направлении на Кельце, Краков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер; 3) в процессе операции прочно прикрывать границы

Северной Буковины и Бессарабии; 4) активными действиями Северо-Западного и Западного фронтов сковать большую часть сил немцев к северу от Брест-Литовска и в Восточной Пруссии, прочно прикрывая при этом минское и псковское направления».

Соответствующие задачи получили и фронты. Северо-Западному фронту (8, 11-я армии, 23 дивизии и 2 бригады) были поставлены задачи: «1. Обороняя побережье Балтийского моря, совместно с Балтфлотом не допустить высадки морских десантов противника. 2. Прочно прикрывать минское и псковское направления и ни в коем случае не допустить вторжения немцев на нашу территорию. 3. С целью сокращения фронта 11-й армии и занятия ею более выгодного исходного положения для наступления в период сосредоточения войск во взаимодействии с 3-й армией Западного фронта, овладеть районом Сейны, Сувалки и выйти на фронт Шиткемен, Филипово, Рачки. 4. По сосредоточении войск ударом в общем направлении на Инстербург, Алленштейн совместно с Западным фронтом сковать силы немцев в Восточной Пруссии».

Западный фронт (3, 10, 13, 4-я армии, 42 дивизии и 4 бригады) получил задачу: «Прочно прикрывая минское направление, по сосредоточении войск одновременным ударом с Северо-Западным фронтом в общем направлении на Алленштейн, сковать немецкие силы, сосредоточивающиеся в Восточной Пруссии. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левофланговой армии в общем направлении на Ивангород [Демблин] способствовать Юго-Западному фронту разбить люблинскую группировку противника и, развивая в дальнейшем операцию на Радом, обеспечивать действия Юго-Западного фронта с севера».

Юго-Западный фронт (5, 19, 6, 12, 18, 9-я и Конно-механизированная армии, 96 дивизий и 5 бригад) получил задачу: «Прочно прикрывая границы Бессарабии и Северной Буковины, по сосредоточении войск во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение люблинско-сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлении Кельце, Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце, Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер».

Основными задачами «северного» варианта развертывания советских войск должны были быть: «1. Прочное прикрытие направлений на Минск и Псков в период сосредоточения войск. 2. Нанесение решительного поражения главным силам германской армии, сосредоточивающимся в Восточной Пруссии, и захват последней. 3. Вспомогательным ударом от Львова не только прочно прикрыть Западную Украину, Северную Буковину и Бессарабию, но и нанести поражение группировке противника в районе Люблин, Грубешов, Томашув». Разработчики документа подчеркивали, что «разгром немцев в Восточной Пруссии и захват последней имеют исключительное экономическое и прежде всего политическое значение для Германии, которое неизбежно скажется на всем дальнейшем ходе борьбы с Германией». Однако «возникают опасения, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы и не даст надежного и быстрого эффекта, что в свою очередь сделает неизбежным и ускорит выступление Балканских стран в войну против нас». Основные задачи фронтов оставались такими же, как и в предыдущем варианте плана⁴².

В вышеприведенных документах войска Северного фронта, развертываемого против Финляндии, получали ограниченные задачи обеспечить оборону Ленинграда, прикрыть Мурманскую железную дорогу и удержать «полное господство в Финском заливе». Авторы документов предполагали, что «вступление в войну одной Финляндии маловероятно, наиболее действителен случай одновременного участия в войне Финляндии с Германией», и считали, что «наши действия на северо-западе должны свестись в основном к активной обороне наших границ». Правда, задачи Северного и Краснознаменного Балтийского (КБФ) флотов свидетельствуют, что «активная оборона» предполагалась на территории Финляндии⁴³.

Мы позволили себе столь пространное цитирование, поскольку этот материал демонстрирует отсутствие всякой связи действий Красной Армии с возможными действиями противника, о которых говорилось выше. Из документа четко вырисовывается действительный

сценарий начала войны, положенный в основу планирования: под прикрытием войск западных военных округов Красная Армия проводит сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, ведя одновременно частные наступательные операции, завершение сосредоточения служит сигналом к переходу в общее наступление по всему фронту от Балтики до Карпат с нанесением главного удара по Южной Польше. Немецкие войска, как и в первом варианте плана, обозначены термином «сосредоточивающиеся», а значит, инициатива начала войны будет исходить полностью от советской стороны, которая первой начинает и заканчивает развертывание войск на театре военных действий. Этот вывод подтверждается прямым указанием в документе, что в случае сосредоточения основных сил на Северо-Западном направлении «при условии работы железных дорог в полном соответствии с планом перевозок, днем перехода в общее наступление должен быть установлен 25-й день от начала мобилизации, то есть 20-й день от начала сосредоточения войск»⁴⁴. То есть переход в наступление связан не с ситуацией на фронте, а с завершением сосредоточения Красной Армии. По мнению А.В. Шубина, «вся операция [была] рассчитана на то, что нам противостоит не оборонительная группировка, а две наступательные, уже выгрузившиеся в районах сосредоточения, но еще не полностью готовые к действиям. Удар по сосредоточивающейся наступательной группировке – самый сокрушительный»⁴⁵.

Широко распространенное мнение о том, что СССР сначала ждал нападения врага, а уже потом планировал наступление, не учитывает того, что в этом случае стратегическая инициатива фактически добровольно отдавалась бы в руки противника, а советские войска ставились бы в заведомо невыгодные условия. Тем более что сам переход от обороны к наступлению, столь простой в абстракции, является очень сложным процессом, требующим тщательной и всесторонней подготовки, которая должна была начинаться с оборудования четырех оборонительных рубежей на 150-км глубину. Но ничего подобного до начала войны не делалось, и вряд ли стоит всерьез отстаивать тезис о том, что Красная Армия могла успешно обороняться на неподготовленной местности, да еще при внезапном нападении противника, которое советскими планами вообще не предусматривалось. Ведь «отражать агрессию мыслилось путем ведения на главных направлениях стратегических (фронтовых) наступательных операций»⁴⁶. Кроме того, неясно, зачем надо планировать наступательные операции, если войскам предстоит оборона от нападающего противника. Ведь никто не знает, как сложится ситуация на фронте в ходе оборонительной операции, где окажутся наши войска, в каком они будут состоянии и т. п. К тому же ожидание нападения противника не позволит своевременно провести мобилизацию, что, соответственно, сделает невозможным осуществление всех этих планов.

Не следует забывать, что при разработке проблем начального периода войны внимание советской военной науки на протяжении всего межвоенного периода «было сосредоточено на том, чтобы с началом войны ввести свои главные силы в сражение раньше своего противника и в более выгодных условиях, надежно захватить стратегическую инициативу. Решение этой задачи могли обеспечить: создание сильных армий мирного времени, которые могли бы составить ядро главных сил; заблаговременная всесторонняя подготовка инфраструктуры, особенно железных и автомобильных дорог, позволяющая своевременно осуществить развертывание главных сил; детальная разработка плана мобилизации, сосредоточения и оперативно-стратегического развертывания; создание соответствующих органов управления этими процессами; формирование и сосредоточение в районе границы специальных мотомеханизированных и авиационных соединений, призванных с началом военных действий сорвать мобилизацию и сосредоточение главных сил противника; инженерное оборудование ТВД; подготовка системы ПВО территории страны; организация прикрытия Государственной границы для беспрепятственного проведения мобилизации, сосредоточения и развертывания войск; заблаговременное, скрытое проведение частичной мобилизации и сосредоточения войск»⁴⁷. Как известно, эти меры последовательно проводились в предвоенный период, что лишний раз

опровергает версию об исключительно оборонительных намерениях советского военно-политического руководства.

Поскольку в документах были подробно расписаны именно наступательные операции советских войск, говорить об ответных действиях Красной Армии не представляется возможным. Содержание этих документов лишний раз показывает, что действия войск по прикрытие в период сосредоточения и развертывания не связаны обязательно с отражением нападения противника, а являются своего рода боевым охранением сосредоточивающихся войск. Кроме того, не следует забывать, что операции по прикрытие предпринимались Красной Армией осенью 1939 г. при сосредоточении войск для нападения на Польшу и Финляндию и летом 1940 г. для действий против Прибалтийских стран и Румынии.

В плане от 11 марта 1941 г. был окончательно закреплён отказ от «северного» варианта, поскольку «развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям»⁴⁸, и основное внимание уделялось дальнейшей отработке «южного» варианта. В этом документе отмечалось, что «наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краков поставить себе первую стратегическую цель: разбить главные силы немцев и в первый этап войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важнейших экономических баз и решительно воздействовать на балканские страны в вопросах участия их в войне против нас»⁴⁹. Как указывает С.Н. Михалев, в этом плане «стратегическая наступательная операция советских войск на Западном театре получила четкое оформление. Замысел ее предусматривал: 1) прочной (видимо, активной. – М.М.) обороной сковать силы противника на флангах на участках Мемель, Остроленка и вдоль границ с Венгрией и Румынией; 2) главными силами Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Западного фронта нанести удар с целью решительного поражения люблинско-радомско-сандомирской группировки противника, овладеть Краковом и Варшавой и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Опфельн»⁵⁰. «Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено – развитие операции через Познань на Берлин или действия на юго-запад на Прагу и Вену или удар на север на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии»⁵¹.

Благодаря исследованию С.Н. Михалева мы имеем возможность ознакомиться с задачами Западного и Юго-Западного фронтов по этому плану. Западному фронту «предстояло ударом левым крылом в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту в разгроме противника в районе Люблина, а для обеспечения действий на главном направлении нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, овладеть ею и «вынести оборону» на р. Нарев. Ближайшей задачей фронта являлось овладение районами Седлец, Луков и захват переправ через р. Висла. В дальнейшем имелись в виду действия в направлении Радом с целью окружения люблинской группировки противника во взаимодействии с Юго-Западным фронтом».

Юго-Западному фронту была поставлена задача «концентрическим ударом армий правого крыла во взаимодействии с Западным фронтом окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла с одновременным выносом действий подвижной группы (механизированных корпусов два) на западный берег р. Висла для овладения Кельце. Главными силами фронта по завершении разгрома люблинской группировки на десятый день операции быть готовым к форсированию р. Висла. Одновременно левым крылом главной группировки нанести удар на краковском направлении и, развивая успех силами подвижных групп (механизированных корпусов четыре), на восьмой день операции овладеть Краковом, на деся-

тый день операции главные силы этой группировки вывести в район Мехув – Краков – Тарнув»⁵².

Вышеприведенный материал однозначно свидетельствует о продолжении отработки наступательных операций советских войск. Высказанное в литературе мнение о том, что «план от 11 марта 1941 г. является самым точным итоговым выражением общепринятых взглядов и наиболее точно отражает персональную позицию Сталина», можно принять лишь частично. Действительно, в этом документе изложена квинтэссенция «общепринятых взглядов» советского руководства на начало войны, но он не был итоговым, поскольку процесс разработки советского оперативного плана продолжался. Версия о том, что «в основу документа была положена оборонительная стратегия»⁵³, не имеет никакого основания. Дело в том, что в нем было четко указано: **«Наступление начать 12.6»**⁵⁴. Точный срок начала наступления, как известно, определяется стороной, которая планирует располагать инициативой начала боевых действий. Правда, этот срок не был выдержан, но его появление в документе очень показательно, как и то, что это единственный документ советского военного планирования, который опубликован в новейшем документальном сборнике в извлечении⁵⁵.

Уточнение задач советских войск нашло свое дальнейшее развитие в документе от 15 мая 1941 г. В нем впервые открыто и четко сформулирована мысль, что Красная Армия должна «упредить противника в развертывании и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие войск». Эта мысль, как мы видели выше, в скрытой форме присутствовала во всех предыдущих вариантах плана. Естественно, что разработчики этого документа говорят о возможности нападения Германии на СССР лишь предположительно⁵⁶.

Войскам Красной Армии ставилась задача нанести удар по германской армии, для чего следовало «первой стратегической целью действий войск Красной Армии поставить – разгром главных сил немецкой армии, развертываемых южнее линии Брест – Демблин и выход к 30 дню операции на фронт Остроленка, р. Нарев, Лович, Лодзь, Крейцбург, Оппельн, Оломоуц. Последующей стратегической целью иметь наступлением из района Катовице в северном или северо-западном направлении разгромить крупные силы центра и северного крыла германского фронта и овладеть территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии. Ближайшая задача – разгромить германскую армию восточнее р. Висла и на Краковском направлении, выйти на р.р. Нарев, Висла и овладеть районом Катовице, для чего:

а) главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников;

б) вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин, с целью сковывания варшавской группировки, и овладеть Варшавой, а также содействовать Юго-Западному фронту в разгроме люблинской группировки противника;

в) вести активную оборону против Финляндии, Восточной Пруссии, Венгрии и Румынии и быть готовым к нанесению удара против Румынии при благоприятной обстановке.

Таким образом, Красная Армия начнет наступательные действия с фронта Чижов, Лютовиска силами 152 дивизий против 100 германских. На остальных участках госграницы предусматривается активная оборона».

Термин «активная оборона» не должен вводить в заблуждение, так как он означал совокупность оборонительных и наступательных операций. Поскольку в документе неоднократно подчеркивается, что именно Красная Армия будет инициатором военных действий, этот термин, скорее всего, скрывает частные наступательные операции для сковывания противника.

Фронты получили следующие задачи. Северный фронт (14, 7, 23-я армии, 21 дивизия) должен был обеспечить оборону «г. Ленинграда, порта Мурманск, Кировской жел-дороги и совместно с Балтийским военно-морским флотом обеспечить за нами полное господство в

водах Финского залива». Правда, остается неясно, как могли сухопутные войска обеспечить господство в заливе без оккупации южной части Финляндии.

Северо-Западный фронт (8, 11, 27-я армии, 23 дивизии) должен был «упорной обороной прочно прикрывать Рижское и Виленское направления, не допустив вторжения противника из Восточной Пруссии; обороной западного побережья и островов Эзель и Даго не допустить высадки морских десантов противника». Правда, как отмечают авторы новейшего военно-исторического труда, войскам Северо-Западного фронта и двум армиям правого крыла Западного фронта «предписывалось при благоприятных условиях перейти в наступление, овладеть районом Сувалки, нанести удар на Инстербург и Алленштейн, сковав тем самым силы противника» в Восточной Пруссии⁵⁷.

Западный фронт (3, 10, 13, 4-я армии, 45 дивизий) должен был «упорной обороной на фронте Друскеники, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Белостокское направления; с переходом армий Юго-Западного фронта в наступление, ударом левого крыла фронта в общем направлении на Варшаву и Седлец, Радом, разбить варшавскую группировку и овладеть Варшавой, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом разбить люблинско-радомскую группировку противника, выйти на р. Висла и подвижными частями овладеть Радом».

Юго-Западный фронт (5, 20, 6, 26, 21, 12, 18, 9-я армии, 122 дивизии) имел ближайшими задачами: «а) концентрическим ударом армий правого крыла фронта окружить и уничтожить основную группировку противника восточнее р. Висла в районе Люблина; б) одновременно ударом с фронта Сенява, Перемышль, Лютовиска разбить силы противника на краковском и сандомирско-келецком направлениях и овладеть районом Краков, Катовице, Кельце, имея в виду в дальнейшем наступать из этого района в северном или северо-западном направлении для разгрома крупных сил северного крыла фронта противника и овладения территорией бывшей Польши и Восточной Пруссии; в) прочно оборонять госграницу с Венгрией и Румынией и быть готовым к нанесению концентрических ударов против Румынии из районов Черновицы и Кишинев с ближайшей целью разгромить сев[ерное] крыло Румынской армии и выйти на рубеж р. Молдова, Яссы»⁵⁸.

Таким образом, как справедливо указывает С.Н. Михалев, майский «план представлял собой несколько трансформированную разработку, заложенную ранее» в мартовском плане⁵⁹, а достижение ближайших стратегических целей планировалось обеспечить наступательными действиями, прежде всего войск Юго-Западного направления, на котором разворачивалось более половины всех дивизий, предназначенных для действий на Западе. Для обеспечения сильного первоначального удара по противнику основные силы планировалось развернуть в армиях первого эшелона, куда включалась большая часть подвижных соединений.

Так как план стратегического развертывания и замысел первых стратегических операций были рассчитаны на полное отмобилизование Красной Армии, то они были тесно увязаны с мобилизационным планом. С апреля 1940 г. началась разработка нового мобилизационного плана, который был 12 февраля 1941 г. утвержден правительством.

Мобилизационное развертывание Красной Армии по плану МП-41 (официальное название «Мобплан № 23») должно было привести к созданию армии военного времени. Всего намечалось развернуть 8 фронтовых и 29 армейских управлений, 62 управления стрелковых, 29 механизированных, 4 кавалерийских, 5 воздушно-десантных и 8 авиакорпусов, 177 стрелковых, 19 горнострелковых, 2 мотострелковые, 61 танковую, 31 моторизованную, 13 кавалерийских и 79 авиационных дивизий, 3 стрелковые, 10 противотанковых артиллерийских бригад и 72 артполка РГК, а также соответствующее количество тыловых частей. После мобилизации численность Вооруженных Сил СССР должна была составить 8,9 млн человек, войска должны были иметь 106,7 тыс. орудий и минометов, до 37 тыс. танков, 22,2 тыс. боевых самолетов, 10,7 тыс. броневых автомобилей, около 91 тыс. тракторов и 595 тыс. автомашин.

Большая часть этих войск уже была сформирована или заканчивала формирование, поскольку по принятой летом 1939 г. системе мобилизационного развертывания количество частей и соединений доводилось до уровня военного времени, что упрощало процесс мобилизации, сокращало его сроки и должно было способствовать более высокой степени боеспособности отмобилизованных войск. Главная «особенность военного строительства в эти годы состояла в том, что проходило скрытое мобилизационное развертывание вооруженных сил»⁶⁰. Только во второй половине 1940 г. – первой половине 1941 г. было сформировано 18 управлений армий, 16 управлений стрелковых корпусов, 29 управлений мехкорпусов, 5 управлений воздушно-десантных корпусов, 86 стрелковых, 61 танковая и 31 моторизованная дивизии, 2 стрелковые, 10 воздушно-десантных и 10 противотанковых артиллерийских бригад.

Согласно плану МП-41 отмобилизование Красной Армии предусматривалось произвести поэшелонно в течение месяца. В зависимости от обстановки мобилизацию планировалось проводить скрытно или открыто. Метод скрытого отмобилизования был разработан в деталях. Войска армий прикрытия планировалось отмобилизовывать в два эшелона. Первый эшелон, в который входили 114 дивизий, укрепрайоны на новой границе, 85 % войск ПВО, воздушно-десантные войска, свыше 75 % ВВС и 34 артполка РГК, должен был завершить отмобилизование в течение 2–6 часов с момента объявления мобилизации. Сокращение срока мобилизации достигалось за счет призыва личного состава и автотранспорта из близлежащих районов. Остальные войска приграничных округов заканчивали отмобилизование на 2-4-е сутки мобилизации, используя приписной состав со всей территории округов и из глубины страны.

Прочие войска завершали отмобилизование на 8-15-е сутки, а запасные части и стационарные госпитали – на 16-30-е сутки. Отмобилизование ВВС завершалось на 3-4-е сутки, причем боевые части и обслуживающие их тылы приводились в боевую готовность уже через 2–4 часа после начала мобилизации. Войска ПВО отмобилизовывались в два эшелона. Первый имел постоянную готовность до 2 часов, а второй развертывался на 1-2-е сутки мобилизации. Развертывание вновь формируемых частей предусматривалось завершить на 3–5-е сутки. Таким образом, из 303 дивизий Красной Армии 172 имели сроки полной готовности на 2–4-е сутки, 60 дивизий – на 4–5-е сутки, а остальные – на 6-10-е сутки мобилизации. Все остальные боевые части, фронтовые тылы и военно-учебные заведения отмобилизовывались на 8-15-е сутки. Полное отмобилизование вооруженных сил предусматривалось на 15-30-е сутки, основная же часть войск развертывалась примерно на 10-15-е сутки⁶¹.

Важной проблемой вступления Красной Армии в войну был вопрос прикрытия мобилизации, сосредоточения и развертывания войск. Планы прикрытия западных приграничных округов были разработаны в мае – июне 1941 г. на основании директив наркома обороны, направленных 5 мая командованию ЗапОВО и КОВО, 6 мая – ОдВО, а 14 мая – ЛВО и ПрибОВО⁶². Запланированная группировка войск западных приграничных округов накрытие (см. таблицу 5) включала 15 армий, в состав которых выделялось 107 дивизий и 2 бригады, в резерве фронтов оставалась 51 дивизия, а в распоряжении Главного командования – 8 дивизий⁶³. По мнению В.А. Анфилова, Б.Н. Петрова и В.А. Семидетко, такая группировка была более приспособлена к наступлению, чем к обороне⁶⁴, что не могло не сказаться в случае нападения противника, поскольку, как справедливо указывает М.А. Гареев, «невыгодное положение советских войск усугублялось тем, что войска пограничных военных округов имели задачи не на оборонительные операции, а лишь накрытие развертывания войск»⁶⁵.

Таблица 5

Планируемая группировка войск округов накрытие

	ЛВО	ПрибОВО	ЗапОВО	КОВО	ОдВО	Всего
Армии прикрытия	сд — 14 тд — 3 мд — 1 сбр — 1	сд — 16 тд — 4 мд — 2 сбр — 1	сд — 14 тд — 8 мд — 4 кд — 2	сд — 17 тд — 8 мд — 4 кд — 1	сд — 7 кд — 2	сд — 68 тд — 23 мд — 11 кд — 5 сбр — 2
Резервы округов	сд — 3 тд — 1 мд — 1	сд — 1	сд — 5 тд — 4 мд — 2	сд — 15 тд — 8 мд — 4 кд — 1	сд — 2 тд — 2 мд — 1 кд — 1	сд — 26 тд — 15 мд — 8 кд — 2
Резерв Главного командования	—	—	сд — 5	—	тд — 2 мд — 1	сд — 5 тд — 2 мд — 1
Итого	сд — 17 тд — 4 мд — 2 сбр — 1	сд — 17 тд — 4 мд — 2 сбр — 1	сд — 24 тд — 12 мд — 6 кд — 2	сд — 32 тд — 16 мд — 8 кд — 2	сд — 9 тд — 4 мд — 2 кд — 3	сд — 99 тд — 40 мд — 20 кд — 7 сбр — 2

Частично опубликовавшие в 1996 г. разработанные в мае – июне 1941 г. планы прикрытия западных приграничных военных округов Ю.А. Горьков и Ю.Н. Семин отмечают, что эти документы «грешат формализмом, отсутствием точной оценки противника, определения соотношения сил и средств. Не были разработаны варианты и способы боевых действий»⁶⁶. Гораздо более детально были распланированы действия ВВС, которым, согласно директивам наркома обороны, были поставлены задачи «активными действиями... завоевать господство в воздухе и мощными ударами по основным железнодорожным узлам, мостам, перегонам и группировкам войск нарушить и задержать сосредоточение и развертывание войск противника». Господство в воздухе с первых дней войны следовало завоевать «внезапным ударом по авиации противника на его аэродромах и путем нанесения максимальных потерь в воздушных боях». Понятно, что наиболее эффективным для разгрома авиации противника был бы первый удар по местам ее базирования. Поэтому, после того как ВВС округов «сосредоточатся, а аэродромная сеть противника будет вскрыта, необходимо приступить к решительному уничтожению авиации противника» и других объектов в 200-км приграничной полосе⁶⁷.

Ввод этих планов в действие вовсе не совпадал с нападением противника. Так, в них подчеркивается, что «первый перелет и переход границы нашими частями может быть произведен только с разрешения Главного командования»⁶⁸. То есть инициатива этого действия будет исходить от Москвы. В плане прикрытия ПрибОВО отмечалось, что «цель разведки – с первого дня войны вскрыть намерения противника, его группировку и сроки готовности к переходу в наступление»⁶⁹. Это еще раз подтверждает, что ввод в действие планов прикрытия зависел не от действий противника, а от решения советского командования. По справедливому мнению М.А. Гареева, «накануне войны в какой-то момент было упущено из виду то важнейшее обстоятельство, что в случае начала военных действий и в политическом и в военном отношении нельзя исходить только из собственных пожеланий и побуждений, не учитывая, что противник будет стремиться делать все так и тогда, когда это удобно и выгодно ему»⁷⁰, а «идея непереносимого перенесения войны с самого ее начала на территорию противника... настолько увлекла некоторых руководящих военных работников, что возможность ведения военных действий на своей территории практически исключалась. Конечно, это отрицательно сказалось на подготовке не только обороны, но и в целом театров военных действий в глубине своей территории»⁷¹.

Этот вывод подтверждают и опубликованные документы по планам прикрытия, не предусматривавшие серьезного противодействия сосредоточению советских войск со стороны противника. Так, полное развертывание войск приграничных округов в полосах прикрытия занимало по планам до 15 дней, что, естественно, было бы крайне затруднено при наступлении противника. Причем при нападении противника войска первого эшелона не успевали бы занять свои полосы обороны на границе. Как справедливо отметил В.П. Крикунов, «характерная черта планов прикрытия состояла в том, что они исходили из такого варианта начала войны

и создавшейся обстановки, при котором удастся без помех со стороны вероятного противника выдвинуться к границе, занять назначенные полосы прикрытия, подготовиться к отражению нападения, провести отмотилизование... Особенностью всех армейских планов прикрытия было отсутствие в них оценки возможных действий противника, в первую очередь варианта внезапного перехода в наступление превосходящих вражеских сил... Сущность тактического маневра сводилась к тому, что надо быстро собраться и выйти к границе... Предполагалось, что в районах сосредоточения будет дано время для окончательной подготовки к бою»⁷².

Если бы войска прикрытия действительно готовились к отражению ударов противника, то это бы «означало, – по справедливому мнению М.А. Гареева, – что приграничные военные округа должны иметь тщательно разработанные планы отражения вторжения противника, то есть планы оборонительных операций, так как отражение наступления превосходящих сил противника невозможно осуществить мимоходом, просто как промежуточную задачу. Для этого требуется ведение целого ряда длительных ожесточенных оборонительных сражений и операций. Если бы такие планы были, то в соответствии с ними совсем по-другому, а именно с учетом оборонительных задач, располагались бы группировки сил и средств этих округов, по-иному строилось бы управление и осуществлялось эшелонирование материальных запасов и других мобилизационных ресурсов. Готовность к отражению агрессии требовала также, чтобы были не только разработаны планы операций, но и в полном объеме подготовлены эти операции, в том числе в материально-техническом отношении, чтобы они были освоены командирами и штабами. Совершенно очевидно, что в случае внезапного нападения противника не остается времени на доподготовку таких операций. Но этого не было сделано в приграничных военных округах»⁷³.

Поскольку ведение оборонительных операций не предусматривалось, войска первого эшелона армий прикрытия получили чрезмерно широкие полосы прикрытия на границе. Так, в ПриОВО на дивизию приходилось 33 км, в ЗапОВО – 47 км, в КОВО – 50 км, в ОдОВО – 90 км. Это не предусматривалось никакими нормами, согласно которым ширина фронта обороны дивизии должна была составлять 8-10 км. Полосы армий составляли в среднем 170–176 км вместо 80-100 км по предвоенным взглядам, столь же растянутыми были и полосы прикрытия стрелковых корпусов (84–92 км вместо уставных 20–25 км). Как отметил В.Б. Маковский, «планами предусматривалось относительно равномерное построение войск прикрытия...

Такое построение войск первого стратегического эшелона при внезапном нападении противника создает условия разгрома их по частям, как это и произошло в последующем»⁷⁴. Естественно, что в этих условиях «способность армий прикрытия обеспечить войска от возможного внезапного удара противника в оперативно-стратегическом масштабе являлась сомнительной, так как решению этой задачи должны были предшествовать мероприятия по оперативному развертыванию армий прикрытия и инженерному оборудованию оборонительных рубежей»⁷⁵. Конечно, создание тыловых оборонительных рубежей, предусмотренное этими планами, было бы невозможно в случае вражеского удара. Кроме того, если советские войска действительно готовились к проведению оборонительных операций, неясно, что мешало создать эти рубежи, например, весной 1941 г.

Не следует забывать, что планирование операций западных приграничных округов накрытие мобилизации, сосредоточения и развертывания войск происходило в соответствии с планом от 15 мая 1941 г. В нем была четко указана цель этих мероприятий, осуществлявшихся «для того, чтобы обезопасить себя от возможного внезапного удара противника, прикрыть сосредоточение и развертывание наших войск и **подготовку их к переходу в наступление**» (выделено мной. – М.М.). Поэтому следовало, во-первых, «организовать прочную оборону и покрытие госграницы, используя для этого все войска приграничных округов и почти всю авиацию, назначенную для развертывания на западе», а во-вторых, «разработать

детальный план противовоздушной обороны страны и привести в полную готовность средства ПВО». Согласно майским директивам наркома обороны «разработка планов обороны госграницы и ПВО полностью» заканчивалась к 1 июня 1941 г., но позднее этот срок был отодвинут, и планы прикрытия округов поступили на утверждение в Генштаб 6-19 июня 1941 г.⁷⁶ Поскольку оборонительные операции не планировались, в директивах и планах прикрытия дана установка: «При благоприятных условиях всем обороняющимся войскам и резервам армий и округа быть готовыми по указанию Главного командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесению боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей»⁷⁷.

Ставя войскам приграничных округов задачу по нанесению ударов по противнику, советское военное руководство должно было отдать приказ на подготовку этих операций. Подтверждением этому служит вышеупомянутая директива наркома обороны и начальника Генштаба командующему ЗапОВО от 10 апреля 1941 г., согласно которой в соответствии со стратегическим планом Северо-Западный фронт должен был «упорной обороной прикрыть Рижское и Ковно-Виленское направления». Юго-Западному фронту ставилась задача «ударом армий правого крыла фронта во взаимодействии с левофланговой армией Западного фронта окружить и уничтожить группировку противника восточнее р. Висла», рубежа которой предполагалось достичь на 10-й день наступления.

Войска Западного фронта должны были: «1. В период от мобилизации и сосредоточения войск – упорной обороной, опираясь на укрепленные районы, прочно прикрыть наши границы и не допустить вторжения противника на нашу территорию. 2. С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта разбить Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта – овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла; в дальнейшем иметь в виду действия на Радом с целью полного окружения люблинской группировки противника, во взаимодействии с Юго-Западным фронтом. 3. Для обеспечения главного удара фронта нанести вспомогательный удар в направлении Варшавы, с задачей захватить Варшаву и вынести оборону на р. Нарев. 4. Упорной обороной армий правого крыла фронта на участке р. Неман, Щучин, Остроленка прочно прикрыть Лидское и Волковыско-Барановичское направления».

Соответствующие задачи получили и армии Западного фронта. Так, 3-я армия должна была «обороной на фронте р. Неман, Щучин, Кольно прочно прикрыть Гродно и направления на Лида и на Белосток и Волковыск». 10-й армии следовало «прочной обороной фронта иск. Кольно, Новогруд до р. Буг, прикрыть Белостокское направление. С выдвижением левофланговых армий фронта к р. Висла, оборону левого крыла армии вынести на р. Нарев и закрепить восточный его берег за собой». 13-я армия получила задачу «одновременно с 4-й армией фронта нанести удар силами не менее семи стрелковых дивизий и двух мехкорпусов в направлении на Коссов, Воломин, с целью – выходом к р. Висла обеспечить с севера удар 4-й армии на Седлец, Люблин; в дальнейшем – действиями с севера стремиться овладеть Варшавой, действия мехкорпусов, с выходом на р. Висла, перенести на юг для содействия 4-й армии». В свою очередь 4-я армия должна была, «наносить удар в направлении Дрохичин, Седльце (Седлец), Гарволин, форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и подвижными частями овладеть – на 3-й день операции Седлец и на 5-й день операции переправами на р. Висла, главными силами на 8-й день выйти на р. Висла, в готовности форсировать ее. В дальнейшем иметь в виду действия на Радом».

Вместе с тем следовало, «учитывая возможность перехода противника в наступление до окончания нашего сосредоточения, прикрытия границы организовать на фронте всех армий по типу прочной, постепенно усиливающейся по мере прибытия войск, обороны с полным использованием укрепленных районов и полевых укреплений, с всемерным развитием их в период сосредоточения». Понятно, что план на прикрытия должен был вводиться в действие

не вследствие действий противника, а по приказу из Москвы. Естественно, в директиве указывалось, что «первый перелет и переход государственной границы допускается только с особого разрешения Главного командования», и требовалось разработать «план выполнения первой операции 13-й и 4-й армий и план обороны 3-й и 10-й армий»⁷⁸. Как свидетельствует А.М. Василевский, «за несколько недель до нападения на нас фашистской Германии... вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих округов»⁷⁹. Все это еще раз указывает на недопустимость смешивания планов прикрытия с оперативными планами приграничных военных округов, которые все еще секретны.

Ныне известны лишь отдельные документы военного планирования в западных приграничных округах. В конце 1940 г. начальник штаба КОВО подготовил план военных действий войск округа в соответствии с общим стратегическим замыслом. Естественно, ближайшей стратегической задачей войск Юго-Западного фронта был «разгром, во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта, вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30-й день операции на фронт р. Пилица, Петров, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников. Одновременно прочно обеспечить госграницу с Венгрией и Румынией. Ближайшая задача – во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта окружить и уничтожить противника восточнее р. Висла и на 10-й день операции выйти на р. Висла и развивать наступление в направлении на Кельце, Петров и на Краков». Соответственно, Западный фронт имел задачу «ударом левофланговой 4-й армии в направлении Дрогичин, Седлец, Демблин содействовать Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника и на 15-й день операции выйти на р. Висла. В дальнейшем наступать на Радом».

Операция Юго-Западного фронта была разбита на три этапа. Первым этапом была «оборона на укрепленном рубеже по линии госграницы» с задачей «не допустить вторжения противника на советскую территорию, а вторгнувшегося уничтожить и обеспечить сосредоточение и развертывание армий фронта для наступления», то есть операция прикрытия. Вторым этапом было наступление для выполнения ближайшей задачи фронта на глубину 120–130 км. Причем предусматривалось «начало наступления с утра 30-го дня мобилизации», а не «через 30 суток после нападения противника», как утверждает Ю.А. Горьков, в одной из своих работ цитировавший вышеприведенную фразу⁸⁰. Третьим этапом операции было «завершение выполнения ближайшей стратегической задачи фронта» на глубину до 250 км, на что отводилось 20 дней. В этом случае главный удар наносился силами 6-й, 12-й, 26-й и Конно-механизированной армий в направлении Катовице-Краковского района. Остальные армии фронта обеспечивали это наступление с фронта Варшава – Лодзь и вдоль границ Чехии, Словакии, Венгрии и Румынии, где должен был быть создан новый фронт. «При разгроме главных сил противника восточнее р. Висла фронт переходит к преследованию в общем направлении главных сил в район Катовице – Краков. В первом эшелоне фронта подвижные соединения. Стрелковые соединения, усиленные танками и артиллерией, в свою очередь наступают во вторых эшелонах в готовности отразить контрудары и сломить попытки к сопротивлению».

В плане были подробно расписаны задачи армий фронта. Так, 5-я армия должна была «форсировать р. Буг, разбить противостоящего противника и к исходу 3-го дня выйти на фронт – Михельсдорф, стов. Завадувка, стов. Войсловице, подвижными частями захватить Люблин. В дальнейшем, наступая в общем направлении через Люблин, на 10-й день выйти на р. Висла». 19-й армии следовало «с началом наступления главных сил фронта нанести удар в направлении Томашув, Замостье. Используя успех 5-й и 6-й армий, на 12-й день операции выйти на р. Висла на участке Солец, Завихост». Войскам 6-й армии предписывалось «ударом на Тарногруд прорвать фронт противника, пропустить в прорыв Конно-механизированную армию. К

исходу 3-го дня операции овладеть северными выходами из таневских лесов в районе Билгорай и районом Ежеве. Подвижными частями захватить переправу у Сандомир, на 10-й день операции выйти на р. Висла». 26-й армии следовало «форсировать р. Сан и, нанося удары обоими флангами в общем направлении на Жешув, к исходу 3-го дня операции овладеть Жешув и рубежом р. Вислок, а подвижными частями захватить переправы через Вислу и Дунаец. В дальнейшем, наступая через Радомысль, на 10-й день операции выйти на фронт Щуцин, Опатовец, Тарнув». 12-я армия должна была «обеспечить ударную группу фронта с юга со стороны Венгрии и Словакии, для чего, нанося главный удар в направлении Кросно, Ясло, разбить противостоящего противника и на 3-й день выйти в район Кросно, а на 10-й день операции выйти на фронт Тарнув, Грыбув». 18-я и 9-я армии получили задачу прикрывать границу с Венгрией и Румынией и быть в готовности среагировать на вступление Румынии в войну. В частности, 9-я армия должна была «немедленным ударом через Тульча на Меджидив и Констанца занять Северную Добруджу и выйти на границу с Болгарией, отрезав Румынию от моря»⁸¹. Как видим, доступные документы как-то не слишком соответствуют версии об оборонительных приготовлениях СССР.

Приведенные выше документы военного планирования дают довольно полное представление о ходе выработки взглядов советского руководства на способ вступления Советского Союза в войну с Германией; о том, что советская сторона не собиралась предоставлять противнику инициативу начала боевых действий. Кроме того, не следует забывать, что все эти планы не остались на бумаге, поскольку постепенно набирал темп процесс подготовки их осуществления. Особенно наглядно это можно проследить на примере документа от 15 мая 1941 г., которым Красная Армия должна была руководствоваться в начале войны. После изложения общих задач фронтов в нем сказано следующее: «Для того, чтобы обеспечить выполнение изложенного выше замысла, необходимо заблаговременно провести следующие мероприятия, без которых **невозможно нанесение внезапного удара по противнику** (подчеркнуто мной. — М.М.) как с воздуха, так и на земле:

- 1) произвести скрытое отмотилизование войск под видом учебных сборов запаса;
- 2) под видом выхода в лагеря произвести скрытое сосредоточение войск ближе к западной границе, в первую очередь сосредоточить все армии резерва Главного командования;
- 3) скрытно сосредоточить авиацию на полевые аэродромы из отдаленных округов и теперь же начать разворачивать авиационный тыл;
- 4) постепенно под видом учебных сборов и тыловых учений разворачивать тыл и госпитальную базу». Военное руководство просило «разрешить последовательное проведение скрытого отмотилизования и скрытого сосредоточения в первую очередь всех армий резерва Главного командования и авиации»⁸².

Все предложенные меры стали незамедлительно осуществляться.

По пункту 1. Еще 8 марта 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР № 484-203сс, согласно которому предусматривалось в 1941 г. призвать на учебные сборы 975 870 военнообязанных запаса под видом «больших учебных сборов». Осуществление этих мер в конце мая – начале июня 1941 г. позволило призвать 805,2 тыс. человек (24 % приписного личного состава по плану мобилизации). Это дало возможность усилить 99 стрелковых дивизий как в западных приграничных округах, так и выдвигаемых из внутренних округов: 21 дивизия была доведена до 14 тыс. человек; 72 дивизии – до 12 тыс. человек и 6 дивизий – до 11 тыс. человек при штате военного времени в 14 483 человека. Одновременно пополнились личным составом части и соединения других родов войск, и войска получили 26 620 лошадей⁸³.

По пункту 2. В период с 13 по 22 мая 1941 г. начинается выдвижение к западной границе соединений четырех армий (16, 19, 21 и 22-й) и готовится выдвижение еще трех армий (20, 24

и 28-й), которые должны были закончить сосредоточение к 10 июля. Всего на Западный ТВД планировалось выдвинуть 71 дивизию (55 стрелковых, 11 танковых и 5 моторизованных), из которых 20 стрелковых дивизий 20-й и 21-й армий должны были войти в состав Юго-Западного фронта. 16-я и 19-я армии РГК в составе 23 дивизий (16 стрелковых, 5 танковых и 2 моторизованных) сосредотачивались на Юго-Западном, а 22-я армия РГК в составе 9 дивизий (6 стрелковых, 2 танковых и 1 моторизованной) – на Западном направлениях. 28-я и 24-я центральные армии РГК в составе 19 дивизий (13 стрелковых, 4 танковых и 2 моторизованных) развертывались соответственно в районах Ржев и Сухиничи – Брянск. «Эта передислокация из внутренних округов, по сути дела, явилась началом стратегического сосредоточения советских войск на театрах военных действий. Выдвижение производилось с соблюдением строжайших мер маскировки, с большой осторожностью, постепенно, без увеличения обычного графика работы железных дорог»⁸⁴. 12–18 июня 1941 г. Генеральный штаб приказал штабам западных округов начать под видом учений и изменения дислокации летних лагерей скрытое выдвижение войск второго эшелона армий прикрытия и резервов западных приграничных военных округов (всего 114 дивизий), которые должны были занять к 1 июля районы сосредоточения в 20–80 км от границы. Это, кстати, опровергает распространенные утверждения о том, что «все приготовления к войне на местах пресекались сверху»⁸⁵.

По пункту 3. Сведения о сосредоточении авиации очень скупы. Тем не менее известно, что на 1 мая 1941 г. в западных военных округах имелось 57 истребительных, 48 бомбардировочных, 7 разведывательных и 5 штурмовых авиационных полков, в которых насчитывалось 6980 самолетов. К 1 июня прибыло еще 2 штурмовых авиаполка и число самолетов возросло до 7009, а к 22 июня в западных округах имелось 64 истребительных, 50 бомбардировочных, 7 разведывательных и 9 штурмовых авиаполков, в которых насчитывалось 7628 самолетов. Кроме того, к 22 июня 1941 г. на Западном ТВД имелось четыре дальнебомбардировочных корпуса и одна дальнебомбардировочная дивизия, в которых насчитывалось 1346 самолетов. Согласно постановлению СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 862-369сс от 10 апреля 1941 г. начался переход на новую систему авиационного тыла, автономную от строевых частей ВВС. Эта система обеспечивала свободу маневра боевых частей, освобождала их от перебазирования своего тыла вслед за собой, сохраняла постоянную готовность к приему самолетов и обеспечению их боевой деятельности. Переход на эту систему должен был завершиться к 1 июля 1941 г.⁸⁶.

По пункту 4. О развертывании тыловых и госпитальных частей до 22 июня никаких данных не публиковалось. Накануне войны тыловые части содержались по сокращенным штатам и должны были развертываться: армейские – на 5-7-е сутки, фронтовые – на 15-е сутки мобилизации. Известно, что 41 % стационарных складов и баз Красной Армии находился в западных округах, многие из них располагались в 200-километровой приграничной полосе⁸⁷. На этих складах были накоплены значительные запасы. Как указывает А.Г. Хорьков, «окружные склады, имея проектную емкость 91 205 вагонов, были загружены на 93 415 вагонов. Кроме того, в округах на открытом воздухе хранилось

14 400 вагонов боеприпасов и 4370 вагонов материальной части и вооружения»⁸⁸. В июне 1941 г. Генштаб предложил перебросить в западные округа еще свыше 100 тыс. т горючего⁸⁹. Согласно директиве Генштаба № 560944 от 1 июня 1941 г. все приграничные округа должны были к 10 июля представить заявку «на потребное количество продовольствия и фуража... в 1-м месяце военного времени»⁹⁰. Все это, по мнению Г.П. Пастуховского, было подготовкой «к обеспечению глубоких наступательных операций»⁹¹. Как отмечается в исследовании состояния тыла Красной Армии, «при глубине фронтовой наступательной операции 250 км, темпе наступления 15 км в сутки и своевременном восстановлении железных дорог имелись все воз-

возможности обеспечить проведение первой операции запасами, созданными еще в мирное время в армейском тылу»⁹².

Конечно, основным процессом, позволяющим говорить о завершении подготовки к осуществлению плана от 15 мая 1941 г., является стратегическое сосредоточение и развертывание Красной Армии. Как известно, «последние полгода до начала войны были связаны уже непосредственно со скрытым стратегическим развертыванием войск, которое должно было составить завершающий этап подготовки к войне»⁹³. Но именно с апреля 1941 г. начинается полномасштабный процесс сосредоточения на будущем ТВД выделенных для войны с Германией 240 дивизий, составлявших 79,2 % наличных сил Красной Армии, которые после мобилизации насчитывали бы свыше 6 млн человек, около 70 тыс. орудий и минометов, свыше 15 тыс. танков и до 12 тыс. самолетов. Стратегическое развертывание было обусловлено «стремлением упредить своих противников в развертывании вооруженных сил для нанесения первых ударов более крупными силами и захвата стратегической инициативы с самого начала военных действий»⁹⁴. Понятно, что эти меры проводились в обстановке строжайшей секретности и всеохватывающей дезинформационной кампании в отношении германского руководства, которому, в частности, внушалось, что основные усилия советских войск в случае войны будут направлены на Восточную Пруссию⁹⁵.

Поскольку стратегическое сосредоточение и развертывание войск является заключительной стадией подготовки к войне, особый интерес представляет вопрос об определении возможного срока советского нападения на Германию. В отечественной историографии эта тема начала обсуждаться с публикацией скандально известной работы В. Суворова «Ледокол», который называет «точную» дату запланированного советского нападения на Германию – 6 июля 1941 г., фактически ничем не обоснованную. Мотивировка автора сводится главным образом к тому, что 6 июля 1941 г. было воскресенье, а Сталин и Жуков якобы любили нападать в воскресенье⁹⁶. Но вряд ли можно это принять всерьез. Не подкрепляет предположения автора и приводимая цитата из книги «Начальный период войны», смысл которой им искажен. В этой книге сказано, что «немецко-фашистскому командованию (а не «германским войскам», как у Суворова. – М.М.) буквально в последние две недели перед войной (то есть с 8 по 22 июня, а не «на две недели», как в «Ледоколе». – М.М.) удалось упредить наши войска в завершении развертывания и тем самым создать благоприятные условия для захвата стратегической инициативы в начале войны»⁹⁷. Причем эта цитата Суворовым приводится дважды: один раз правильно, а второй – искаженно⁹⁸.

Как отмечалось выше, первоначально нападение на Германию было запланировано на 12 июня 1941 г. Видимо, не случайно приказ наркома обороны № 138 от 15 марта 1941 г., вводивший в действие «Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время», требовал «к 1 мая 1941 г. снабдить войска медальонами и вкладными листками по штатам военного времени»⁹⁹. Однако, как известно, 12 июня никаких враждебных действий против Германии со стороны СССР предпринято не было. Однозначно ответить на вопрос о причинах переноса этого срока в силу состояния источниковой базы не представляется возможным. Можно лишь высказать некоторые предположения на этот счет. «Не помню всех мотивов отмены такого решения, – вспоминал Молотов 40 лет спустя. – Но мне кажется, что тут главную роль сыграл полет в Англию заместителя Гитлера по партии Рудольфа Гесса. Разведка НКВД донесла нам, что Гесс от имени Гитлера предложил Великобритании заключить мир и принять участие в военном походе против СССР... Если бы мы в это время (выделено мной. – М.М.) сами развязали войну против Германии, двинув свои войска в Европу, тогда бы Англия без промедления вступила бы в союз с Германией... И

не только Англия. Мы могли оказаться один на один перед лицом всего капиталистического мира...»¹⁰⁰

Опасаясь возможного прекращения англо-германской войны, в Кремле сочли необходимым повременить с нападением на Германию. Лишь получив сведения о провале миссии Гесса и убедившись в продолжении англо-германских военных действий в Восточном Средиземноморье, в Москве, видимо, решили больше не откладывать осуществление намеченных планов. Как уже отмечалось, 24 мая 1941 г. в кабинете Сталина в Кремле состоялось совершенно секретное совещание военно-политического руководства, на котором, вероятно, и был решен вопрос о новом сроке завершения военных приготовлений. К сожалению, в столь серьезном вопросе мы вынуждены ограничиться этой рабочей гипотезой, которую еще предстоит подтвердить или опровергнуть на основе привлечения новых, пока еще недоступных документов.

Была ли вообще запланирована точная дата? Только комплексное исследование документов, отражающих как процесс военного планирования, так и проведение мер по подготовке наступления, позволит дать окончательный ответ на этот вопрос. Вместе с тем известные историкам сроки проведения этих мероприятий не исключают того, что все же такая дата определена была. По мнению В.Н. Киселева, В.Д. Данилова и П.Н. Бобылева, наступление Красной Армии было возможно в июле 1941 г.¹⁰¹ В доступных документах, отражающих процесс подготовки Красной Армии к войне, указывается, что большая часть мер по повышению боеготовности войск западных приграничных округов должна была быть завершена к 1 июля 1941 г. К этому дню планировалось закончить формирование всех разворачиваемых в этих округах частей; вооружить танковые полки мехкорпусов, в которых не хватало танков, противотанковой артиллерией; завершить переход на новую организацию авиационного тыла, автономную от боевых частей; сосредоточить войска округов в приграничных районах; замаскировать аэродромы и боевую технику.

Одновременно завершалось сосредоточение и разворачивание второго стратегического эшелона Красной Армии. Так, войска 21-й армии заканчивали сосредоточение к 2 июля, 22-й армии – к 3 июля, 20-й армии – к 5 июля, 19-й армии – к 7 июля, 16, 24 и 28-й армий – к 10 июля. Исходя из того факта, что «противник упредил советские войска в разворачивании примерно на 25 суток», полное сосредоточение и разворачивание Красной Армии на Западном театре военных действий должно было завершиться к

15 июля 1941 г. К 5 июля следовало завершить организацию ложных аэродромов в 500-километровой приграничной полосе. К 15 июля планировалось завершить сооружение объектов ПВО в Киеве и маскировку складов, мастерских и других военных объектов в приграничной полосе, а также поставить все имеющееся вооружение в построенные сооружения укрепрайонов на новой границе¹⁰². Таким образом, как следует из известных материалов, Красная Армия должна была завершить подготовку к наступлению не ранее **15 июля 1941 г.** Вместе с тем выяснение вопроса о запланированной дате советского нападения на Германию требует дальнейших исследований с привлечением нового документального материала.

Имеющиеся материалы позволяют высказать предположение о последовательности завершающих приготовлений советских войск к войне. Рано утром 18 июня 1941 г. начальник Генштаба РККА направил командованию западных приграничных округов приказ о приведении войск в боевую готовность к 1 июля¹⁰³. Скорее всего, 1 июля войска западных округов получили бы приказ ввести в действие планы прикрытия, в стране начался бы новый этап скрытой мобилизации, а завершение к 15 июля разворачивания намеченной группировки Красной Армии на Западном ТВД позволило бы СССР в любой момент после этой даты начать боевые действия против Германии. Невозможность полного сохранения в тайне советских военных приготовлений не позволяла надолго откладывать удар по Германии, иначе о них узнала бы германская сторона. Поэтому завершение сосредоточения и разворачивания Красной Армии

на западной границе СССР должно было послужить сигналом к немедленному нападению на Германию. Только в этом случае удалось бы сохранить эти приготовления в тайне и захватить противника врасплох.

Вместе с тем, анализируя подготовку Советского Союза к войне с Германией, следует помнить, что мы исследуем незавершенный процесс. Поэтому выводы относительно действительных намерений советского руководства носят в значительной степени предположительный характер. Ведь, насколько известно, несмотря на подготовку к войне с Германией, Кремль вплоть до 22 июня 1941 г. так и не принял решения об использовании военной силы для отстаивания своих интересов. Конечно, дальнейшее рассекречивание и введение в научный оборот материалов последних месяцев перед германским нападением, вероятно, позволит более точно реконструировать намечавшиеся действия советского руководства. Однако вполне вероятно, что по некоторым аспектам этой проблемы получить однозначный ответ не удастся никогда.

Однако картина будет неполной, если мы не попытаемся хотя бы гипотетически представить, как могли бы развиваться события, если бы советское руководство осуществило свой первоначальный замысел и 12 июня 1941 г. нанесло бы удар по Германии. В это время германские войска завершали подготовку к операции «Барбаросса» и сосредоточение у советских границ, где в полосе от Балтийского до Черного морей уже было развернуто 81,6 % дивизий из тех, которые предусматривалось развернуть к вечеру 21 июня¹⁰⁴. 10 июня дивизии первого эшелона начали скрытно выводиться в 30-км приграничную полосу. Остальные войска либо находились в движении на Восток, либо ждали своей очереди переброски в лагерях. Люфтваффе также завершало передислокацию после Балканской кампании. Вермахт не имел ни оборонительной, ни наступательной группировки, и советское нападение в этот момент ставило бы его в очень сложное положение, что позволяло громить его силы по частям.

В соответствии с советским оперативным планом основные события должны были вернуться на фронте от Остроленки до Карпат, где войска Юго-Западного и левого крыла Западного фронтов наносили главный удар по войскам противника. Соотношение сил сторон на фронте Остроленка – Карпаты указано в таблице 6, данные которой свидетельствуют, что советские войска располагали силами, способными обеспечить выполнение поставленных перед ними задач. Войска Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов должны были частными наступательными операциями сковать германские войска, развернутые в Восточной Пруссии, и занять Сувалкский выступ и Мемельскую область. Войска Северного фронта готовились к наступлению в Финляндии, а Южного фронта – в Румынии. Однако первоочередными мерами были действия Красной Армии на советско-германской границе от Балтики до Карпат.

Таблица 6

	Красная Армия	Вермахт	Соотношение
Дивизии	128	55	2,3 : 1
Личный состав (млн)	3,4	1,4	2,1 : 1
Орудия и минометы (тыс.)	38,5	16,3	2,4 : 1
Танки (тыс.)	7,5	0,9	8,7 : 1
Самолеты (тыс.)	6,2	1,4	4,4 : 1

Военные действия начались бы внезапным ударом большей части советских ВВС по аэродромам противника на территории Восточной Пруссии, Польши и Румынии. Общее советское превосходство в авиации позволяло подвергнуть аэродромы Люфтваффе в 250-км приграничной полосе многочасовому непрерывному авиационно-штурмовому воздействию, что привело бы к значительному ослаблению ВВС противника и облегчило бы действия сухопутных войск Красной Армии. Радиус действия советских

ВВС позволял обеспечить надежное истребительное прикрытие бомбардировочных операций в 350-км зоне. При необходимости зону гарантированного воздушного воздействия

можно было увеличить до 500 км, используя новейшие самолеты МиГ-3. Потери советской авиации можно было довольно быстро восполнить за счет переброски летных соединений из внутренних военных округов, что позволяло использовать еще свыше 2,3 тыс. самолетов. Восполнить потери Люфтваффе было значительно сложнее, поскольку они были задействованы на разных фронтах. На территории Германии в составе сил ПВО имелось всего 282 самолета. Германские ВВС в Западной Европе (861 самолет) были связаны отражением английских налетов, а на Средиземном море (423 самолета) обеспечивали действия германо-итальянских войск в Ливии¹⁰⁵. Подобная дислокация германской авиации давала советским ВВС определенную перспективу завоевания господства в воздухе.

Нанесение удара по Вермахту с рассветом 12 июня 1941 г. когда германские войска завершали сосредоточение и развертывание, позволило бы захватить противника, не имевшего планов оборонительных действий, врасплох в группировке, совершенно не приспособленной к обороне. Удар Юго-Западного и левого крыла Западного фронтов пришелся бы по 55 дивизиям противника, сразу же сковав 55,6 % развернутых на Востоке войск, что значительно затруднило бы его контрдействия. Используя конфигурацию границы, Красная Армия повела бы операции на охват и окружение войск противника, исход которых решался бы способностью сторон наращивать свои силы. В полосе от Перемышля до Карпат, против развернутых там 2 пехотных, 2 легкопехотных и 2 охранных дивизий Вермахта, советское командование развернуло бы не менее 28 дивизий (из них 6 танковых и 3 моторизованные), что открывало советским войскам дорогу на Сандомир и через Тарнув – на Краков. Этот прорыв отвлекал бы дополнительные силы Вермахта, которому, вероятно, пришлось бы создавать новый фронт западнее Вислы, где и развернулись бы основные сражения.

Советское командование могло использовать для наращивания удара на Юго-Западном направлении 24 дивизии, развернутые в тылу Юго-Западного фронта, а также еще 15 дивизий резерва Главного командования, которые можно было использовать в Южной Польше или на Балканах.

Германское командование могло первоначально использовать для отражения внезапного удара 22 дивизии (из них 6 охранных, не пригодных для действия на фронте), не успевшие развернуться на советской границе, и 26 дивизий резерва ОКХ, из которых почти сразу же можно было начать переброску к фронту 14 дивизий, которые по первоначальному плану германского командования должны были быть отправлены на фронт до 4 июля 1941 г. Остальные 12 дивизий (из них 2 танковые) пришлось бы спешно готовить к передислокации, при этом следует учитывать, что 2-я танковая дивизия только в начале июня прибыла на отдых в центральные районы Германии после боев на Балканах и не успела восполнить понесенные потери, а 5-я танковая дивизия находилась в процессе передислокации из Греции в Германию. К тому же переброска этих войск к фронту тормозилась бы воздействием советских ВВС по железным дорогам. Кроме того, германское командование могло попытаться перебросить 5–6 пехотных дивизий из Восточной Пруссии, что было бы затруднено в результате действий войск Северо-Западного и правого крыла Западного фронтов и значительного воздействия советских ВВС.

Развитие наступления Красной Армии в Юго-Восточной Польше давало возможность войскам Южного фронта перейти в наступление в Румынии, не опасаясь удара с тыла. В Румынии имелось всего 6 дивизий Вермахта, а румынская армия не являлась серьезным противником, что обрекало удар Южного фронта на успех. Разгром северного крыла фронта противника открывал Красной Армии дорогу в центральные районы Румынии и ставил под угрозу господство Германии на Балканах. Парировать эту угрозу германскому командованию было просто нечем: 10–12 германских дивизий, разбросанных по территории Югославии и Греции, не могли надолго задержать продвижение советских войск. Прорыв Красной Армии в Румынию, скорее всего, подстегнул бы национально-освободительное движение на Балканах, и прежде всего в Югославии, что еще больше осложнило бы положение расположенных там германских

войск. Необходимость заткнуть брешь на Балканах вынуждала бы германское командование перебросить туда часть войск из тех 24 дивизий, которые находились в резерве, что еще больше ослабило бы фронт в Польше.

Из 38 германских дивизий, несущих оккупационную службу в Западной Европе, можно было использовать на фронте лишь 14, которые еще предстояло подготовить к переброске на Восток. Использование остальных 24 дивизий было затруднено потому, что это были в основном стационарные соединения, не располагавшие необходимым автотранспортом, содержащиеся по сокращенным штатам и имевшие ограниченный комплект тяжелого вооружения¹⁰⁶. Конечно, можно было свести по две дивизии в одну более полнокровную, но это требовало немалого времени, что также играло на руку Красной Армии. Кроме того, следовало учитывать необходимость сохранения достаточного количества войск для поддержания оккупационного режима и отражения возможных английских десантов.

Германия просто не располагала силами, способными отразить внезапный удар Красной Армии. Это признавал после войны начальник штаба Верховного главнокомандования Вермахта генерал-фельдмаршал В. Кейтель, который считал, что советское нападение на Германию в 1941 г. могло «поставить нас в стратегическом и экономическом отношениях в исключительно критическое положение. [...] В первые же недели нападение со стороны России поставило бы Германию в крайне невыгодные условия»¹⁰⁷.

Конечно, не следует рассматривать боевые действия советских войск в случае нанесения внезапного удара по Германии как «прогулку до Берлина». Безусловно, это была бы тяжелая, кровопролитная борьба с серьезным противником. Однако сила и инерция внезапного удара позволили бы Красной Армии если и не разгромить, то значительно ослабить германские соединения на фронте Остроленка – Карпаты. При наиболее благоприятном ходе событий войска Западного и Юго-Западного фронтов смогли бы выполнить основную задачу и вышли бы на фронт Остроленка – Варшава – Лодзь – Оппелль – Оломоуц. Наименее благоприятным результатом наступления советских войск могла бы стать стабилизация фронта по рекам Нарев и Висла, то есть примерно там, где советско-германский фронт стабилизировался в конце 1944 г. На Балканах же стабилизировать фронт германскому командованию вообще было нечем, и глубина продвижения Красной Армии лимитировалась бы лишь инерцией удара.

Совершенно очевидно, что это наступление Красной Армии не вело бы к немедленному решению исхода войны, но советское нападение привело бы к срыву германского вторжения в СССР и облегчило бы победу в войне, сохранив нашей стране миллионы жизней и значительные материальные ценности. Красная Армия могла бы быть в Берлине не позднее 1942 г., что позволило бы поставить под контроль Москвы гораздо большую территорию в Европе, нежели это произошло в 1945 г. Разгром Германии и советизация Европы позволяли Москве использовать ее научно-технический потенциал, открывали дорогу к «справедливому социальному переустройству» европейских колоний в Азии и Африке. Созданный в рамках Старого Света социалистический лагерь контролировал бы большую часть ресурсов Земли. Соответственно, даже если бы Новый Свет и не был захвачен, он, скорее всего, вряд ли смог бы значительно превзойти Старый по уровню жизни. В результате там сохранялось бы значительное количество недовольных, с надеждой смотревших на помощь из-за океана. В случае же полного охвата Земли социалистической системой была бы полностью реализована сформулированная в либеральной европейской традиции задача создания единого государства Человечества. Это, в свою очередь, позволяло создать достаточно стабильную социальную систему и давало бы большие возможности для развития. Сегодня совершенно очевидно, что создание подобного Государства на основе русской советской традиции всеединства и равенства разных народов в гораздо большей степени отвечало интересам подавляющего большинства человечества, нежели реа-

лизуемая ныне расистская по своей сути модель «нового мирового порядка» для обеспечения интересов «золотого миллиарда»¹⁰⁸.

Естественно, возникает вопрос, как бы отреагировали Англия и США на советское нападение на Германию? Мнение официальной российской историографии выразил М.А. Гареев, утверждающий, что в этом случае «Советский Союз предстал бы перед всем миром в качестве агрессора, и в той же Англии могли взять верх силы, выступающие за союз с Германией»¹⁰⁹. Однако такой подход полностью игнорирует как многовековую традицию военно-политических действий в подобной ситуации, так и реальную политику Англии в 1939–1941 гг. Вся военная история человечества свидетельствует, что вмешательство в войну между двумя государствами третьей страны никогда не приводило к немедленному объединению воюющих стран против нее. К тому же неясно, что могло побудить Англию нарушить эту закономерность? Если же обратиться к реальной политике Англии в начале Второй мировой войны, то невозможно отрицать общепризнанный факт, что в одиночку выиграть войну с Германией она не могла. Именно поэтому в 1939–1940 гг. Англия всячески стремилась сохранить и расширить свой союз с Францией путем включения в него других европейских стран. С лета 1940 г. после разгрома и капитуляции Франции английское руководство сделало ставку на возможное втягивание в войну с Германией США и ухудшение советско-германских отношений: это могло бы привести к войне на Востоке Европы или хотя бы к тому, что Германия была бы вынуждена держать там внушительную военную группировку, что исключало ее использование против Англии.

Известные материалы показывают, что английское руководство активно стремилось превратить в жизнь обе эти возможности. Уже к началу 1941 г. ему удалось заручиться материальной поддержкой США. В отношении СССР политика Англии сводилась к тому, чтобы заставить советское руководство занять менее благожелательную позицию в отношении Германии. Для этого в Москву постоянно и методично передавалась информация об угрозе СССР в случае победы Германии. Весной 1941 г. попытки Англии втянуть СССР в войну стали принимать характер шантажа: если Москва не вступит в войну, то Лондон будет вынужден пойти на соглашение с Германией, которая в результате этого получит возможность осуществить *Drang nach Osten*. Когда в начале июня 1941 г. английская разведка сделала вывод о том, что сосредоточение Вермахта у советских границ указывает на подготовку Германии к оказанию нажима на СССР для удовлетворения требований экономического, а то и политического характера, Лондон, заинтересованный в неуступчивой позиции Москвы, решил подготовить операцию для нанесения авиаудара по нефтеочистительным предприятиям Баку. Это позволило бы оказать нажим на СССР, чтобы он не уступал германским требованиям. Одновременно Англия по дипломатическим каналам обещала Москве свою помощь в случае возникновения войны с Германией. С другой стороны, в Берлин по всевозможным каналам передавалась информация об угрожающих Германии намерениях и действиях СССР. Поэтому представляется совершенно невероятным, чтобы Англия, всячески заинтересованная в возникновении советско-германской войны, вдруг сразу бы бросилась на помощь Германии.

Исходя из этих целей, Черчилль еще 15 июня 1941 г. телеграфировал президенту США Ф. Рузвельту, сообщая ему о возможности нападения Германии на СССР и о том, что «если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, – это Гитлер»¹¹⁰. Тут следует отметить: в этот момент никто не был полностью уверен, что Германия все-таки нападет на СССР, и не мог предсказать, какой именно оборот примут события на советско-германском фронте. 21 июня Рузвельт ответил, что он поддерживает эту позицию Черчилля и США окажут «России всемерную помощь»¹¹¹. Как сообщает личный секретарь Черчилля, Колвилл, во второй половине дня 21 июня он обсуждал с премьер-министром его позицию и спро-

сил: «Не будет ли это для него, злейшего врага коммунистов, отступлением от принципа?» – «Нисколько, – ответил Черчилль. – У меня лишь одна цель – уничтожить Гитлера, и это сильно упрощает мою жизнь. Если бы Гитлер вторгся в ад, я по меньшей мере благожелательно отозвался бы о сатане в палате общин»¹¹². Эту же позицию Черчилль повторил в своем знаменитом выступлении по радио вечером 22 июня. «Нацистскому режиму присущи худшие черты коммунизма, – заявил он. – ...За последние 25 лет никто не был более последовательным противником коммунизма, чем я. Я не возьму обратно ни одного слова, которое я сказал о нем». Тем не менее основную угрозу Англии в настоящее время представляет Гитлер и его режим, которые «мы полны решимости уничтожить», поэтому «любой человек или государство, которые борются против нацизма, получают нашу помощь»¹¹³.

Все это лишний раз подтверждает, что для английского руководства основной целью оставалась победа в войне с Германией с помощью кого угодно, и в принципе ему было совершенно безразлично, как именно начнется советско-германская война. То же самое можно сказать и о США, которые в первой половине 1941 г. все больше втягивались в необъявленную войну с Германией. На секретных англо-американских переговорах 21 января – 29 марта 1941 г.

было решено, что Германия является главным противником, и была сформулирована общая стратегия войны с ней. Одновременно 11 марта американский Конгресс принял закон о ленд-лизе, дающий президенту право предоставлять военную и иную помощь любой стране, защита которой считалась жизненно важной для безопасности США.

24 марта Англии была предоставлена возможность ремонтировать свои военные корабли на американских верфях.

30 марта все германские и итальянские суда, находившиеся в американских портах, были захвачены США и через некоторое время переданы Англии. 10 апреля Рузвельт объявил Красное море «невоенной зоной», что позволяло американскому торговому флоту беспрепятственно снабжать английские войска в Северной Африке. 13 апреля американские войска стали разворачиваться на базах в Гренландии. 24 апреля «зона безопасности» США в Атлантическом океане была расширена до 30-го градуса западной долготы. 27 мая Рузвельт объявил «неограниченное чрезвычайное положение» на территории США. 14 июня была «заморожена» (то есть фактически захвачена) германская и итальянская собственность на американской территории.

16 июня были закрыты все германские консульства и бюро различных германских агентств, действовавшие в США¹¹⁴.

Естественно, ни о какой военной помощи Германии в случае советского нападения Вашингтон и не помышлял. Это полностью шло бы вразрез с политикой США, не говоря уже о том, что там существовала влиятельная оппозиция курсу на вовлечение страны в войну, и, как известно, администрации Рузвельта пришлось приложить немало усилий, чтобы спровоцировать Японию на нападение, что позволило США вступить во Вторую мировую войну. Уже 23 июня 1941 г., когда еще никто не мог знать о том, что события на советско-германском фронте примут столь тяжелый для Красной Армии оборот, Государственный департамент США выступил с официальным заявлением, осуждавшим «принципы и доктрину» коммунизма, но подчеркивавшим опасность германской экспансии, которая «в настоящее время более всего затрагивает нашу собственную национальную оборону и безопасность Нового Света, где мы живем. Поэтому, по мнению нашего правительства, всякая защита от гитлеризма, всякое объединение противостоящих гитлеризму сил, каково бы ни было их происхождение, приблизит низвержение нынешних германских лидеров и тем самым будет служить на пользу нашей собственной обороне и безопасности». В тот же день сенатор от штата Миссури Г. Трумэн (будущий президент США) довольно откровенно выразил мнение правящей элиты: «Если мы увидим, что

выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если выигрывать будет Россия, то нам следует помогать Германии, и, таким образом, пусть они убивают как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»¹¹⁵. То есть американское руководство рассматривало советско-германскую войну в качестве благоприятного фактора, снижавшего опасность германской экспансии для самих Соединенных Штатов.

Таблица 7

Вооруженные силы великих держав в июне 1941 г.¹¹⁶

	Англия	Италия	Германия	СССР	Япония	США
Дивизии	33	64	209	363	51	33
Бригады	29	?	4	19	58	?
Личный состав (тыс.)	3766	2870	8 229	5774,2	2142	2101,2
Орудия и минометы	Около 24 600	Около 18 400	88 251	117 581	Свыше 13 500	Около 14 700
Танки	Ок. 3200	Ок. 2000	6292	25 786	Ок. 3500	Ок. 1500
Самолеты	Ок. 5700	Ок. 3000	6852	24 488	Ок. 4800	6777
Возно-морские силы						
Линкоры	13	6	3	3	10	15
Линейные крейсера	2	—	—	—	—	—
Авианосцы	7	—	—	—	7	7
Тяжелые крейсера	14	4	4	—	18	18
Легкие крейсера	54	13	4	7	19	19
Эсминцы	248	108	43	54	109	168
Подводные лодки	54	93	158	212	60	113

Таким образом, летом 1941 г. для Советского Союза существовала благоприятная возможность нанести внезапный удар по Германии, скованной войной с Англией, и получить как минимум благожелательный нейтралитет Лондона и Вашингтона (а скорее всего, их помощь, хотя и ограниченную). Конечно, по мере продвижения Красной Армии в глубь Европы эти настроения могли бы измениться, но было бы уже поздно: Германия была бы на пороге поражения. Оказать ей реальную поддержку в войне с СССР Англия и США просто не имели бы возможности. США вообще не располагали сухопутными войсками, которые можно было бы послать в Европу, а войска Англии были слишком рассредоточены: от Британских островов до Дальнего Востока. Для переброски в Европу достаточной для обороны от Красной Армии группировки английских войск требовалось слишком много времени. В любом случае противодействие Красной Армии, освобождающей Европу от фашизма, вряд ли было бы слишком популярной мерой в Англии. Если же учесть долгосрочные цели внешней политики и США, и Англии, в чьих интересах было столкновение Германии и СССР и их затяжная война с последующим ослаблением обоих противников, то представляется наиболее вероятным, что первоначально Лондон и Вашингтон заняли бы выжидательную позицию. А потом все решали бы масштабы военных успехов Красной Армии.

Политические условия для удара по Германии со стороны СССР были достаточно благоприятными. К сожалению, опасаясь англо-германского компромисса, советское руководство как минимум на месяц отложило нападение на Германию, которое, как мы теперь знаем, было **единственным шансом** сорвать германское вторжение. Вероятно, это решение «является одним из основных исторических просчетов Сталина»¹¹⁷, упустившего благоприятную возможность разгромить наиболее мощную европейскую державу и, выйдя на побережье Атлантического океана, устранить вековую западную угрозу нашей стране. В результате германское руководство смогло начать 22 июня 1941 г. осуществление плана «Барбаросса» и Советскому

Союзу пришлось 3 года вести войну на своей территории, что привело к колоссальным людским и материальным потерям.

Таким образом, и Германия, и СССР тщательно готовились к войне, и с начала 1941 г. этот процесс вступил в заключительную стадию, что делало начало советско-германской войны неизбежным именно в 1941 г., кто бы ни был ее инициатором. Первоначально Вермахт намеревался завершить военные приготовления к 16 мая, а Красная Армия – к 12 июня 1941 г. Затем Берлин отложил нападение, перенес его на 22 июня, месяц спустя то же сделала и Москва, определив новый ориентировочный срок завершения военных приготовлений – 15 июля 1941 г. Как ныне известно, обе стороны в своих расчетах исходили из того, что война начнется по их собственной инициативе. К сожалению, советской разведке не удалось достоверно установить намерения Германии на лето 1941 г., поэтому советское руководство не сумело верно оценить угрозу германского нападения. Правильно отмечая нарастание кризиса в советско-германских отношениях, Москва полагала, что до окончательного разрыва еще есть время, как для дипломатических маневров, так и для завершения военных приготовлений. Внезапное нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. и первые неудачи на фронте оказали на советское руководство ошеломляющее воздействие. Наиболее образно эту ситуацию изложил в своих воспоминаниях тогдашний нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов, отметив, что «государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, вынуждена была останавливаться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов. Последствия этого пришлось исправлять на ходу ценою больших жертв»¹¹⁸.

Примечания

¹ *Перечнев Ю.Г.* О некоторых проблемах подготовки страны и Вооруженных Сил к отражению фашистской агрессии//Военно-исторический журнал. 1988, № 4. С. 46–47; *Кириян М.М.* Начальный период Великой Отечественной войны//Военно-исторический журнал. 1988, № 6. С. 12–13; *Анфилов В.А.* Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989. С. 80–86; *Сандалов Л.М.* Первые дни войны: Боевые действия 4-й армии 22 июня – 10 июля 1941 года. М., 1989. С. 22–37; *Захаров М.В.* Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 173–183, 312–322, 324–340; *Волкогонов Д.А.* Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. В 2 кн. М., 1989. Кн. 2. Ч. 1. С. 132–136; *Хорьков А.Г.* Грозной июнь: Трагедия и подвиг войск приграничных военных округов в начальном периоде Великой Отечественной войны. М., 1991. С. 85–130; *Кишин Ю.Я., Раманичев Н.М.* Накануне 22 июня 1941 г.//Новая и новейшая история. 1991, № 3. С. 12–15. *Горьков Ю.А.* Готовил ли Сталин превентивный удар против Гитлера в 1941 году//Новая и новейшая история. 1993, № 3, С. 29–39; *Маковский В.Б.* Прикрытие госграницы накануне войны// Военно-исторический журнал. 1993, № 5, С. 51–58; *Анфилов В.А.* Грозное лето 41 года. М., 1995. С. 59–62; *Анфилов В.А.* Дорога к трагедии 1941 года. М., 1997. С. 157–161.

² *Волкогонов Д.А.* Указ. соч. С. 133; *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 173.

³ 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 51–52.

⁴ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 17–20; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 7–29; Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 18–22; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 40–45; 1941 год. Документы. В 2 кн. М., 1998. Кн. 1. С. 181–193, 236–253, 741–746, Кн. 2. С. 215–220.

⁵ *Василевский А.М.* Накануне войны//Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 6.

⁶ 1941 год – уроки и выводы. С. 52; *Горьков Ю.А.* Кремль. Ставка. Генштаб. Тверь, 1995. С. 56–57; *Михалев С.Н.* Военная стратегия: Подготовка и ведение войн Нового и Новейшего времени. М., 2003. С. 309.

⁷ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 288–290.

⁸ 1941 год – уроки и выводы. С. 56.

⁹ *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 194–203, 364–384; *Бобылев П.Н.* Репетиция катастрофы//Военно-исторический журнал. 1993, № 7. С. 14–21; № 8. С. 28–35; Русский архив: Великая Отечественная. Т. 12(1). М., 1993. С. 388–390; *Бобылев П.Н.* К какой войне готовился Генеральный Штаб РККА в 1941 году?//Отечественная история. 1995, № 5. С. 3–20; Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 9; *Прозектор Д.М.* Фашизм: путь агрессии и гибели. М., 1989. С. 308.

¹⁰ 1941 год – уроки и выводы. С. 57; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 34–35.

¹¹ *Петров Б.Н.* О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны//Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 12.

¹² *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 61.

¹³ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 9.

¹⁴ *Горьков Ю.А.* Указ. соч. С. 61.

¹⁵ *Волкогонов Д.А.* Эту версию уже опровергла история//Известия. 1993. 16 янв.; *Орлов А.С.* Так кто же начал войну?//Армия. 1993, № 8. С. 18; *Безыменский Л.А.* О «плане Жукова» от 15 мая 1941 г.//Новая и новейшая история. 2000, № 3. С. 58–67.

¹⁶ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 38. Правда, по сведениям М.В. Захарова и С.Н. Михалева, на документе от июля 1940 г. имелась подпись начальника Генштаба Б.М. Шапошникова (*Захаров М.В.* Указ. соч. С. 322; *Михалев С.Н.* Указ. соч. С. 309).

¹⁷ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 8.

¹⁸ «...Разговор закончился угрозой Сталина». Десять неизвестных бесед с маршалом Г.К. Жуковым в мае – июне 1965 года//Военно-исторический журнал. 1995, № 3. С. 41. После публикации дневника посетителей кремлевского кабинета Сталина В.А. Анфилов «вспомнил», что Жуков говорил ему о том, что план от 15 мая 1941 г. был доложен им и Тимошенко Сталину 19 мая: *Анфилов В.А.* Долгий путь к Берлину//Независимое военное обозрение. 1999, № 17. С. 1–3.

¹⁹ *Светлицкий Н.А.* Крутые ступени судьбы. Жизнь и ратные подвиги маршала Г.К. Жукова. Хабаровск, 1992. С. 57–58.

²⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 156. Д. 2. Л. 40–44об.

²¹ «Современная армия – армия наступательная». Выступление И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий. Май 1941 г.//Исторический архив. 1995, № 2. С. 23–31; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 158–162.

²² Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 37.

²³ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. В 2 т. М., 1973. Т. 2. С. 128; *Сиполс В.Я.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной войны. 1939–1941. М., 1997. С. 404. Шифротеле-грамма: «Пароль «Дортмунд» – 22 июня» была отправлена из Берлина в ночь на 21 июня 1941 г. (Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Bd.I. Frankfurt am Main. 1965. S. 408).

²⁴ *Сиполс В.Я.* Указ. соч. С. 210.

²⁵ *Бобылев П.Н.* Точку в дискуссии ставить рано. К вопросу о планировании в Генеральном Штабе РККА возможной войны с Германией в 1940–1941 годах//Отечественная история. 2000, № 1. С. 57.

²⁶ *Киселев В.Н.* Упрямые факты начала войны//Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 14–15; *Данилов В.Д.* Сталинская стратегия начала войны: планы и реальность//Другая

война. 1939–1945 гг. С. 144–146; Отечественная история. 1995, № 5. С. 16; Отечественная история. 2000, № 1. С. 51, 55–56.

²⁷ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 144.

²⁸ Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 109.

²⁹ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 2.

³⁰ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 4; 1941 год – уроки и выводы. С. 58–59, 214–215; Захаров М.В. Указ. соч. С. 218–219, 396–389; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 358–361.

³¹ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 17–18; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 24–25; № 2. С. 18–19; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 40–41; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 181–182, 237–238, 742, Кн. 2. С. 215–216.

³² Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 18; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 25; № 2. С. 20; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 182, 238, 743.

³³ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 18–19; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 182–183.

³⁴ Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 25–26; № 2. С. 20–21; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 40–41; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 238–239, 743–744, Кн. 2. С. 216.

³⁵ Шубин А.В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 466–469.

³⁶ Новая и новейшая история. 1992, № 6. С. 7.

³⁷ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 19; Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 27; № 2. С. 22; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 41; 1941 год – уроки и выводы. С. 214–215; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 185, 241, 745, Кн. 2. С. 217, 359–360.

³⁸ Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 28–29; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 42–44; 1941 год – уроки и выводы. С. 212–215; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 185–189, 242–250, Кн. 2. С. 218–219, 359.

³⁹ Гареев М.А. Правду о войне нельзя брать или отдавать. Ее надо вместе искать//Красная звезда. 1991, 27 июля.

⁴⁰ Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. (Очерки о проблемных вопросах Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 125–126.

⁴¹ Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 20; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 185–187.

⁴² Военно-исторический журнал. 1992, № 1. С. 27–28; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 241–249; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 33.

⁴³ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 189–190, 249–250.

⁴⁴ Там же. С. 247.

⁴⁵ Шубин А.В. Указ. соч. С. 470.

⁴⁶ Савушкин Р.А. Развитие советского военного искусства в период между Гражданской и Великой Отечественной войнами. М., 1980. С. 24, 32.

⁴⁷ Савушкин Р.А. Развитие Советских Вооруженных сил и военного искусства в межвоенный период (1921–1941 гг.). М., 1989. С. 59.

⁴⁸ Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 22.

⁴⁹ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 35.

⁵⁰ Михалев С.Н. Указ. соч. С. 312.

- ⁵¹ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 35.
- ⁵² Михалев С.Н. Указ. соч. С. 312–313.
- ⁵³ Городецкий Г. Миф «Ледокола»: Накануне войны. / Пер. с англ. М., 1995. С. 284; Вишлев О.В. Накануне 22 июня 1941 г. Документальные очерки. М., 2001. С. 36.
- ⁵⁴ Гареев М.А. Указ. соч. С. 93.
- ⁵⁵ 1 941 год. Документы. Кн. 1. С. 741–746.
- ⁵⁶ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 41; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 216.
- ⁵⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 108.
- ⁵⁸ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 41–43; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 216–218.
- ⁵⁹ Михалев С.Н. Указ. соч. С. 316.
- ⁶⁰ Начальный период войны. М., 1974. С. 70.
- ⁶¹ 1941 год – уроки и выводы. С. 69–79, 178–179; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 607–650.
- ⁶² Новая и новейшая история. 1997, № 5. С. 113.
- ⁶³ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 2–15; № 3. С. 4–17; № 4. С. 2–17; № 5. С. 2–15; № 6. С. 2–7.
- ⁶⁴ Анфилов В.А. Провал «блицкрига». М., 1974. С. 196; Петров Б.Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны// Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 12–13; Семидетко В.А. Истоки поражения в Белоруссии// Военно-исторический журнал. 1989, № 4. С. 30.
- ⁶⁵ Гареев М.А. Указ. соч. С. 128.
- ⁶⁶ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 4.
- ⁶⁷ Там же. 1996, № 2. С. 14–15; № 3. С. 11–12; № 4. С. 8–10; № 5. С. 12, № 6. С. 7.
- ⁶⁸ Там же. 1996, № 2. С. 8, 13; № 3. С. 15; № 4. С. 3; № 5. С. 12.
- ⁶⁹ Там же, № 2. С. 13.
- ⁷⁰ Гареев М.А. М.В. Фрунзе – военный теоретик. М., 1985. С. 323.
- ⁷¹ Там же. С. 231.
- ⁷² Маковский В.Б. Указ. соч. С. 55; Военно-исторический журнал. 1989, № 3. С. 68–69.
- ⁷³ Гареев М.А. Указ. соч. С. 230; Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны. С. 119–120.
- ⁷⁴ Маковский В.Б. Указ. соч. С. 55; Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 93.
- ⁷⁵ 1 941 год – уроки и выводы. С. 60–61.
- ⁷⁶ Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 44; 1941 год – уроки и выводы. С. 61, 179; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 219.
- ⁷⁷ Военно-исторический журнал. 1996, № 2. С. 6; № 4. С. 3; № 6. С. 4; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 228, 234, 240, 284.
- ⁷⁸ 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 133–139; Военно-исторический журнал. 1991, № 12. С. 12.
- ⁷⁹ Новая и новейшая история. 1993, № 6. С. 9.
- ⁸⁰ Новая и новейшая история. 1997, № 5. С. 109; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 33.
- ⁸¹ 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 484–497.

⁸² Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 42–43, 44; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 219, 220.

⁸³ ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. Зас. Д. 3. Л. 274–277; 1941 год. Документы. Кн. 1. С. 731–732; Горьков Ю.А. Указ. соч. С. 70–71; 1941 год – уроки и выводы. С. 82; Владимирский А.В. На киевском направлении. М., 1989. С. 50; Захаров М.В. Указ. соч. С. 469–478; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.): Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М., 1994. С. 10–12.

⁸⁴ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 146. Численность второго стратегического эшелона к началу войны определяется в этом труде в 77 дивизий (58 стрелковых, 13 танковых и 6 моторизованных) (Указ. соч. С. 151), но из доступных документов не ясно, какие именно войска и с какого именно момента входили в состав резерва Главного командования.

⁸⁵ Петров Б.Н. Указ. соч. С. 12–13; Семидетко В.А. Указ. соч. С. 31; Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву. С. 96–97; Владимирский А.В. Указ. соч. С. 50–52; Волкогонов Д.А. Указ. соч. С. 125–128; 1941 год – уроки и выводы. С. 83–86, 214–215; Филиппов А. О готовности Красной Армии к войне в июне 1941 года//Военный вестник АПН. 1992, № 9. С. 4; Киселев В.Н. Указ. соч. С. 14–15; Новая и новейшая история. 1993, № 3. С. 36; Галицкий К.Н. Годы суровых испытаний. 1941–1944. Записки командарма. М., 1973. С. 24–26.

⁸⁶ 1941 год – уроки и выводы. С. 198–199; Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 32–33; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 16–18.

⁸⁷ 1941 год – уроки и выводы. С. 42–43; Киришин Ю.Я., Раманичев Н.М. Указ. соч. С. 12; Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 49.

⁸⁸ Хорьков А.Г. Указ. соч. С. 50.

⁸⁹ Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне. М, 1977. С. 60.

⁹⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25(14). М, 1998. С. 61–65.

⁹¹ Пастуховский Г.П. Развертывание оперативного тыла в начальный период войны//Военно-исторический журнал. 1988, № 6. С. 19.

⁹² Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Л, 1963. Ч. 1. С. 15.

⁹³ Начальный период войны. С. 70–71.

⁹⁴ Азясский Н.Ф. О стратегическом развертывании вооруженных сил Германии и Советского Союза в 1941 году//Военная мысль. 1990, № 8. С. 17.

⁹⁵ Вишлев О.В. Была ли в СССР оппозиция «германской политике» Сталина накануне 22 июня 1941 г.//Новая и новейшая история. 1994, № 4–5. С. 242–253.

⁹⁶ Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну? М., 1992. С. 333.

⁹⁷ Начальный период войны. С. 212.

⁹⁸ Суворов В. Указ. соч. С. 317, 333.

⁹⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Тыл Красной Армии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Документы и материалы. Т. 25(14). С. 48–52.

¹⁰⁰ Стаднюк И.С. Нечто о сталинизме//О них ходили легенды. М., 1994. С. 423–424.

¹⁰¹ Киселев В.Н. Указ. соч. С. 16; Данилов В.Д. Указ. соч. С. 148; Отечественная история. 2000, № 1. С. 57.

¹⁰² 1941 год – уроки и выводы. С. 81–85, 111; *Хорьков А.Г.* Указ. соч. С. 25, 33, 47, 168, 173–174; *Киселев В.Н.* Указ. соч. С.15; Военно-исторический журнал. 1989, № 5. С. 43; *Медведев Н.Е.* Артиллерия РВГК в первом периоде войны//Военно-исторический журнал. 1987, № 11. С. 81; *Захаров М.В.* Указ. соч. С. 210–212, 402–406; Начальный период войны. С. 211; *Анфилов В.А.* Провал «блицкрига». С. 188.

¹⁰³ Сам приказ Г.К. Жукова никогда не публиковался и известен лишь по упоминанию в ходе суда над командованием Западного фронта в июле 1941 г. (Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. Начало. 22 июня – 31 августа 1941 года. М., 2000. С. 389.). Однако опубликован изданный на его основании приказ командующего ПриОВО № 00229 от 18 июня 1941 г. (*Иванихин П.М.* Начало войны. Северо-Западный фронт, июнь – сентябрь 1941 года. От Каунаса до Валдая: По материалам дневника полковника Щеткина Григория Федоровича. М., 2002. С. 30, 168–171.)

¹⁰⁴ Группировка войск сторон взята по: Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Вып. 18. С. 66–68, 79–85; 1941 год. Документы. Кн. 2. С. 216–219.

¹⁰⁵ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart. 1983. Bd. 4. S. 313–316.

¹⁰⁶ *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. С. 136–137, 151–152, 215–252, 257–264.

¹⁰⁷ *Расплата: Третий рейх: падение в пропасть.* М., 1994. С. 117.

¹⁰⁸ *Лисичкин В.А., Шелетин Л.А.* Глобальная империя Зла. М., 2001.

¹⁰⁹ *Гареев М.А.* Готовил ли Советский Союз упреждающее нападение на Германию в 1941 году?//Война и политика, 1939–1941. С. 275.

¹¹⁰ *Черчилль У.* Вторая мировая война. / Сокр. пер. с англ. М., 1991. Кн. 2. С. 169.

¹¹¹ Там же. С. 169–170.

¹¹² Там же. С. 170.

¹¹³ Там же. С. 170–171.

¹¹⁴ *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. С. 59–60.

¹¹⁵ История Второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 4. М., 1975. С. 33–34.

¹¹⁶ Таблица составлена по: РГВА. Ф. 40997. Оп. 1. Д. 63. Л. 36, 37, 40; *Сафронов В.Г.* Итальянские войска на советско-германском фронте.

1941–1943. М., 1990. С. 24; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. / Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 326; *A History of the US Air Force 1907–1957.* N.Y., 1957. P. 92; *Historikal Statistik of USA.* Washington, 1975. P. 1141; *The Army Almanac.* Washington, 1950. P. 649; *Hancock W.K.* British war Economy. L., 1949. P. 136; *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg.* Stuttgart, 1988. Bd. 5/1.

S. 554–555, 874–875, 959; *Hahn F.* Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres 1933–1945. Koblenz, 1987. Bd. 2. S. 211–212; История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. М., 1974. С. 195; Т. 4. С. 13, 15, 20, 194, 195, 200; *Березовский Н.Ю. и др.* Боевая летопись Военно-Морского Флота, 1917–1941. М., 1992. С. 675; *Jentschura H., Jung D., Mickel P.* Warships of the Imperial Japanese Navy, 1896–1945. L, 1977. P. 25–35, 40–50, 79–87, 130–153, 160–182.

¹¹⁷ *Сахаров А.Н.* Война и советская дипломатия: 1939–1945 гг.// Вопросы истории. 1995, № 7. С. 38.

¹¹⁸ *Кузнецов Н.Г.* Крутые повороты: Из записок адмирала. М., 1995. С. 45–46.

Сергей Кремлёвю Если бы Сталин ударил...

Сразу скажу, что версия о реальности превентивного удара СССР по Германии летом 1941 года имеет право на существование лишь как одно из теоретических допущений в целях полноты анализа того исторического периода. В реальности ни о каком превентивном ударе СССР по Германии летом 1941 года не могло быть и речи, и все иные утверждения на сей счет – или досужая болтовня непрофессионалов, или намеренная провокация профессионалов. Ниже я надеюсь это показать даже в пределах краткой статьи, но вначале – прическазка...

С момента развала СССР прошло почти двадцать лет. За это время, по крайней мере, один раз перевернулись в гробу все государственные, политические и военные деятели, деятели науки и культуры, которые при жизни имели то или иное отношение к России и к русской истории. Причины такого массового беспокойства усопших разнятся, но повод у всех один и тот же – начавшееся в 1991 году и все еще длящееся наше Мутное время, то есть события, произошедшие и происходящие в пределах Российского Геополитического пространства в период с 1991 года по нынешние быстротекущие дни.

Конечно, и за гробом разные исторические фигуры волнует разное. Скажем, Александр Невский, Димитрий Донской, Иван Грозный, Петр, Екатерина, Сталин переворачиваются в гробах, возмущенные сдачей того геополитического статуса России, за который они боролись так упорно и успешно. Скопина-Шуйского, Шереметева, Суворова, Ушакова, Кутузова, Скобелева, Фрунзе, Рокоссовского лишает покоя бездарная линия в «россиянском» военном руководстве. Пушкину, Лермонтову, Гоголю, всем трем Толстым, Есенину, Маяковскому, Горькому, Федину, Шолохову не дает спать вечным сном надругательство над русской и советской культурой. А, скажем, Ломоносова, Бутлерова, Менделеева, Павлова, Вавилова, Курчатова, Колмогорова, Патона-отца, Келдыша тревожат поругание и гибель советской науки.

Неспокойно – но уже по другой причине – лежат в могилах и Батый с Мамаем, Карл XII, Наполеон, Клемансо, Черчилль, Барух, Трумэн и многие другие. Этим не дает покоя зависть к Горбачеву, Ельцину, к их «россиянским» и «эсэнгэшным» последышам, а также к членам действующего «Вашингтонского обкома», которые все вместе успешно совершили то, чего уже усопшая антирусская и антисоветская рать сделать так и не смогла.

И даже прах фюрера, развеянный в апреле 1970 года над рекой Бидериц в 11 километрах от Магдебурга, тоже вьется беспокойно над Европой, не в силах совладать с возбуждением и завидуя тем, кто сумел завоевать СССР и Москву без всяких танков – одним лишь Останкино.

А рядом с прахом фюрера завивается в завистливые петли развеянный во все том же апреле над все той же рекой Бидериц прах имперского министра пропаганды Йозефа Геббельса. Мастер политической провокации и автор чеканной формулы «Чтобы в ложь поверили, она должна быть чудовищной», явно завидует автору целой груды антисоветских «бестселлеров» «Виктору»-Владимиру «Суворову»-Резуну. Еще бы! Идея о превентивной войне Сталина против рейха была обкатана и запущена в оборот в ведомстве сгоревшего в пламени войны рейхсминистра, а вся слава от ее тиражирования сегодня идет автору незабвенного «Ледокола». Обидно! Где уж тут покоиться с миром в мире, и так покоем давно не богатом.

Да, утверждение, что Гитлер в 1941 году лишь упредил Сталина в превентивном ударе на считанные недели, является ложью. Но многие поверили в нее только потому, что эта ложь – чудовищна.

И все же...

И все же, если посмотреть на канун войны и ее начало так, как это предлагали своим современникам Гитлер и Геббельс, и так, как это – вслед за ними – предлагает уже нам «Виктор» «Суворов»? Что, если, все же, представить себе непредставимое?

Далее я это – коль уж участвую в коллективном сборнике с соответствующей тематикой – сделаю. Хотя вначале надо кое с чем объясниться...

Я написал «непредставимое» не потому, что считаю, что превентивный удар СССР по Германии был невозможен в принципе. Наоборот, любой компетентный аналитик, знакомый с реальностью той эпохи, не может теоретически исключать вариант превентивной войны СССР против Третьего рейха – при определенном развитии событий и в определенной ситуации. Но этот же аналитик не может не отдавать себе отчет также в том, что такой вариант был абсолютно исключен для лета 1941 года.

Нет, технически (не в военно-техническом, а, так сказать, в *военно-технологическом* смысле) такой вариант летом 1941 года был возможен. Скажем, сегодня известны соответствующие разработки Генерального Штаба РККА, и было бы удивительно, если бы тогда, в реальном масштабе времени, такие разработки упреждающего удара РККА по скоплению вооруженных сил рейха на востоке не велись. Генеральные штабы для того, в том числе, и существуют, чтобы детально рассматривать как оборонительные, так и наступательные варианты возможных кампаний. То есть само функциональное назначение Генштаба РККА говорит за то, что *технологически* упреждающий удар РККА был возможен. Однако такой удар был в 1941 году системно невероятен.

А невозможное и невероятное – очень разные понятия.

Создатель образа патера Брауна Гилберт Кийт Честертон провел различие между возможностью и вероятностью остроумно и точно. В рассказе «Проклятие золотого креста» он устами своего героя заявляет, что некоторые события возможны, но невероятны, и говорит: «Если вы скажете, что великого Гладстона (видный английский политик и государственный деятель. – С.К.) в его смертный час преследовал призрак Парнелла (деятель ирландского национального движения. – С.К.), я предпочту быть агностиком и не скажу ни да, ни нет. Но если вы будете уверять меня, что Гладстон на первом приеме у королевы Виктории не снял шляпы, похлопал королеву по спине и предложил ей сигару, я буду решительно возражать. Я не скажу, что это невозможно, а скажу, что это – невероятно».

Все верно! В принципе кто-то может на королевском приеме раскурить сигару, подойти к королеве, хлопнуть ее по плечу и по-свойски предложить закурить. В таком поведении нет ничего «технически» невозможного – это не то что штаны через голову надеть. Тем не менее подобное поведение полностью невероятно даже в наше время.

Так вот, *превентивная война Сталина против Гитлера летом 1941 года не была невозможной. Она была невероятной*. И это я подчеркиваю особо. Она была невероятной уже потому, что если даже не принимать в расчет явную неготовность РККА к ведению наступательной войны в 1941 году, есть все основания утверждать, что в июне 1941 года превентивная война была бы для Сталина во всех отношениях глупостью.

А Сталин этим неотъемлемым качеством нынешней «российской» элиты не страдал даже в малейшей мере.

Поэтому, перед тем как анализировать невероятное, не мешает хотя бы кратко поразмышлять – почему же теоретически возможная превентивная война СССР против Германии была, по крайней мере в 1941 году, невероятной?

С этого я и начну.

Во-первых, если бы Сталин и замышлял превентивную войну против Германии, то в 1941 году такая война была невероятна уже потому, что она была преждевременна. Ну, в самом-то деле! Ход рассуждений здесь прост и очевиден.

Допустим, Гитлер к лету 1941 года не имел агрессивных планов против России (хотя реально он их имел). Зачем тогда было России затевать с ним войну летом 1941 года по собственной инициативе? Если уж России и стоило предпринимать нечто подобное, то разумный

вариант – не раньше лета 1942 года, а еще лучше – лета 1943 года. Я имею в виду нашу именно превентивную войну против рейха после укрепления экономики и, главное, после полного перевооружения РККА и освоения ее личным составом новой техники. А это как раз, по планам, – 1942 и 1943 годы.

Во-вторых, превентивная война СССР против Германии летом 1941 года была не только преждевременна, но и нецелесообразна. В отличие от Германии, для которой превентивная война имела хоть какой-то смысл.

Проведем анализ буквально «на пальцах» – этого будет вполне достаточно!

Вот ситуация виртуального, то есть – полностью мирного на Востоке, 1941 года для Германии...

Отмобилизована огромная масса войск, которая не воюет, но которую надо содержать. Накоплены огромные запасы вооружения, которые реально не используются – кроме авиации и флота в ограниченных операциях против Англии.

Наращивать военную мощь Германии дальше некуда. В итоге германские вооруженные силы образца 1942 года – в том случае, если бы они не были задействованы в 1941 году против России – были бы по своему потенциалу примерно такими же, как и в 1941 году, и сила их противостояния гипотетическому удару СССР в 1942 году не была бы большей, чем при превентивном ударе СССР в 1941 году. За мирный – мирный на потенциальном Восточном фронте – 1941 год немцы скорее всего даже ослабили бы, психологически устав от бездействия. Вспомним Ганнибала в Капуге. Его войска там без дела попросту разложились.

Промышленный и общий экономический потенциал Германии за 1941 год тоже существенно не возрос бы – все основные территориальные приобретения, его усиливавшие, были сделаны ранее.

Зато военно-политическое положение Германии к лету 1942 года однозначно ухудшилось бы за счет все большего подключения к войне в Европе Соединенных Штатов Америки, которые всю эту войну и затеяли. Я об этом много писал ранее. А надежных гарантий сохранения советского нейтралитета и в будущем Сталин Гитлеру не давал.

Между прочим, Гитлер все это прекрасно понимал. И все измышления Резуна-«Суворова» о фюрере, якобы обманутом Сталиным, убедительно опровергаются самим фюрером. Достаточно вчитаться в аутентичное, но малоизвестное, редко цитируемое, письмо Гитлера, отправленное им Муссолини накануне войны – 21 июня 1941 года. Насколько я знаю, в СССР оно было впервые опубликовано в № 5 малотиражного «Военно-исторического журнала» за 1965 год и начиналось так:

«Дуче! Я пишу Вам это письмо в тот момент, когда длившиеся месяцами тяжелые раздумья, а также вечное нервное выжидание закончились принятием самого трудного в моей жизни решения... Дальнейшее выжидание приведет самое позднее в этом или в следующем году к губительным последствиям...»

После уничтожения Франции – вообще после ликвидации всех их западноевропейских позиций – британские поджигатели войны направляют все время взоры туда, откуда они пытались начать войну: на Советский Союз.

Оба государства, Советская Россия и Англия, в равной степени заинтересованы в распавшейся, ослабленной длительной войной Европе. Позади этих государств стоит в позе подстрекателя и выжидającego Североамериканский Союз...

Если и дальше терпеть эту опасность, придется, вероятно, потерять весь 1941 год, и при этом общая ситуация ничуть не изменится. Наоборот, Англия еще больше воспротивится заключению мира, так как она все еще будет надеяться на русского партнера. К тому же эта надежда, естественно, станет возрастать по мере усиления боеготовности русских

вооруженных сил. А за всем этим еще стоят американские массовые поставки военных материалов, которые ожидаются с 1942 года...»

Все, упомянутое в письме фюрера, объективно вынуждало Гитлера предпринимать какие-то масштабные акции против СССР как можно быстрее – уже в 1941 году. Что и было сделано в действительности, потому что мирный 1941 год в отношениях с СССР без надежных гарантий долгосрочного партнерства с ним не давал Германии никаких преимуществ и выгод. Напротив, мир с СССР ставил рейх во все более сложное положение. Ведь немцы уже вели войну с Англией, не желавшей идти на мир, потому что он был категорически не нужен Штатам.

Зато для СССР лишний мирный год был принципиально важен во всех отношениях! Мы имели бы выгоды во всем, начиная с того, что в 1942 году была бы мирно завершена третья пятилетка и экономический потенциал СССР резко усилился бы. К лету 1942 (а тем более – 1943-го!) года РККА была бы полностью перевооружена, причем – превосходным оружием. Были бы не на бумаге, а в реальности сформированы могучие танковые и авиационные корпуса, обучены новые стрелковые дивизии. И вот эта, с иголки, но уже обкатанная для предстоящих боев сила, превентивно ударив по дислоцированным у границ с СССР частям Вермахта, имела бы решающие шансы на успех.

Имела бы, но – не в 1941-м, а в 1942 году.

А еще лучше – в 1943 году.

Что – Сталин этого не понимал?

Все он понимал прекрасно, и поэтому ни о каком ударе в 1941 году не помышлял. К тому же он не мог не принимать в расчет и то, что положение рейха с каждым годом будет лишь ухудшаться из-за нежелания англосаксов заключать мир с Гитлером. Если бы Вермахт не ударил по России в 1941 году, то это было бы еще менее вероятным в следующем, 1942 году. Зато, если бы Гитлер не начал войну с Россией, в 1942-м, и уж во всяком случае, в 1943 году надо было ожидать мощных ударов вступивших во Вторую мировую войну Соединенных Штатов Америки и Англии по Европе, занятой немцами. Положение немцев вследствие этого лишь осложнилось бы.

Так к чему Сталину было торопить события и ввязывать Россию в опасную войну с рейхом? Не умнее ли было укреплять СССР и спокойно наблюдать за ходом развития событий? И если уж и готовить удар по Германии, то нанести его в особенно благоприятный для этого момент – не ранее 1942 года.

Да, я не раз писал и по сей день убежден, что самым разумным вариантом для СССР и Сталина был бы союз с Германией и наши совместные с ней действия на анти-англосаксонской и антиимпериалистической основе. Это был сложно реализуемый, но возможный вариант. Как возможный, так и вероятный! Однако если вести анализ в рамках теоретического допущения о целесообразности для СССР превентивной войны против Третьего рейха, то корректный вывод тут может быть, повторяю, один: вариант такой войны для 1941 года был полностью исключен.

Для 1941 года!

Между прочим, сказанное выше подтверждается фактически и самими немецкими авторами, писавшими по теме после войны. Тут дело вот в чем... Если мы располагаем множеством документов, подтверждающих озабоченность СССР военными приготовлениями немцев на границе с СССР (достаточно вспомнить донесения разведки погранвойск НКВД от 1941 года, которые тут же транслировались Берией Сталину, Молотову и Тимошенко с Жуковым), то аналогичных документов с немецкой стороны в природе вообще-то не имеется.

И это – крайне показательный и доказательный факт!

Масштабные военные приготовления, да еще в приграничных районах, долго скрывать от потенциального противника нельзя. И если бы деятельность РККА в приграничной зоне в 1941 году имела характер подготовки к превентивной войне, это обстоятельство было бы обязательно зафиксировано германскими разведслужбами и немедленно доведено до сведения высшего руководства Германии, включая Гитлера.

В том, что это было бы так, сомневаться не приходится еще и потому, что английскому и американскому агенту влияния в «верхах» Вермахта – я имею в виду шефа абвера адмирала Канариса – кровь из носа надо было создать у фюрера впечатление не только о слабости русских, чтобы подтолкнуть Гитлера к войне с нами, но и с теми же подстрекательскими целями создать впечатление о скором ударе русских. Тем не менее ничего подобного ниже цитируемым советским разведывательным сводкам, укладываемым Берией на стол Сталину, абвер уложить на стол Гитлеру не мог. Не мог, несмотря на все усилия Канариса и его абверовских соратников по служению англосаксам и Золотой Элите мира.

Зато у нас информации о подготовке германской агрессии против СССР в 1941 году хватало. И она в реальном масштабе времени доходила до Сталина и, вопреки многолетней клевете на него, им своевременно учитывалась.

Вот что сообщал весной 1941 года Сталину, Молотову и наркому обороны Тимошенко нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия. Вот что писал он о приготовлениях немцев к переброске германских войск к советской границе и о нарушении воздушного пространства СССР, например, в записке № 1196/Б от 21 апреля 1941 года:

«С 1 по 19 апреля 1941 г. пограничными отрядами НКВД СССР на советско-германской границе добыты следующие данные о прибытии германских войск в пункты, прилегающие к государственной границе в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве.

В пограничную полосу Клайпедской области:

Прибыли две пехотные дивизии, пехотный полк, кав-эскадрон, артиллерийский дивизион, танковый батальон и рота самокатчиков.

В район Сувалки – Лыкк:

Прибыли до двух мотомехдивизий, четырех пехотных и двух кавалерийских полков, танковый и саперный батальоны.

В район Мышинец-Остроленка:

Прибыли до четырех пехотных и одного артиллерийского полков, танковый батальон и батальон мотоциклистов.

В район Остров-Мазовецкий – Малкия-Гурна:

Прибыли один пехотный и один кавалерийский полки, до двух артиллерийских дивизионов и рота танков.

В район Бяла-Подляска:

Прибыли один пехотный полк, два саперных батальона, кавэскадрон, рота самокатчиков и артиллерийская батарея.

В район Влодава-Отховок:

Прибыли до трех пехотных, одного кавалерийского и двух артиллерийских полков.

В район г. Холм:

Прибыли до трех пехотных, четырех артиллерийских и одного моторизованного полков, кавполк и саперный батальон. Там же сосредоточено свыше пятисот автомашин.

В район Грубешув:

Прибыли до четырех пехотных, один артиллерийский и один моторизованный полки и кавэскадрон.

В район Томашув:

Прибыли штаб соединения, до трех пехотных дивизий, и до трехсот танков,

В район Пшеворск-Ярослав:

Прибыли до пехотной дивизии, свыше артиллерийского полка и до двух кавполков. <...>

Сосредоточение германских войск вблизи границы происходило небольшими подразделениями, до батальона, эскадрона, батареи, и зачастую в ночное время.

В те же районы, куда прибывали войска, доставлялось большое количество боеприпасов, горючего и искусственных противотанковых препятствий.

В апреле усилились работы по строительству укреплений. <...>

За период с 1 по 19 апреля германские самолеты 43 раза нарушали государственную границу, совершая разведывательные полеты над нашей территорией на глубину до 200 км.

Большинство самолетов фиксировалось над районами: Рига, Кретинга, Тауроген, Ломжа, Рава-Русская, Перемышль, Ровно.

Приложение: схема.

*Народный комиссар
внутренних дел СССР Берия»*

А вот извлечения из записки Берии № 1798/Б от 2 июня 1941 года. В записке, направленной лично Сталину, в частности, говорилось:

«...Пограничными отрядами НКВД Белорусской, Украинской и Молдавской ССР добыты следующие сведения о военных мероприятиях немцев вблизи границы с СССР.

В районах Томашов и Лежайск сосредоточились две армейские группы. В этих районах выявлены штабы двух армий: штаб 16-й армии в местечке Улянув... и штаб армии в фольварке Усьмеж... командующим которой является генерал Рейхенау (требуется уточнения).

25 мая из Варшавы... отмечена переброска войск всех родов. Передвижение войск происходит в основном ночью.

17 мая в Тересполь прибыла группа летчиков, а на аэродром в Воскшенице (вблизи Тересполья) было доставлено сто самолетов. <...>

Генералы германской армии производят рекогносцировки вблизи границы: 11 мая генерал Рейхенау – в районе местечка Ульгувек... 18 мая – генерал с группой офицеров – в районе Белжец... 23 мая генерал с группой офицеров... в районе Радымно.

Во многих пунктах вблизи границы сосредоточены понтоны, брезентовые и надувные лодки. Наибольшее количество их отмечено в направлениях на Брест и Львов. <...>

Кроме того, получены сведения о переброске германских войск из Будапешта и Бухареста в направлении границ с СССР... <...>

Основание: телеграфные донесения округов.

*Народный комиссар
внутренних дел СССР Берия»*

Пятого июня 1941 года Берия направляет Сталину записку № 1868/Б:

«Пограничными отрядами НКВД Украинской и Молдавской ССР дополнительно (наш № 1798/Б от 2 июня с.г.) добыты следующие данные:

По советско-германской границе

20 мая с.г. в Бяло-Подляска... отмечено расположение штаба пехотной дивизии, 313-го и 314-го пехотных полков, личного полка маршала Геринга и штаба танкового соединения.

В районе Янов-Подляский, 33 км северо-западнее г. Бреста, сосредоточены понтоны и части для двадцати деревянных мостов. <...>

31 мая на ст. Санок прибыл эшелон с танками. <...>

20 мая с аэродрома Модлин в воздух поднималось до ста самолетов.

По советско-венгерской границе

В г. Брустура... располагались два венгерских пехотных полка и в районе Хуста – германские танковые и моторизованные части.

По советско-румынской границе

<...> В течение 21–24 мая из Бухареста к советско-румынской границе проследовали: через ст. Пашканы – 12 эшелонов германской пехоты с танками; через ст. Крайова – два эшелона с танками; на ст. Дормэнэшти прибыло три эшелона пехоты и на ст. Борщов два эшелона с тяжелыми танками и автомашинами.

На аэродроме в районе Бузеу... отмечено до 250 немецких самолетов. <...>

В Дорохойском уезде жандармские и местные власти предложили населению в пятидневный срок устроить возле каждого дома бомбоубежище.

Генеральный штаб Красной Армии информирован.

Основание: телеграфные донесения округов.

Народный комиссар

внутренних дел СССР Берия»

Это – лишь три из многих советских предвоенных разведывательных документов, и они вполне однозначно тревожны. Абвер же, хотя в советские приграничные округа – Прибалтийский, Западный и Киевский особые – тоже прибывали новые части, наполнить свои разведсводки *тревожным* звучанием не мог. Для тревоги не было объективных оснований. А специально изобретать фальшивки о мнимой агрессивности Сталина у Канариса к весне 1941 года нужды не было – Гитлер и так решил ударить.

Но решил он так не в последнюю очередь благодаря дезинформации Канариса иного рода, намеренно занижавшей военный и экономический потенциал СССР.

К слову... Насколько я помню, в одной из своих книг (если не ошибаюсь, в «Самоубийстве») Владимир Резун заявляет, что Гитлера-де подталкивало к войне с нами его окружение. Конечно, экс-майору Резуну – креатуре «Интеллиженс сервис» – важно выгородить другую креатуру «Интеллиженс сервис» – адмирала Канариса и распределить фактически единоличную ответственность англо-американского агента влияния Канариса за провоцирование Гитлера *на все окружение* фюрера.

Но кто мог влиять на фюрера подобным образом?

Гесс? Он не был авторитетом для фюрера в военных вопросах, как и Гиммлер, Геббельс, Борман.

Геринг – на этот счет есть надежные свидетельства – войны с Россией опасался.

Что уж говорить о генералитете, который фактически поголовно относился к идее такой войны скептически, как и экономическое руководство рейха?

Нет, важнейшую роль сыграли провокации Канариса, предпринимаемые им по указанию Вашингтона и Лондона, которым крайне важно было стравить Россию и Германию именно в 1941 году. Но вина Канариса за расширение масштабов войны имеет подчиненное значение по отношению к вине за раздувание военного пожара двух англосаксонских «демократий». А это выставляет их перед историей не в лучшем виде.

Вот, судя по всему, и получает экс-майор Резун задание по мере сил обелить адмирала от разведки, обеляя тем самым и страну своего нынешнего пребывания, как и ее «старшего брата» из-за океана.

Но, как уже сказано, Гитлер и сам склонялся к войне. Можно вспомнить, например, в качестве иллюстрации, послевоенные признания бывшего советника германского посольства в Москве Густава Хильгера. В своих мемуарах он писал, что в последние недели перед войной

работа посольства утратила смысл – Берлин перестал интересоваться отчетностью, и лично Хильгер убивал время в чтении и дискуссиях с послом Шуленбургом.

Предлагаю почитателям автора «Ледокола» самим хорошенько поразмышлять над сказанным выше, не очень-то доверяясь «открытиям» «кумира». Возможно, тогда им станет понятно, что идея превентивной войны СССР против Германии – особенно для конкретного 1941 года – была глубоко порочной со всех точек зрения: геополитической, политической, военно-политической, военной, экономической и даже с моральной, хотя последнюю точку зрения в разумной государственной политике учитывать удается далеко не всегда.

В геополитическом отношении СССР в результате превентивного удара отнюдь не улучшал своих позиций. К лету 1941 года фактически бескровно и без серьезных военных действий, если не считать финской кампании, Советский Союз уже вышел на естественные геополитические рубежи, вернув в состав Российского Геополитического пространства Западную Украину, Западную Белоруссию, Прибалтику, Бессарабию и старые российские территории, переданные Александром I в состав Великого княжества Финляндского в начале XIX века. Кроме того, СССР включил в свой состав Северную Буковину. То есть геополитические задачи к лету 1941 года были решены без большой войны.

В политическом и военно-политическом отношении СССР в случае превентивной войны с Германией добровольно переходил из выгодного по тем временам положения нейтральной невоюющей страны, сохраняющей для себя широкие возможности внешнеполитического маневра, в сомнительное и опасное положение воюющей страны. Причем опасность для России таилась не только в возможности ее неуспеха в войне с Германией. Единоличный успех в войне с Германией в 1941 году был для СССР не менее опасен. Позднее я подробно поясню, что имею в виду.

Кроме того, превентивный удар делал бы СССР агрессором, чего Сталин не желал допустить никак.

В чисто военном и военно-техническом отношении превентивная война СССР с Германией означала бы в 1941 году авантюру в силу неполной готовности РККА, находящейся в 1941 году в стадии активного перевооружения и реформирования. Все это достаточно хорошо известно, и я здесь сошлюсь на один лишь представительный пример, однажды уже мной приводившийся. Будущий дважды Герой Советского Союза генерал армии Дмитрий Данилович Лелюшенко весной 1941 года был назначен командиром 21-го механизированного корпуса, который предстояло сформировать в составе двух танковых и одной мотострелковой дивизии. По штату корпус, дислоцировавшийся на юго-западе Псковской области на даугавпилсском направлении, должен был иметь 1031 танк разных марок. В наличии же имелось 98 БТ-7 и Т-26. Новые тяжелые танки КВ и новые средние танки Т-34 в корпус только начинали поступать. В конце мая 1941 года Лелюшенко имел в Москве разговор с начальником Главного автобронетанкового управления РККА генерал-лейтенантом Федоренко. В ответ на вопрос комкора Лелюшенко о том, когда придут танки, Федоренко сказал: «Не волнуйтесь! По плану ваш корпус должен быть укомплектован полностью в 1942 году».

Ситуация с 21-м мехкорпусом была типичной. Так что, выходит, Сталин предполагал вначале ударить по Гитлеру в июле 1941 года неуккомплектованными корпусами, выиграть с неуккомплектованными корпусами превентивную войну, а уж затем – в 1942 году, уже в местах новой дислокации корпусов в Восточной Пруссии, под Берлином, в районе Мюнхена и т. д., полностью укомплектовать корпуса-победители новой техникой?

Абсурд?

Пожалуй...

Но именно этот вариант вытекает из сценария «Суворова» и остальных «суворовцев». Хотя всего одна фраза из рассекреченной в 1990 году стенограммы Совещания высшего руководящего состава РККА 23–31 декабря 1940 года полностью опровергает измышления «суво-

ровцев»-«резуновцев». Собственно, их опровергают и все остальные материалы этого совещания, но я приведу лишь одну фразу из доклада все того же Якова Николаевича Федоренко:

«Особенная трудность в 1941 году будет заключаться в том, что целый ряд танковых соединений не получит материальной части и придется учиться на минимальном количестве материальной части».

Это ведь был доклад народному комиссару РККА за полгода до, как оказалось, реальной войны, доклад «без дураков», не на публику – совершенно секретный. И где же здесь изобретенная Резуном готовность бронетанковых соединений Красной Армии к «автострадным» рейдам по имперским автобанам и итальянским автострадам в 1941 году?

Ну, сколько же еще легковёрный читатель будет верить резуновской галиматье?

В экономическом отношении превентивная война против Германии в 1941 году была для СССР тоже нерациональной. Она лишала нас очень нужных поставок промышленного оборудования, которое мы должны были получить из Германии и получали, хотя реально получали и со скрипом – Гитлер-то войну должен был начать вот-вот, и это сказалось на темпе поставок. Однако они были, эти поставки. И главное – на них в СССР рассчитывали.

В доказательство абсурдности заявлений об агрессивности Сталина в 1941 году можно привести еще множество данных, часть которых имеется в моих предыдущих книгах, а также в книгах многих отечественных и западных, в том числе и немецких, авторов. В этом отношении интересна, например, уже давняя книга «От Брест-Литовска до «Барбароссы» западногерманских историков Ф. Круммахера и Г. Ланге. Они признают, что в 1941 году Красная Армия не была готова даже к обороне, не то что к наступлению.

Надеюсь, сказанного здесь достаточно для того, чтобы решительно отставить в сторону версию о сталинском замысле превентивного удара по Германии летом 1941 года.

Тем не менее перед нами стоит задача анализа и невероятного варианта прошлого. Поэтому спросим себя: «А как все было бы, если бы Сталин, все же, ударил? И ударил так, как это описано у Виктора Суворова и ряда других «суворовцев», то есть неожиданно для немцев и превентивно – в 1941 году?»

Что ж, поразмышляем, начав с краткого анализа еще одной версии «суворовского» пошиба, то есть с утверждения нового «соратника» Владимира Резуна – Марка Солонина, о том, что при любом развитии событий, в том числе и в случае упреждающего удара РККА, Красную Армию ожидал бы в 1941 году только разгром, потому что командование РККА сверху донизу было бездарно, а красноармейцы за «тирана Сталина» воевать не хотели.

Забавно, что по «Суворову»-Резуну все обстояло бы наоборот – превентивный удар Сталина по Гитлеру летом 1941 года означал бы, по уверениям Резуна, быстрый разгром Третьего рейха. Солонин утверждает обратное, но при этом удостоивается комплиментов Резуна.

Я уже анализировал «открытия» и Резуна, и Солонина в своей книге «10 мифов о 1941 годе» и здесь разберу только один пассаж Солонина. Он сообщает цифры потерь (в процентах) боевой техники и автомашин летом 1941 года, и на том основании, что потери танков, артиллерии и т. д. превышали потери автотранспорта чуть ли не вдвое, делает примерно следующий «глубокомысленный» вывод. Мол, на танке, а уж тем более – на пушке, далеко не уедешь, да и стрелять из них надо, а это задерживает бегство в тыл и осложняет его. А на самой плохонькой «полуторке» можно быстро отмахать сотню-другую километров в сторону, от фронта противоположную. Вот и бросали-де красноармейцы танки, не желая-де на них «защищать тирана». Зато автомашины – нет, не бросали. Они на них драпали от немцев. Потому, мол, машин и сохранилось намного больше, чем танков.

«Аналитики» типа Солонина «забывают» при этом, что войсковой автомобильный транспорт хотя и участвует *в обеспечении* боевых действий и тоже несет потери, но *непосредственно* в боевых действиях – в отличие от танков, самолетов и артиллерийских орудий – не участвует. Поэтому и потери автотранспорта, даже с учетом потерь подвижных средств мотопехоты, объективно оказываются меньшими, чем потери боевой техники.

По «логике» Солонина наименьшие потери должны были бы иметь советские ВВС. Если уж на «эмке» или «полуторке» можно было быстро удрать в тыл, то на самолете это можно было сделать раз в десять быстрее. Однако советские летчики с первого дня войны воевали, а не дезертировали. И ряд негативных примеров – не измены, а бестолковщины и разгильдяйства части авиационных командиров – общего вывода о героическом поведении советских ВВС не отменяет.

Вот, собственно, все об измышлениях Солонина.

Но как могли бы развиваться виртуальные события в 1941 году в случае упреждающего, превентивного удара РККА? Развиваться не «по Суворову», не «по Солонину», а с учетом объективно имевшихся факторов и обстоятельств?

Надо сказать, что вопрос интересен. И лично для меня он интересен, тем более что над этой стороной проблемы я никогда ранее не задумывался, всегда понимая, что сообщения о якобы агрессивных планах Сталина в 1941 году, сорванных-де упреждающим ударом Гитлера, – всего лишь жалкие и грубо сляпанные измышления. Но, оказывается, и провокации резунов могут сослужить хорошую службу, если рассматривать их как отправные точки для новых, вполне взвешенных и исторически корректных размышлений. Ведь для полного и всестороннего анализа ситуации 1941 года полезно не провокационным, не клеветническим, не «чернушно»-пропагандистским образом, а объективно рассмотреть возможные последствия превентивного удара СССР по Германии летом 1941 года.

При этом я не склонен жонглировать номерами частей и соединений, заниматься играми «в солдатики» на картах, двигая туда или сюда механизированные корпуса и пехотные дивизии, и строить из себя великого полководца, как это делают сегодня ряд историков, резво пишущих о той войне, но вряд ли знакомых с армейской практикой даже в объеме курса молодого бойца.

Давно сказано, что «каждый мнит себя стратегом, видя бой со стороны», но сегодня подобных «стратегов» развелось так много, что, в дополнение к бессмертным строчкам Шота Руставели, хочется не в рифму, но по существу прибавить: «Особенно тогда, когда «стратеги» видят бой не просто со стороны, а с приличного исторического отдаления, зная и ход бывших боевых действий, и точную дислокацию войск, и обстановку на картах, и конечные результаты отдельных операций и кампании в целом».

Тогда легко быть Македонским, Морицем Саксонским и Наполеоном с Мольтке, вместе взятыми.

Все же, не изображая из себя квалифицированного генштабиста, в качестве исходного тезиса рискну заявить, что построение наших войск к лету 1941 года было предпочтительнее для активной обороны с переходом в контрнаступление, чем для превентивного наступления. Дислокация же частей и соединений Вермахта была в этом отношении прямо противоположной – это была дислокация превентивного удара. Поскольку немецкие авторы, писавшие о

Второй мировой войне после окончания этой войны, знали, у кого «рыльце в пушку», они особенно не упирали на анализ исходной дислокации войск по обе стороны границы. Зато в «Россиянин» появился ряд авторов, которые усмотрели в сосредоточении в Белостокском выступе большинства механизированных корпусов Западного особого военного округа доказательство их изготровки к превентивному удару по немцам. Об этом пишет, например, Борис Шапталов в своей удивительно необъективной книге «Испытание войной».

Однако сложившаяся к 1941 году конфигурация советско-германской границы с двумя выступами в районе Белостока и Львова благоприятствовала скорее фланговым ударам Вер-

махта по РККА, чем фланговым ударам РККА по Вермахту. Всегда удобнее наступать по сходящимся, чем по расходящимся направлениям.

Здесь, пожалуй, уместно вспомнить ситуацию, сложившуюся на советско-германском фронте к лету 1943 года в районе Курского выступа. Советские войска изготовились тогда к стратегической обороне против Вермахта, готового бить под основание «выступа» с флангов. В 1943 году события развернулись для немцев не так, как в 1941 году, но сам их замысел основного стратегического удара лета 1943 года в виде наступления по двум сходящимся направлениям доказывает как раз то, что было сказано выше, то есть – объективно оборонительную ситуацию для РККА летом 1941 года.

Впрочем, при всем при этом возможности для нашего успешного превентивного удара по немцам в 1941 году имелись, конечно же, немалые. И, не вдаваясь в возможное развитие событий так, как это делают не только литературные «полководцы», но и – по долгу службы и профессии – профессиональные военачальники на картах командно-штабных и полевых учений, можно дать исходно успешную оценку той ситуации, которая могла бы стать результатом превентивного удара РККА летом 1941 года.

Но – лишь исходно успешную, поскольку на устойчивый стратегический, а тем более – геополитический успех мы в результате превентивного удара по Германии рассчитывать не могли.

Что мы могли получить и чего могли достигнуть в ходе такого удара?

Скорее всего, первоначальный серьезный успех Красной Армии был бы обеспечен. Ведь войска, двинутые в бой по заранее отданному приказу, и войска, поднятые по тревоге для отражения неожиданного нападения, – это два принципиально разных состояния вооруженных сил.

Реально летом 1941 года Красная Армия оказалась в массе своей во втором положении. Почему вышло так, я сейчас говорить не буду, отметив лишь, что не Сталин в том виноват. Но сейчас мы рассматриваем *более веселый* для РККА, хотя и виртуальный, вариант – наш тщательно спланированный превентивный удар летом 1941 года.

Что ж, многое в этом более выгодном для нас варианте является однозначным и бесспорным, особенно – в части авиации и танков.

Так, не приходится спорить, что при превентивном ударе Красной Армии те примерно 800 самолетов, которые мы в первый же день реальной войны потеряли на аэродромах, взлетели бы в воздух вовремя – в указанный Сталиным час – и нанесли бы немцам немалый урон в воздушных боях с истребителями Люфтваффе и в бомбовых ударах по наземным целям. И это ведь – дополнительно к тем тысячам наших самолетов, которые после реального 22 июня 1941 года уцелели.

Несколько тысяч танков, потерянных нами в первые недели реальной войны без соответствующего урона для немцев, также нанесли бы по соединениям Вермахта, не ожидающим русского нападения, более эффективные удары, чем это вышло на деле после 22 июня 1941 года. Теперь ведь не танковые «клинья» немцев рвались бы на восток, а танковые «тараны» Красной Армии проламывали бы позиции немцев на западе.

Не были бы захвачены немцами и огромные военные запасы, сосредоточенные в приграничных округах, не попали бы к немцам несколько миллионов винтовок, нехватка которых очень сказалась в реальном 1941 году. К слову, их странное сосредоточение в особых приграничных округах скорее доказывает – вопреки толкованию «Суворова» – наличие в РККА и в 1941 году неразоблаченных «тухачевцев» и троцкистов, чем агрессивные намерения Сталина.

Ведь если бы Сталин решил ударить, миллионы винтовок не хранились бы на складах, а повисли бы – за считанные-то недели до удара – на ружейных ремнях за спинами пехотинцев. И уж, во всяком случае, эти винтовки находились бы во внутренних округах, которые должны были дать наибольшее количество призванных резервистов и новобранцев. А вот если

Сталин удар не готовил, а в руководстве РККА, в Госплане СССР, в Совнаркоме оставались так и не выявленные враги Советской власти (которые там, увы, оставались), то складировать миллионы (!) единиц стрелкового оружия поближе к местам превентивного удара немцев было мерой, для «пятой колонны» разумной.

Мы сейчас рассматриваем геббельсовско-резуновскую версию, в соответствии с которой Сталин готовился ударить, и ударил. Что ж, если бы Сталин ударил, эти винтовки нам тоже оченьгодились бы и тоже сыграли бы свою положительную роль, как и те запасы военного имущества и горючего, которые были бы использованы нами в собственном превентивном ударе, а не достались немцам в ходе их превентивного удара.

И Берлин с Данцигом в случае нашего превентивного удара можно было бы бомбить не с балтийских островов на пределе радиуса, а с аэродромов на занятой в ходе наступления польской территории, что было бы для подчиненных полковника Преображенского намного эффективнее и проще.

И обильные трофеи в первые же дни войны подсчитывали бы, надо полагать, не немцы, а мы...

То есть в идее превентивного удара РККА по Вермахту летом 1941 года были, казалось бы, свои достоинства. Но в целом эта идея была, как уже сказано, порочной и глупой со всех точек зрения.

Присмотримся к невероятной, но теоретически допущенной нами версии превентивного удара СССР по рейху внимательнее. Что мы увидим?..

Полнокомплектные советские ВВС, не горящие на земле, а наносящие удары по врагу? Воздушные бои и воздушные удары?

Да...

Но все это не дало бы нам ни решающего преимущества, ни господства в воздухе. Превентивный удар советских ВВС по Люфтваффе лишь уменьшил бы преимущество немцев, но чуда не произошло бы. Самолеты советских ВВС и в превентивном ударе были бы теми же, что и были, то есть – в массе своей или старыми, или новыми, но еще толком не освоенными, а с точки зрения технической надежности – не приработанными.

Напомню, что наши тогдашние новые пушечные истребители Як-1 и ЛаГГ-3 не превосходили новые немецкие истребители, а МиГ-3 имел лишь пулеметное вооружение. При этом налет на самолетах новых марок Як-1, МиГ-3, ЛаГГ-3, Ил-2, Пе-2 у многих летчиков составлял менее 10 часов.

Немецкий летный и технический состав были подготовлены не в пример серьезнее, да и массовый боевой опыт был принципиально большим тогда у немцев.

Примерно таким же оказывалось положение летом 1941 года в бронетанковых войсках РККА. Да, с той массой танков, которую мы имели к лету 1941 года, можно было, казалось бы, получить в превентивном ударе серьезные преимущества. Однако реально и здесь мы решающего перевеса не получили бы. Старые танки были нередко изношены. Новые танки были мало освоены и еще ненадежны. Так, тяжелые танки КВ в 1941 году чаще терялись из-за поломок на марше, чем в боях.

На старых танках, как правило, не было радиации, как и на старых истребителях. Поэтому успех превентивного удара ВВС и танковых соединений РККА мог стать в 1941 году лишь тактическим или оперативным. Иными словами, он не стал бы решающим, стратегическим.

Ведь за считанные недели новую технику должным образом не освоишь, некомплект ее быстро не восполнишь. Ходовая часть КВ от того, что они были бы брошены в бой не для отражения чужого удара, а в развитие собственного превентивного, надежней не стала бы.

И танкисты с летчиками от того, что они ударили бы первыми, опытней не были бы. А радиации на старые танки и самолеты не смог бы поставить в одночасье даже великий виртуальный «полководец» «Виктор» «Суворов».

То есть даже в случае превентивного удара РККА летом 1941 года ни о каком победном шествии к Берлину на «быстроходных» «автострадных» танках «конструкции» «Суворова» речи быть не могло. Общий потенциал РККА 1941 года подобный успех обеспечить не мог даже при самом удачном развитии событий.

Я сейчас пишу всего лишь статью в очередной военно-исторической сборник издательства «Яуза» и не могу приводить развернутую, объемную фактографию, относящуюся к весне и лету 1941 года, поэтому просто отсылаю заинтересованного читателя к, например, двум неплохим советским монографиям, изданным достаточно массовым тиражом – 50 000 экземпляров каждая.

В коллективном труде «Начальный период войны» (Воениздат, 1974, под общей редакцией генерала армии С.П. Иванова) анализу начала Великой Отечественной войны отведено не так уж много места, но имеются интересные сведения и рассуждения о подготовке к войне и о ведении Второй мировой войны всеми великими военными державами, в том числе и СССР.

В частности, там сообщается, что весной 1941 года Генеральный Штаб РККА разработал план обороны государственной границы, на основе которого каждый из приграничных военных округов должен был разработать свой конкретный план боевых действий и представить его на утверждение в Генеральный штаб. Такие планы были разработаны и с 5 по 20 июня 1941 года поступили в Генштаб на утверждение.

Как видим, план *обороны* был тщательно и детально проработан на всех уровнях, в отличие от тех тезисных и наступательных по сути «Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза» от 15 мая 1941 года, которые были написаны А.М. Василевским от руки, никем не утверждены, но которыми Резун и его «суворовцы» размахивают на всех углах как доказательством якобы готовности СССР к превентивному удару в июле 1941 года.

Монография 1977 года «Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» под общей редакцией генерала армии С.К. Куркоткина во многих отношениях уникальна по сей день, и в ней приводится вполне обильная и доказательная статистика, которая также подтверждает, что в 1941 году о готовности РККА к ведению инициативных наступательных действий в стиле превентивного удара говорить не приходилось.

Соответственно, не приходилось говорить и об оглушительно успешных результатах такого удара.

Их не было бы!

А что было бы?

Скорее всего, после первых, в лучшем случае – оперативных, наших успехов противостояние перешло бы в фазу затяжных боев, ведущихся с переменным успехом.

Эти бои были бы взаимно тяжелыми и взаимно истощающими. При этом, с учетом всех объективных преимуществ Вермахта в 1941 году, он, оправившись от первых неудач, мог бы двинуть линию фронта вспять – на Восток. И дойти если не до Волги, то – до Днепра.

Войну против России Гитлер все равно, конечно, не выиграл бы и в этом случае. Он мог стать победителем лишь в союзе с Россией против англосаксов. Однако положение СССР с любой точки зрения оказалось бы сложным. Превентивный удар РККА в 1941 году не привел бы ни к триумфальному рывку «автострадных» танков конструкции «Виктора» «Суворова» к Берлину, ни к быстрому разгрому Третьего рейха. Не привел бы он и к краху и разгрому Советских Вооруженных Сил. Скорее всего, ситуация оказалась бы межеумочной – в силу неумного нашего решения на превентивный удар, и ее развитие тоже было бы межеумочным. Превентивным ударом Сталин не решил бы назревшие внешнеполитические и военно-политические проблемы, а просто перевел бы их в дурацкую плоскость.

И вот почему...

Если бы в 1941 году Сталин поставил бы себя в положение формального агрессора, а Гитлер оказался бы в 1941 году формальной жертвой советской агрессии, мировая военно-политическая ситуация могла бы развиваться для СССР не лучшим образом.

Для фюрера она оказывалась в любом случае проигрышной. Но и для СССР она была бы в случае первого удара СССР очень сложной для нас и неблагоприятной. И чем большим был бы наш успех в превентивном ударе, тем большей опасности мы бы подвергались.

И ничего парадоксального в этом не было бы – если знать подоплеку тогдашней мировой ситуации.

Вторая мировая война была задумана и спланирована в Вашингтоне задолго до того, как она началась. Собственно, она была запрограммирована «мирным» Версальским договором 1919 года. И ожидаемым результатом планируемой войны должно было стать взаимное истощение России и Германии, а как следствие этого – безраздельный мировой диктат США с Англией и Францией в качестве «пристяжных» при заокеанском «кореннике».

В соответствии с заокеанским планом войны, Гитлера надо было провоцировать против СССР так, чтобы добиться удара Гитлера по России. В идеале рейх и СССР должны были взаимно обессилить себя, после чего США пришли бы в Европу как абсолютная решающая сила. Менее удобным, но приемлемым для США вариантом был бы полный разгром рейхом Советской России. Тогда США пришлось бы провести в Европе победоносную войну против рейха почти единолично, то есть – с большими людскими и материальными потерями. Но это было бы не очень-то критично для капиталистической элиты США – *электорат* США обеспечил бы как воспроизводство людских резервов, так и финансирование дополнительных военных расходов.

А вот вариант стратегического успеха СССР в 1941 году для Запада, для США, для мировой Золотой Элиты был бы абсолютно неприемлем.

Рассмотрим два варианта. Первый – близкий к «резуновскому». Красная Армия в результате превентивного удара продвигается в глубь Польши и подходит к границам рейха. Бои взаимно тяжелы, но есть шанс на нашу окончательную победу в 1941 году.

Второй, вскользь уже упомянутый вариант – возвратное продвижение Вермахта после нашего натиска до линии, например, Нарва – Днепр от Смоленска до Киева – Одесса. Здесь линия фронта могла стабилизироваться до весны 1942 года, после чего было бы более чем вероятным наше успешное и победное наступление до Берлина – ведь к кампании 1942 года в этом случае Красная Армия получила бы качественно и количественно иной военно-технический облик, а Вермахт был бы примерно тем же, то есть – качественно более слабым, чем РККА.

Все это время англичане не вели бы серьезных действий против рейха, зато при обозначившемся стратегическом успехе РККА были бы почти неизбежными мирные переговоры немцев с англичанами и заключение мира.

Причем это был бы не сепаратный мир, потому что в рассматриваемом нами варианте СССР не был бы союзником англосаксов.

Иными словами, единоличный успех в превентивной войне против Германии был бы для СССР не менее опасен, чем провал такой акции.

Как уже было сказано выше, для англосаксов, и прежде всего для США, были приемлемы лишь два варианта.

Первый, идеальный – рейх разбивает СССР, истощив при этом себя. Затем США легко побеждают немцев.

Второй, допустимый – рейх разбивает СССР, оставаясь вполне сильным, но недостаточно сильным для того, чтобы выиграть войну против США в союзе с Англией. Затем США обеспечивают себе победу, приложив для того немало усилий.

Вариант же разгрома рейха силами одной лишь победоносной и крепнущей России был для США абсолютно неприемлем и недопустим. И поэтому, если бы наши успехи виртуального 1941 года вели бы нас в Берлин, англосаксы не только мгновенно свернули бы свое противостояние с рейхом, но и, весьма вероятно, блокировались бы с ним для борьбы с «большевистским нашествием».

Да, все это было бы реальным, потому что в случае превентивного удара по немцам Россия имела бы репутацию агрессора, а наше продвижение в Европу немедленно консолидировало бы все антикоммунистические силы Европы – от Финляндии и Англии до вишистской Франции, Венгрии, Румынии, Италии и так далее.

Вспомним, как хотелось, но очень уж кололось, англосаксам заключить сепаратный мир с немцами даже в начале 1945 года! И причина была одна – страх перед приходом в Европу «Советов» и боязнь «советизации» Европы. Ведь антинацизм Запада был вынужденным, а антикоммунизм, антисоветизм и русофобия – врожденными, органически Западу свойственными.

Черчилль даже летом 1945 года держал в Норвегии неразоруженную (!) полумиллионную (!!) германскую армию. Держал на всякий случай, но однозначно – против русских, бывших в 1945 году юридически союзниками Англии.

Что уж говорить о таком варианте 1941 года, когда не генерал Гудериан рвался бы к Москве, а генерал Павлов – к Берлину, и мы при этом не были бы союзниками бриттов?

Да Черчилль тут же стал бы лучшим другом фюрера!

Чаще всего забывается, но зря забывается, что США, Англия и Франция во время советско-финской войны 1939–1940 годов были на грани вступления в войну с СССР на стороне финнов, что эти страны инициировали тогда исключение СССР из Лиги Наций и фактически прервали с нами дипломатические отношения. А весной 1940 года англичане и французы все-таки планировали воздушные удары по Баку, а затем – и наземные операции.

В случае виртуальных «европейских» побед РККА в 1941 году эти планы могли бы получить новое наполнение и реализоваться. А после таких ударов союзники могли бы заключить с Германией мир и ударить по СССР при координации своих действий с немцами.

И плохо бы нам было тогда после всех «автострадных» успехов «стратега» Резуна.

Итак, подводя итог нашему анализу, можно сделать следующие основные выводы.

1. Тезис о подготовке Сталиным первого удара по рейху летом 1941 года полностью антиисторичен, провокационен и лжив. Такой удар был невероятен с любой точки зрения, в том числе в силу его полной нецелесообразности для СССР в ситуации 1941 года.

2. Рассмотрение тезиса о возможности превентивной войны СССР против Германии в 1941 году допустимо лишь для полноты анализа тогдашней ситуации.

3. Превентивный удар РККА в 1941 году не привел бы ни к триумфу, ни к разгрому советских Вооруженных Сил, а обусловил бы тяжелые бои с переменным успехом и вероятным перемещением их к осени 1941 года на территорию СССР до линии Днепра.

4. Рассматривая теоретическую ситуацию после превентивного удара СССР в 1941 году, можно сказать, что в 1942 году можно было бы ожидать вначале успешной для СССР весенней кампании 1942 года, однако развитие успеха могло бы привести к блокированию с рейхом всех антикоммунистических сил Европы, включая Англию, и к организации совместных военных действий против СССР при патронаже или даже прямом участии в европейской войне уже в 1942 году Соединенных Штатов Америки.

5. Совместная агрессия Запада и США против СССР, ставшая результатом превентивной войны 1941 года СССР против Германии, резко ухудшила бы наше стратегическое положение и втянула бы СССР в тяжелую и длительную войну, наиболее вероятным итогом которой стало бы изгнание агрессора с территории СССР, но не более того. Потенциал СССР как мировой державы был бы надолго подорван.

В целом можно сделать вывод, что после отказа Советской России от стратегического союза с националистической Германией наиболее рациональным для СССР оставался вариант обеспечения успеха в вероятной оборонительной войне в 1941 году и отказа от наступательной политики, по крайней мере, до полного перевооружения РККА в 1942 году.

Такое решение – на оборону в случае возможной войны – и было принято Сталиным на 1941 год реально.

Лишь откровенно агрессивные приготовления Германии вдоль советских границ и информация об этих приготовлениях разведки пограничных войск НКВД СССР, постоянно передаваемая Сталину наркомом Берией, побудили Сталина срочно активизировать нашу военную деятельность примерно с 18–19 июня 1941 года.

В коллизиях предвоенной ситуации 1941 года по сей день много неясного, но я неоднократно писал в своих книгах о том, что при ее анализе, и, особенно при анализе последней предвоенной недели, важнейшими реперными точками следует считать:

- нарастающий в течение апреля – июня 1941 года поток информации о масштабных приготовлениях немцев и концентрации их войск в приграничной полосе, получаемый от приграничных информаторов массовой разведки погранвойск НКВД СССР;
- постепенное осознание Сталиным готовности Гитлера начать войну уже летом 1941 года;
- предварительный политический зондаж Гитлера, предпринятый Сталиным в форме опубликования Заявления ТАСС от 13–14 июня 1941 года;
- окончательный политический зондаж Гитлера, предпринятый Сталиным 17 или 18 июня 1941 года в форме отклоненного Гитлером предложения немедленно направить в Берлин Молотова;
- организация Берией и руководством ВВС РККА 17 или 18 июня 1941 года, по поручению Сталина, полета вдоль границы командира 43-й истребительной авиадивизии ЗапОВО полковника Г.Н. Захарова для получения информации о ситуации по ту сторону границы со съемом информации в реальном масштабе времени силами погранвойск НКВД и немедленной передачей ее в Москву;
- решение, не позднее 19 июня 1941 года, Сталина о проведении срочных военных мероприятий, включая вывод командования Западного и Киевского Особых военных округов на фронтовые командные пункты.

Я об этом писал не раз, об этом же я говорил и в документальном фильме «Кто прощляпил начало войны?», снятом в 2008 году по моей концептуальной разработке ассоциацией «Наше кино» по заказу НТВ.

Да, многое еще не ясно до конца. Но уже можно сказать, что катастрофические события конца июня – начала июля 1941 года были обусловлены рядом таких объективных и субъективных причин, в том числе – просчетами высшего генералитета, которые позволяют снять лично со Сталина не только обвинение в намерении нанести летом 1941 года внезапный превентивный удар по Германии, но и обвинение его в ответственности за провалы начального периода войны.

Сталин не прогляпил начало войны. Однако для затронутой выше темы не менее важен тот неоспоримый факт, что Сталин летом 1941 года превентивной войны и не готовил – с любой точки зрения.

Александр Больных. Тильзитский тупик

Если говорить о планах превентивного удара Советского Союза по Германии в 1940-х годах, то можно заметить одну интересную особенность. С легкой руки британского историка (советского изменника Суворова) Резуна принято считать, что Гитлер опередил Сталина всего на какую-то пару недель, в результате чего война продлилась четыре кровавых года, вместо того чтобы закончиться за четыре недели. Этаким блицкриг по-советски. Но тогда следует, что Сталин выбрал чуть ли не самый неподходящий момент из всех возможных для нападения на Германию, специально дождавшись сосредоточения основных сил Вермахта на востоке. Зачем? Чтобы разгромить их «малой кровью, могучим ударом»? А где гарантия, что это получится? Полностью отмобилизованная, отдохнувшая армия – не тот противник, на котором следует проверять сомнительные идеи. Но не проще ли было попытаться достичь своих целей в более благоприятной обстановке?

Такая благоприятная обстановка складывалась для Красной Армии не один раз, причем всегда ключевым фактором можно было считать рассредоточенность немецких частей и соединений. Впервые мы видим подобную ситуацию в сентябре 1939 года во время так называемого «освободительного похода» в Польшу. К этому времени дивизии Вермахта были равномерно «размазаны» буквально по всей территории страны, изрядно потрепаны боями и маршами. Напротив, Красная Армия действовала сосредоточенными, компактными ударными группами, которые никаких боев не вели, так, мелкие локальные стычки, не более. Поэтому она имела все шансы перемолоть немецкие дивизии до того, как немцы сообразят, что именно началось. Имелся еще один дополнительный нюанс, работавший на Красную Армию. Знаменитые Панцерваффе пока еще не превратились в реальную силу, слаженность танковых дивизий была далека от идеала, а структура оказалась такой же громоздкой и неуклюжей, как и у нас. Но вот количество танков было сильно неравным, да и качество тоже. Поэтому шансы на успех были совсем неплохими, требовалась только внезапность.

Вторым, просто идеальным, периодом нужно считать июнь 1940 года, когда Вермахт увяз в боях во Франции. В этом случае предстояло смять лишь слабые кордоны, и совсем не требовалось дожидаться, пока немцы по уши увязнут в операции «Морской лев», тем более что они и не планировали переправлять в Англию все свои силы. Я считаю, что это была идеальная возможность воткнуть нож в спину Гитлеру, причем отразить этот удар у немцев не было никаких шансов. Танковые дивизии, которые пришлось бы перебрасывать из Южной Франции, в лучшем случае встретили бы советские мехкорпуса в районе Зееловских высот, и еще не факт, что сумели бы остановить их. По сути, такой вариант войны вылился бы в схватку между советскими танковыми войсками и Люфтваффе, вот пикировочные эскадры могли прибыть на Восточный фронт буквально через пару дней. При этом в условиях полной готовности советской авиации и ее численном превосходстве успех Люфтваффе совсем не выглядит гарантированным.

Но ведь нет же, приспичило почему-то дожидаться лета 1941 года, когда обстановка для подобного мероприятия стала чуть ли не наихудшей из всех возможных. И все-таки давайте попытаемся представить, как все могло сложиться, если поверить в мифическую дату 6 июля 1941 года. Мы предлагаем вам перевод отрывка книги известного американского историка Дэвида Гланца «Гроза без дождя» – «Dry Thunderstorm».

Раннее летнее утро где-то на территории Генерал-губернаторства... Вермахт продолжал готовиться к Восточной кампании, в частности штаб 41-го танкового корпуса прорабатывал график выдвижения частей к советско-германской границе и вел тоскливую переписку со штабом 77-й бомбардировочной эскадры, которая наотрез отказывалась поддерживать действия танков генерала Рейнгардта. Не помогло даже вмешательство командующего 4-й тан-

ковой группой Гёпнера, командующий 1-м воздушным флотом генерал-oberст Келлер стоял насмерть, утверждая, что имеет свои собственные задачи, которые выше и важнее поддержки какого-то там корпуса.

Но вся эта мирная бюрократическая идиллия разлетелась в прах, когда в 4 часа утра совершенно внезапно советские бомбы посыпались на мирно спящие немецкие аэродромы. 4-я и 6-я смешанные авиадивизии атаковали Линденталь, Тракенен и Блюменфельд, где базировались самолеты 54-й истребительной эскадры. Хотя советским самолетам пришлось пролететь над территорией, занятой германскими войсками, немцы просто не успели своевременно отреагировать, и все свелось к беспорядочной стрельбе зениток. По воспоминаниям одного из пилотов эскадры:

«Советские самолеты в первом же вылете нанесли сокрушительный удар по нашим авиационным частям на аэродроме Линденталь. Бомбы обрушились на истребители Me-109, выстроенные вдоль взлетной полосы перед своими укрытиями. Советские истребители сопровождения И-16 атаковали аэродромы вместе с пикирующими бомбардировщиками СБ-3 (так в тексте!) и уничтожили большую часть немецких самолетов на земле. Наши истребители, которым удалось взлететь, были сбиты на взлете или сразу после него».

Аэродромы, где базировались самолеты 1, 76 и 77-й бомбардировочных эскадр, пострадали меньше, хотя и там имелись потери. Замысел советского командования был очевиден: лишить группу армий «Север» воздушного прикрытия, после чего бомбардировщики, даже если они рискнут действовать самостоятельно, станут легкой добычей советских истребителей, а войска будут совершенно беззащитны перед атаками с воздуха. Напомним, что на всю 4-ю танковую группу были выделены только 133-й и 164-й зенитные полки.

Одновременно с ударом по аэродромам советские войска перешли границу почти на всем ее протяжении. Главный удар Северо-Западного фронта наносился как раз в полосе 41-го механизированного корпуса на левом фланге 4-й танковой группы. Как позднее стало известно, ударный кулак составляли части 12-го мехкорпуса Красной Армии. Не следует обольщаться фиктивным равенством сил: корпус против корпуса, в двух танковых дивизиях немецкого корпуса числились 390 танков, причем 160 из них были типа 35(t), а еще 90 – Т-II, то есть почти две трети машин в лучшем случае можно было считать ограниченно боеспособными. Зато в 12-м мехкорпусе числились 806 танков, конечно, следует вычесть отсюда непонятно каким образом затесавшиеся танкетки и музейные экспонаты, вроде FT-17, но все равно двукратное номинальное превосходство возрастает до пятикратного фактического, если еще вспомнить о пушечных бронеавтомобилях БА-10. К тому же пока еще немецкие части находились в основном в местах тыловой дислокации и лишь готовились к выдвижению в приграничную полосу. И, как мы уже отмечали, немцы были фактически лишены второго из своих главных козырей – авиационной поддержки.

В обстановке хаоса, воцарившегося после первого удара советской авиации, возникло естественное замешательство, перешедшее в легкую панику. Командующий 1-м воздушным флотом генерал-oberст Келлер приказал немедленно поднять разведчики и приготовить бомбардировочные эскадры, которые почти не пострадали, к ответному удару. Однако повторилось то же самое, что уже происходило в период Битвы за Англию. Столкнувшись с неприятными неожиданностями, немцы отреагировали на них далеко не лучшим образом. Самолет 11-й разведывательной группы «обнаружил» огромную танковую колонну, движущуюся в направлении Куссена. Келлер немедленно приказал самолетам 76-й и 77-й бомбардировочных эскадр атаковать эту колонну, в воздух были подняты около сотни бомбардировщиков Ju-88. Однако сведения разведчика оказались настолько неточными, что самолетам пришлось довольно долго

рыскать в поисках цели. Ударная группа развалилась на отдельные отряды, причем I группа 76-й эскадры нарвалась на советские истребители. Хотя Ju-88 был неплохим самолетом, но без истребительного прикрытия он превращался в удобную мишень. В считанные минуты были сбиты 5 самолетов, среди погибших оказался и командир группы капитан фон Зихарт. II группа 77-й эскадры сгоряча едва не отбомбилась по разворачивающимся подразделениям собственной 1-й танковой дивизии, катастрофу каким-то чудом удалось предотвратить в самый последний момент.

Развернутый в приграничной полосе 82-й разведывательный батальон 6-й танковой дивизии был моментально смят ударом советской 23-й танковой дивизии. Собственно, его командир только и успел сообщить, что принимает бой, после чего связь прервалась. Как позднее стало известно, 45-й танковый полк майора Тихоненко прошел через расположение немцев, не встретив никакого сопротивления. Позиции не были оборудованы, их попросту не существовало как таковых, уцелели лишь те, кто успел вовремя сдаться в плен.

Генерал Рейнгардт решил остановить наступление русских встречным ударом своих танковых дивизий, однако им требовалось некоторое время для подготовки. Бросать танки в наступление вслепую Рейнгардт не хотел. Одновременно он связался со своим соседом справа, командиром 56-го танкового корпуса генералом фон Манштейном. Однако тут же выяснилось, что у Манштейна масса собственных проблем, причем более серьезных. Завеса его корпуса также была смята, причем здесь русские ввели в дело тяжелые танки, против которых были бесполезны противотанковые орудия. Предусмотрительный Манштейн усилил передовую завесу ротой истребителей танков «Панцеръягер I», но эти легкие машины были просто передавлены советскими стальными монстрами. Поэтому Манштейн, не особо стараясь скрыть раздражение, посоветовал Рейнгардту самому разбираться со своими трудностями. Единственное, чего сумел добиться Рейнгардт, это обещания командира 77-й бомбардировочной эскадры подполковника Райтеля выслать две группы для атаки русских танков. Но Райтель сразу предупредил, что не может ничего гарантировать, так как связь со штабом истребительной эскадры нарушена, а он не желает посылать свои самолеты на убой, утренний вылет показал, насколько рискованным может стать вылет без сопровождения истребителей.

Как выяснилось буквально через пару часов, осторожность Райтеля была более чем обоснованной. Советская авиация нанесла повторный удар по немецким аэродромам, теперь были атакованы места базирования бомбардировочной авиации. Нельзя сказать, чтобы русские летчики бомбили очень точно, видимо, они полностью выложились в утренней атаке, но тем не менее на аэродромах Хейлингенбейля, Иезау и Вормдитта воцарился хаос. Опомнившиеся немецкие зенитчики вели интенсивный огонь и сбили около двух десятков самолетов, однако немедленный вылет, обещанный Райтелем, сорвался.

Зато самолеты 7-й смешанной авиадивизии буквально в порошок стерли поспешно брошенный навстречу русским авангард 6-й танковой дивизии. Генерал Ландграф выдвинул вперед то, что оказалось под рукой – II батальон 11-го танкового полка и роту истребителей танков. Опасаясь за судьбу своих главных сил, он задержал приданный дивизии батальон 411-го зенитного полка, результат получился ужасным.

«Нас атаковали десятки русских самолетов, они были буквально повсюду. Бомбы сыпались градом, во время первого же захода они накрыли голову колонны, и командир батальона погиб. Танки попытались свернуть с дороги, чтобы укрыться в соседней роще, но местность оказалась довольно топкой, и машины ползли буквально с черепашьей скоростью, превращаясь в отличные мишени. Особенно плохо пришлось истребителям танков, так как их расчеты были прикрыты только щитами. Русские истребители, идя на бреющем над самой дорогой, безжалостно расстреливали их из пулеметов. В результате атаки батальон понес очень тяжелые потери и был вынужден отступить, не выполнив задачи».

В общем, на фронте 4-й танковой группы сложилась очень неприятная для немцев ситуация. За день советские войска продвинулись в глубь немецкой территории на расстояние до 30 километров и при этом нигде не встретили серьезного сопротивления. Хуже всего было то, что 1-й воздушный флот, хотя и не был уничтожен, понес серьезные потери и был фактически парализован. Вечером две эскадрильи 76-й эскадры, откликнувшись на отчаянные призывы Манштейна, сумели разбомбить небольшую колонну советской 2-й танковой дивизии, но это не только не остановило, но даже серьезно не задержало русские войска. Их перевес в силах был слишком велик.

Ночью немецкие командиры попытались собрать сведения с различных участков фронта, чтобы прояснить ситуацию. Картина вырисовывалась самая мрачная. Русские уверенно наступали по всей линии границы, хотя продвижение было неравномерным. Стрелковые корпуса лишь перешли границу, оттеснив немецкие завесы, тогда как механизированные острыми клиньями врзались в расположение немецких войск, причем до сих пор оставалась не слишком понятной конечная цель их наступления. Самое же главное – перед генералом Гёпнером стояла практически неразрешимая проблема: как остановить русское наступление? Окопаться и закрепиться его войска не успевали, значит, оставался только встречный контрудар, но при колоссальном превосходстве русских в силах этот контрудар мог закончиться катастрофой. На помощь соседей рассчитывать не приходилось, так как соседняя 3-я танковая группа из группы армий «Центр» оказалась в еще более сложном положении. Огромные массы советских танков с Белостокского направления ударом на север – здесь направление определилось сразу – грозили отрезать группу Гота. Вообще было похоже на то, что советское командование готовило огромный котел, в котором должны были оказаться 3-я и 4-я танковые группы, 16-я армия и часть сил 9-й армии. Именно она попала под удар и разваливалась буквально на глазах, из ОКХ уже поступили требования отправить армейский резерв (моторизованную дивизию СС «Тотенкопф») на юг. Отступать к укреплениям в районе Кёнигсберга? Они, разумеется, выглядят грозно, но сумеют ли они сдержать удар танковой армады? А пока что, не занятые войсками, они и вообще бесполезны.

Генерал Келлер отчаянно пытался восстановить хоть какой-то порядок в своих эскадрах, что удавалось ему плохо. Относительную боеспособность сохранили 1-я бомбардировочная эскадра и несколько разведывательных групп. Келлер попытался было добиться у Геринга посылки подкреплений с Запада, но командование Люфтваффе гасило свой пожар. На центральном участке фронта положение складывалось вообще катастрофическое.

Словом, это была тяжелая ночь для генерал-oberста Гёпнера. И, словно мало было других неприятностей, русские ночью выбросили в немецком тылу несколько диверсионных групп парашютистов, которые устроили переполох на дорогах. Одна из таких групп даже атаковала штаб 8-й танковой дивизии как раз в тот момент, когда туда примчался командир корпуса Манштейн. Слава богу, рота охраны сумела отбить нападение, и Манштейн остался цел, но во время нападения погибли начальник штаба корпуса подполковник барон фон Эверфельдт и командир дивизии генерал Бранденберг, что еще больше увеличило замешательство.

После долгих колебаний Гёпнер решил действовать активно. 41-й корпус Рейнгардта должен был встретить русских ударом в лоб, в то время как 56-й корпус Манштейна должен был подрезать основание клина. Наступление в его полосе Гёпнер собирался остановить силами дивизии «Тотенкопф».

Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Рейнгардт сумел сосредоточить мобильные подразделения 1-й и 6-й танковых дивизий, однако корпусная артиллерия и 3-й зенитный полк, на которые возлагалась борьба с русскими танками, отстали. Поэтому волей-неволей, главной ударной силой становился 1-й танковый полк 1-й танковой дивизии, который

имел на вооружении танки Т-III, перевооруженные 50-мм пушками. Рассчитывать на остальные машины было просто несерьезно.

На рассвете немецкие танки двинулись вперед, однако тут же были встречены сокрушительным огнем русской противотанковой артиллерии. Как оказалось, вместе с 12-м мехкорпусом наступали 10-й стрелковый корпус и 9-я артбригада ПТО. За ночь советские командиры успели развернуть бригаду на направлении предполагаемого немецкого удара и замаскировать орудия. Поэтому поспешный и неподготовленный контрудар 1-й танковой дивизии оказался форменным самоубийством.

«Выдвижение войск для контрудара происходило в условиях, когда завесы первого эшелона танковой группы отходили под натиском противника... Дивизии 41-го механизированного корпуса еще при выдвижении на исходные рубежи подверглись сильному воздействию авиации врага. В районе Тильзита произошло неожиданное столкновение частей 1-й танковой дивизии с противником. Врагу удалось отрезать ее от 6-й танковой дивизии, и тем не менее полки этой дивизии все же смогли вовремя сосредоточиться для контрудара. Что же касается 6-й танковой дивизии, то ее части вышли в намеченные районы с опозданием на три часа, а часть ее сил оказалась связанной отражением танковых атак врага. Здесь же ожесточенные бои с противником вела и 269-я пехотная дивизия корпуса. Начало контрудара пришлось сдвинуть на три часа. Действия 41-го механизированного корпуса практически вылились во встречное сражение без должной подготовки».

Нарвавшись на массированный огонь противотанковых пушек и советских танков, 1-я танковая дивизия потеряла до 30 Т-III, после чего была вынуждена перейти к обороне, чтобы не допустить прорыва советских войск к Неману. Но когда во второй половине дня 7 июля советская 23-я танковая дивизия сама попыталась перейти в наступление, оно имело еще более катастрофические последствия. 144-й танковый полк был практически полностью уничтожен, его командир полковник Кокин погиб. После этого боя дивизия уже не могла считаться эффективной боевой единицей.

Главные события в этот день разыгрались на южном фланге образовавшегося выступа, где попытался наступать 56-й механизированный корпус Манштейна. К вечеру предыдущего дня немецкие войска были вытеснены за Неман, однако мосты через реку не взрывали «по обоюдному соглашению»: каждая из сторон надеялась использовать их для **своего** наступления. Именно над этими мостами рано утром разыгрался крупный воздушный бой. Генерал Келлер за ночь успел сколотить сводную истребительную группу «Храбак», куда вошли остатки 54-й эскадры. Эта группа прикрывала потрепанные, но все еще грозные 4 бомбардировочные группы 76-й и 77-й эскадр, направленные для атаки советских войск на фронты наступления 56-го корпуса. 1-я бомбардировочная эскадра прочно увязла в боях на приморском участке фронта. Келлер попытался выпросить у командования Люфтваффе хотя бы одну эскадрилью пикировщиков, но ему отказали наотрез. В полосе групп армий «Центр» и «Юг» дела обстояли еще хуже, и сейчас пикировочные эскадры пытались помочь 17-й армии отразить русское наступление в направлении на Люблин. Вообще, единственным участком, где обозначился хотя бы символический успех, был район Бреста, где 2-я танковая группа не только отразила первый удар русских, но и даже продвинулась на советскую территорию. Однако даже «Стремительный Гейнц» Гудериан начал колебаться, так как наступление его танков при отсутствии соответствующих ударов 3-й танковой группы Гота лишалось всякого смысла. Гудериан, наверное, мог продвинуться дальше, но это привело бы только к полной изоляции его группы. Поэтому 3-я танковая группа продолжала топтаться на месте. На южном участке фронта румынская 3-я армия, даже не вступив в бой, начала поспешный отход, обнажив левый фланг немецкой 11-й армии, которая сразу попала в крайне опасное положение.

Но когда немецкие самолеты прибыли в указанный район, выяснилось, что советское командование имело точно такой же замысел и бросило для атаки войск Манштейна 7-ю и 8-ю смешанные авиадивизии, усиленные 21-м авиаполком ПВО. Небо над Неманом превратилось в пылающую топку, тут и там его перечеркивали черные хвосты дыма, тянущиеся за подбитыми самолетами. Конечно, истребители Ме-109 превосходили по своим характеристикам старые советские И-16, но, втрое уступая в количестве, они ничего не могли сделать, ведь им еще была поставлена задача защищать свои бомбардировщики. В ходе этого воздушного сражения немцы потеряли до 20 истребителей и 50 бомбардировщиков, советские потери оказались примерно в полтора раза выше, и немцы могли бы быть довольными, если бы после этого остатки 54-й истребительной эскадры не растаяли, словно кусок сахара в кипятке. Бомбардировка позиций 3-го мехкорпуса тоже сорвалась. Советские бомбардировщики все-таки сумели атаковать 8-ю танковую дивизию, но налет получился слабым, и единственным результатом стал перенос начала немецкого наступления на два часа.

Войска Манштейна перешли Неман, причем наступлением руководил сам командир корпуса, сменивший погибшего командира 8-й дивизии. Но тут же немцы были встречены 2-й танковой дивизией. В результате Манштейн и его солдаты оказались в крайне опасном положении, так как атаку возглавляли русские сверхтяжелые танки КВ-1. Основным танком дивизии был слабый чешский 38(t), который никак не мог соперничать с русскими машинами.

«Скорчившись в неглубоких окопчиках, под дорожными мостами и в кюветах либо вообще посреди поля, немецкие солдаты ждали приближения вражеских танков. Ожидание превратилось в настоящую пытку, так как наша дальнобойная артиллерия обстреливала эти танки, не подозревая, что одновременно обстреливает и собственных пехотинцев, повезло тем, кто сумел укрыться под мостами и в других убежищах. Они могли наблюдать за происходящим, не замеченные противником. Гигантские танки с грохотом приближались, стремительно вырастая в размерах. Один из них натолкнулся на небольшое болотце, в котором увяз наш PzKw-38t. Не колеблясь ни секунды, черный монстр переехал беспомощный танк. Та же участь постигла немецкую 150-мм гаубицу, которая не успела вовремя скрыться. Когда КВ-1 приближались, гаубица стреляла по ним в упор, не причиняя никакого вреда. Один из танков пошел прямо на нее, и гаубица попала ему в лобовую броню. Мигнула яркая вспышка, и раздался громовой удар, когда снаряд взорвался. Танк остановился, словно в него ударила молния. Артиллеристы облегченно вздохнули, и один из них сказал: «Ему конец». – «Да, этот получил свое», – согласился командир расчета. Но тут они буквально позеленели, так как кто-то крикнул: «Он снова движется!» Действительно, танк снова двинулся вперед, громко лязгая траками. Танк смял тяжелое орудие, словно детскую игрушку, вдавил его в землю и исковеркал, ничего не заметив. С гаубицей было покончено, но расчет, к счастью, успел бежать».

От полного разгрома Манштейна спасло то, что он предусмотрительно перебросил к месту боя 2 батареи 88-мм зенитных орудий 23-го зенитного полка, приданного его корпусу. Они сумели подбить несколько этих супертанков, причем один из них даже проскочил через мост и едва не вышел к позициям батареи, но был остановлен в самый последний момент.

Но русские продолжали наращивать силы и ввели в бой 5-ю танковую и 84-ю механизированную дивизии. В результате 8-я танковая дивизия не выдержала напора и отошла за реку, но теперь Манштейн приказал взорвать мосты, так как не видел никаких перспектив для наступления. К тому же, как мы говорили, немного севернее ситуация принимала все более опасный характер. Генерал Гальдер 7 июля делает в своем дневнике такую запись:

«Ясно лишь, что наш 41-й танковый корпус, с самого начала находившийся в районе Тильзита, разбит танковыми корпусами русских и что танковый корпус Манштейна так и не

сумел продвинуться на север, чтобы подрезать основание русского клина и вынудить русских начать отход. Мы готовим организованное отступление, намереваясь прикрывать его танковыми соединениями».

Но Гальдер слишком оптимистично оценивал ситуацию. К этому времени 41-й механизированный корпус потерял уже около 70 процентов своих танков, положение 56-го корпуса было немногим лучше, недаром ведь Манштейн решительно отказался от всяких попыток проявить активность. Окончательно веру Гёпнера в успех подорвали сообщения авиаразведки – почему-то русские не особенно старались перехватывать эти самолеты. Скорее всего они, уничтожив ударные силы 1-го воздушного флота, просто не придавали особого значения действиям самолетов-разведчиков. Удастся перехватить – перехватят, но целеустремленно охотиться за ними никто не собирался. Так вот, разведчики обнаружили выдвижение к линии фронта новых крупных танковых сил русских. Это был недавно сформированный и тайно перебронированный в Прибалтику 28-й механизированный корпус в составе 6-й и 54-й танковых дивизий, 236-й моторизованной дивизии и приданных частей. Еще 860 танков готовились обрушиться на изнемогающие войска Гёпнера. В результате он, нарушая приказы ОКХ, оставил у себя моторизованную дивизию «Тотенкопф» и выдвинул ее на фронт в полосу обороны 41-го механизированного корпуса. Одновременно генерал Рейнгардт перебросил на угрожаемый участок свою 36-ю моторизованную дивизию.

Утро 8 июля началось мощным налетом советской авиации на Тильзит и его окрестности, впрочем, гадать, куда именно будет направлен очередной удар, не было необходимости. Так как истребителей у генерала Келлера не осталось, отдуваться за все пришлось зенитчикам. Они старались как могли и даже сбили несколько самолетов, которые опрометчиво снизились слишком сильно, но все равно поспешно построенные оборонительные позиции заметно пострадали. После этого по немцам открыла ураганный огонь тяжелая артиллерия. Командующий 8-й армией генерал-лейтенант Собенников стянул сюда почти всю свою артиллерию. После часовой артподготовки в атаку пошли танки 28-й танковой дивизии 12-го мехкорпуса.

Немцы встретили их нестройным артиллерийским огнем, так как часть батарей пострадала во время авианалета. Однако и того, что осталось, хватило, чтобы остановить атаку, так как советские танки действовали отдельно от пехоты. Это шло вразрез с немецкими наставлениями и всем опытом предыдущих кампаний. Судя по всему, советские командиры делали ставку на один-единственный фактор – подавляющее превосходство в силах. Но, поскольку эта дивизия имела на вооружении только более старые танки Т-26 и БТ-7, ее атака захлебнулась, а на поле осталось около 60 сгоревших машин. Немцы полагали, что на этом все закончится, никакой командир не позволит своим частям нести такие большие потери, однако они крупно недооценили решимость генерала Собенникова. После полудня начал атаку 28-й мехкорпус. Вспоминает генерал Рейнгардт:

«Как можно было предвидеть, противник подтянул свежие силы и не только от Пскова, но и от Минска и Москвы. Вскоре нам пришлось на северном берегу Немана обороняться от атак противника, поддержанных одной танковой дивизией. На некоторых участках дело принимало серьезный оборот... Наконец, 7 июля в корпус прибыло третье механизированное соединение – дивизия СС «Тотенкопф», но это не облегчило нашего положения, так как русские подкрепления были гораздо более многочисленными».

И если первую атаку 28-го корпуса немцы еще сумели отбить, то вторая, в которой участвовала и 236-я моторизованная дивизия, принесла русским успех. При этом большую помощь танкистам оказала авиация. Истребители штурмовали позиции немцев, прижимая их к земле пулеметным огнем, что позволило танкам подойти вплотную к наспех вырытым траншеям.

6-я танковая дивизия наступала короткими бросками. Ширина наступления дивизии не превышала 10 километров, что обусловило высокую плотность танков в первой линии, как позднее вспоминал один из участников боя, танки шли так плотно, что почти каждый выпущенный снаряд из немецких противотанковых пушек достигал своей цели. Но, несмотря на это, корпус двигался вперед, и в результате боев 8 июля немецкий 41-й моторизованный корпус был вынужден отойти за Неман. В целом танковой группе Гёпнера удалось зацепиться за реку, однако командующий с ужасом ожидал возобновления атак на следующий день.

Сообщения с других участков фронта были такими же неутешительными. Немецкие войска отходили, оказывая то сопротивление, на которое были способны, но отступали. Однако немецких генералов озадачивал не слишком высокий темп наступления советских частей относительно задействованных сил. Если в первый день русские танковые дивизии продвинулись на расстояние 25–35 километров, то далее скорость продвижения упала до 10 километров в сутки и даже менее. Конечно, это объяснялось усилившимся сопротивлением немцев, но имелись и другие причины.

Генерал-oberст Эрих Гёпнер был бы страшно удивлен, если бы узнал, что генерал-лейтенант Собенников ждет завтрашнего дня с неменьшим страхом, чем он сам. Собенников получил приказ командующего Северо-Западным фронтом генерал-полковника Кузнецова форсировать Неман, взять Тильзит и наступать на юг к Инстербургу. Кузнецов надеялся взять в клещи немецкую группировку в Восточной Пруссии согласно составленному плану. С севера удар наносила 8-я армия в направлении Тильзит – Инстербург – Гердауэн, а с юга 10-я армия в направлении Алленштейн – Бишуфштейн – Гердауэн. Однако к исходу уже третьего дня наступления выяснилось, что советские войска находятся в таком же скверном состоянии, как и немецкие. Во время наступления части и подразделения перемешались, вдобавок командование фронта, испугавшись собственных успехов, решило отобрать у 12-го мехкорпуса 202-ю моторизованную дивизию для защиты самого себя. После удачного нападения на штаб немецкой 8-й танковой дивизии советским генералам повсюду начали мерещиться вражеские парашютисты. Венцом этой паники стала «высадка» парашютистов прямо на улицы Каунаса.

Вдобавок выяснилось, что спешка, с которой 3-й мехкорпус был передан 8-й армии, имела и свою оборотную сторону, корпус прибыл без своих тыловых частей и сейчас испытывал проблемы со снабжением, прежде всего с боеприпасами, израсходованными в ходе ожесточенного боя. Генерал-майор Куркин сообщил Собенникову, что у него осталось не более четверти боекомплекта, а танки почти полностью израсходовали бензин, поэтому на следующий день он может вести лишь оборонительный бой. Кроме того, марш-бросок нанес гораздо больше потерь, чем атака, например, 5-я танковая дивизия потеряла в бою около 60 танков, но из-за различных поломок на дорогах остались чуть не вдвое больше. Такая же картина наблюдалась и в 28-м мехкорпусе.

Но выбора у Собенникова не было, срыва наступления ему никто не простил бы. Поэтому ночью он примчался в штаб 12-го мехкорпуса, чтобы лично ознакомиться с обстановкой на месте. Увиденное его совсем не обрадовало, и Собенников попытался сколотить ударную группу, чтобы утром попытаться форсировать Неман. Как ни странно, немцы и здесь не взорвали мосты, похоже, Гёпнер и Рейнгардт никак не могли отказаться от намерений реализовать хоть какие-то пункты плана «Барбаросса».

Чуть раньше Манштейн оценил ситуацию гораздо более трезво, правда, для этого ему потребовалось погубить 8-ю танковую дивизию. Но теперь он ясно понимал, что встречный танковый бой при подавляющем численном превосходстве Красной Армии будет настоящим самоубийством. Немцы все еще сохраняли некоторое качественное превосходство, благодаря более совершенным системам связи, однако уступали в качестве вооружения. Довольно быстро выяснилось, что советская 45-мм танковая пушка более чем эффективна против любого немецкого танка, в отличие от короткоствольных 37-мм французских пугачей. Во Франции

еще можно было рассчитывать на помощь Люфтваффе, но грозные «штука-гешвадер» бесследно исчезли где-то в необъятных просторах России, а горстка Ju-88, оставшихся в распоряжении генерала Келлера, никак не могла заменить авиацию поля боя. Снова процитируем дневник генерала Гальдера:

«Войска группы армий «Север» почти на всем фронте (за исключением 291-й пехотной дивизии, стоящей перед Либавой) отражали танковые атаки противника, которые, предположительно, вел 3-й танковый корпус русских при поддержке нескольких мотомеханизированных бригад. Правое крыло группы армий вынуждено отойти к Неману. На этом участке фронта русские сражаются крайне упорно и ожесточенно.

В общем, теперь стало ясно, нам придется совершенно забыть о наступлении, а напротив, бросить все, что только мы имеем в своем распоряжении, навстречу вклинившимся русским войскам. При этом Верховное командование Люфтваффе, видимо, совершенно не участвует в руководстве операциями своих частей, Геринг потерял голову. Это трудно понять. Полное отсутствие крупных оперативных резервов совершенно лишает нас возможности эффективно влиять на ход боевых действий».

В результате усилий Собенникова под командованием генерал-майора Шестопалова (командир 12-го мехкорпуса) собралась настоящая татарская орда, сколоченная из отдельных полков и даже батальонов. Самым главным, как полагал Собенников, было то, что он сумел наскрести 20 танков KB-1, 7 KB-2 и 20 Т-34, которые должны были сыграть роль тарана, проламывающего немецкую оборону. Вслед за тараном двигались 280 танков, собранных по принципу «каждой твари по паре». Было сложно представить, чтобы такое, с позволения сказать, «соединение» могло чего-нибудь добиться. Последующие события это подтвердили. Единственным светлым местом во всей этой мрачной ситуации была обещанная поддержка авиации. Генерал-майор Ионов твердо пообещал вбомбить Тильзит в Неман.

Свое обещание Ионов постарался выполнить, утренний налет на Тильзит оказался самым сильным из всего, что пришлось до сих пор пережить немцам. Конечно, ударам советских самолетов недоставало точности, которую демонстрировали немецкие пикировщики, однако они брали количеством. Кузнецов сумел договориться с командованием Балтийского флота и получил еще 3 полка бомбардировщиков. Конечно, не дело минно-торпедной авиации бомбить противотанковые батареи, но на них особо никто не рассчитывал, морские летчики должны были создать массовость сцены, основной удар наносила фронтовая авиация.

После короткой артподготовки (на долгую просто не хватало боеприпасов) танки рванулись к мостам. Оказалось, что немецкая оборона не столь прочная, как казалось на первый взгляд, к тому же солдаты были потрясены страшной бомбардировкой, так как нормальных траншей и блиндажей они отрыть просто не успели. Это позволило части танков проскочить железнодорожный мост, но на выходе с него они были остановлены огнем уцелевших немецких орудий. Генерал Рейнгардт, предвидя такую попытку, приказал разместить 88-мм зенитки среди зданий и садов. Часть из них была уничтожена, но остальные сделали свое дело. Тяжелые снаряды, выпущенные практически в упор, пробивали толстую броню KB, как картон. После этого следовал взрыв боеприпасов, и башня, кувыркаясь, летела в воздух. В считанные минуты на выходе с моста был уничтожен почти весь танковый таран, уцелевшие машины поспешно отошли назад. Попытку советской пехоты прорваться через мост пресекли пулеметчики дивизии «Тотенкопф». Оглушенные и потрясенные, они все-таки остались на позициях. Но, скорее всего, сыграл свою роль вид десятков сожженных танков.

Беда пришла оттуда, откуда ее не ждали. Рейнгардт не мог организовать одинаково прочную оборону по всей линии фронта своего корпуса, он правильно угадал направление главного удара русских и отразил его, но... Совершенно неожиданно 54-я танковая дивизия, хотя и

сильно ослабленная действиями Собенникова, сумела захватить мост у Рагнита и форсировала Неман. И советское, и немецкое командование считали это направление второстепенным, а потому не уделяли ему должного внимания. Находившиеся там подразделения немецкой 269-й пехотной дивизии поспешно отступили.

Собенников, узнав об этом, немедленно приказал перебросить туда сводную танковую группу Шестопалова и ударить на Тильзит. Закрепиться на плацдарме было приказано 236-й моторизованной дивизии 28-го мехкорпуса, что и было сделано. Но, странным образом, этот успех сыграл роковую роль в судьбе 12, 3 и 28-го мехкорпусов. Спешное передвижение в полосу 8-й армии, неподготовленные атаки, новая спешная передислокация привели к тому, что на плацдарм добрались не более 100 танков, чего было совершенно недостаточно для развития успеха.

Генерал Шестопалов лично повел остатки своей группы в атаку на север, однако его встретила спешно развернутая в сторону Рагнита 36-я механизированная дивизия. Генерал Оттенбахер сумел передислоцировать 87-й пехотный полк, подкрепив его двумя артиллерийскими батальонами и 36-м батальоном истребителей танков, однако его пехоте пришлось принимать крайне неудобный и опасный для себя встречный бой с танками. Если бы только русские сумели подкрепить группу Шестопалова пехотой и артиллерией, прорыв вполне мог увенчаться успехом, однако, как мы уже сказали, 236-я моторизованная дивизия в это время занималась оборудованием плацдарма, а советская артиллерия никогда не обладала подвижностью германской, но танки все равно оставались грозной силой. На левом фланге они проорвались к позициям II/36-го артиллерийского батальона и уничтожили одну из батарей, но при этом прямым попаданием 105-мм снаряда был взорван танк генерала Шестопалова. Лишь позднее русских сумели остановить истребители танков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.